

СОВРЕМЕННЫЙ ТИБЕТ

Миссия Николая Рериха Экспедиционный дневник П.К.Портнягина (1927-1928)

Публикация дневника Павла Константиновича Портнягина открывает нам еще одну страницу в тибетских странствиях Н.К.Рериха. Она проливает свет на неизвестные стороны Центральноазиатской экспедиции, названной ее руководителем также Миссией Западных буддистов в Лхасу. История появления рукописи Портнягина столь же драматична, как и само путешествие через Трансгималаи, где караван оказался запертым в ледяной пустыне. Власти Тибета беспрецедентно задержали экспедицию на 5 месяцев. Произошло улыбочливое пленение Буддийской Миссии и, как следствие — ее зимнее стояние на высотах Чантанга, вблизи Нагчу.

Личности самого автора дневника, который после экспедиции обосновался в Харбине и стал известен как священник отец Павел, будет уделено особое внимание в послесловии, в отдельном сюжете. Здесь же, предваряя публикацию документального свидетельства о многотрудных путях в Тибет, редакция считает своим долгом кратко рассказать об истории открытия этого уникального документа — рукописного дневника П.К.Портнягина.

В 1993 году российские газеты «Известия» и «Московский комсомолец» опубликовали заметки об индийских находках в долине Кулу, в Урусвати. Наряду с редкими манускриптами, в руки ученых попали дневники членов экспедиции Рериха — К.Н.Рябинина и П.К.Портнягина. Первый из дневников увидел свет в нашем журнале в 1996 году и вскоре вышел отдельной книгой «Развенчанный Тибет» (под редакцией А.М.Кадакина). Появление книги — заслуга уральского издателя В.В.Лизина, безвременно ушедшего из жизни, когда рукопись уже была готова к печати. В его распоряжении оказалась тогда же и рукопись Портнягина «Современный Тибет». Трагическая гибель пресекла большие издательские замыслы. Он не успел пустить рукопись в дело, и она перешла в самарское издательство «Агни». В конце 1997 года редакция журнала «Ариаварта» получила ксерокопию оригинала дневника Портнягина для публикации. Было принято решение продолжить изучение судеб Тибетской экспедиции в рамках журнала.

Хотя редакционный портфель и оказался полон различными материалами об исследованиях Центральной Азии, дневник Портнягина привлек пристальное внимание издательского совета. Дело в том, что это было не просто путешествие в «сердце Азии», известное в литературе до последнего времени как научно-художественная экспедиция. Караван, выступивший из Урги, прошел по Монголии и Тибету как Посольство Западных буддистов. Глава Посольства Н.К.Рерих

должен был встретиться с Далай-ламой и обсудить с ним возможность объединения буддистов Востока и Запада в одно религиозно-политическое движение. Кроме того, в 20-е годы назрела необходимость реформирования буддизма в масштабах всей Азии (революционные подвижки в Китае, социальные потрясения в Монголии, английское влияние в Индии и Тибете). И как результат такого реформаторского шага — перекройка карты Азии и мечты о Новой стране на просторах Сибири. Идея создания сибирского государства легла в основание мирового «Великого Плана» Рериха. Именно поэтому каждый новый документ, освещающий Тибетскую экспедицию, сегодня представляет неоценимую историческую важность.

Дневник Портнягина является вполне завершенным, самостоятельным документом, повествующим о судьбе уникальной экспедиции. В нем запечатлены драматические события зимовки погибающего каравана на подступах к Лхасе. Заканчивается текст описанием выхода экспедиционного отряда на переправу в верховьях реки Брахмапутры.

Нам кажется существенным обратить внимание исследователей на автограф Рериха, оставленный им на оборотной стороне титульного листа рукописи Портнягина. В записи приводится список участников экспедиции, которые вели свои личные дневники. Причем, указана очередность опубликования материалов. И далее, что касается рукописи Портнягина, Николай Константинович отметил: «Право русского издания оставлено за автором».

Родственников у Портнягина не оказалось, однако редакции посчастливилось разыскать воспитанницу Конвента Святой Урсулы в Харбине Л.В.Пешкову, которая училась у о. Павла Портнягина. Она подготовила для нашего журнала краткую биографию П.К.Портнягина.

Главный редактор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мне был дан совет вести дневник нашего путешествия, который должен был быть впоследствии опубликован, я сначала недоумевал, какое значение может иметь дневник человека, занимающего в Миссии техническую должность и не обладающего никакими специальными знаниями. Но впоследствии я понял, что при некоторой наблюдательности я могу дать читателям интересный материал, обрисовав, насколько это возможно, личность такого замечательного человека нашего времени, каким является Н.К.Рерих. Имя это в настоящее время настолько хорошо всем известно, что я затрудняюсь сказать что-либо по этому поводу. Хочу только припомнить обстоятельства, при которых я впервые познакомился с Н.К.

Первое наше знакомство произошло осенью 1924 года в Харбине. Я тогда живо интересовался всем, что касалось вопросов духовной жизни,

читал теософическую литературу, принимал деятельное участие в теософических кружках, когда однажды случайно увидел в витрине одного из книжных магазинов книгу Н.К.Рериха. Это были «Пути Благословения». Может быть, название книги, а может быть, и внутреннее чутье подсказали мне необходимость познакомиться с содержанием этой книги. Не имея возможности приобрести ее — я тогда находился в очень стесненных материальных обстоятельствах — я взял абонемент в одной из публичных библиотек и таким образом получил возможность ознакомиться с содержанием произведших на меня глубокое впечатление «Путей Благословения».

В этой книге давались довольно ясные намеки на связь автора с Гималайским Братством, этой безусловно авторитетной организацией Учителей Жизни.

Особенно запечатлелся в моем уме призыв Рериха к Красоте и Бесстрашию. Последнее и было одной из причин, заставивших меня оставить столицу Маньчжурии и уехать на юг, в неизвестное будущее. Конечно, мне тогда очень хотелось встретиться с Н.К. лично, но это было невозможно.

Два года я провел в путешествиях по Китаю и в октябре 1926 года волею судьбы попал в Ургу, где неожиданно встретил Н.К.Рериха уже в его физическом теле. Встреча эта произошла следующим образом: я жил в то время в Урге со своим другом Б., последователем Вивекананды и большим поклонником всего, что исходило из Индии. Однажды я случайно узнал, что в этом же городе проживает некто, недавно приехавший из Индии. Я сообщил об этом Б., и тот на другой же день поспешил с визитом к неизвестному приезжему. Вернувшись домой, он показал мне листок бумаги, где был написан постоянный адрес путешественника и его имя. К моему великому удивлению, я прочел: «N. Roerich», написанное по-английски. Я был настолько поражен, что не мог решить, идти мне к нему или нет, когда на другой день получил приглашение Н.К. пожаловать к нему. Оказывается, Б. уже рассказал там обо мне. На следующий день мы с Б. были у Рериха. Нас приняли сам Николай Константинович, его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич. Разговор шел об искусстве, Н.К. показывал репродукции своих картин, написанных в Индии. Вся семья Рерихов производила удивительно благоприятное впечатление; сидя у них, я испытывал чисто физическое ощущение полного покоя и какой-то внутренней теплоты. Визит затянулся до позднего вечера и закончился легким ужином, после которого мы распростились с изумительными хозяевами и ушли к себе. На другой день я опять посетил Н.К., получив персональное

приглашение. Здесь Н.К. неожиданно предложил мне идти с ними в Тибет в предполагаемое на будущий год путешествие. Подобное предложение было для меня счастьем, и я немедленно согласился. Таким образом я попал в состав Миссии Западных Буддистов и весной 1927 года выехал вместе с другими из столицы Монгольской Народной Республики — Улан-Батора (Урги) в Тибет.

ДНЕВНИК

13 июня 1927. Сегодня Е.И. прочла мне и доктору* из своей тетрадки слова Учителя, в которых дается нам совет вести дневник путевых записей нашей Миссии. Прежде я несколько раз пробовал писать дневник, но скоро терял интерес к этому занятию; начну писать опять.

Сегодня исполнилось ровно два месяца со дня выезда нашего из Урги. Помню, день 13-го апреля был ясным, солнечным, одним из первых весенних дней Северной Монголии. Отъезд наш был назначен на 10 ч. утра, но вследствие небрежного отношения к исполнению необходимых формальностей со стороны Советского Торгового Представительства, у которого мы взяли машины для нашего каравана, отъезд наш задержался почти до 3-х часов дня. Наконец, благодаря любезности Монгольского Правительства и некоторых членов Ученого Комитета МНР, все недоразумения были улажены, и, после непродолжительной остановки в таможне, мы оставили пыльный город, миновали мост через Тоу и выехали в просторы Монголии. Некоторое время нас провожали на отдельном моторе М.М. и З.Г. Лихтманы.** У местечка Цзаин-Шаби все автомобили остановились, и здесь мы простились с Лихтманами. Зинаида Григорьевна просила меня особенно заботиться о Е.И. На другой день Лихтманы должны были вылететь на аэроплане в Верхнеудинск.

Дорог в Монголии нет, но почва почти всюду каменистая и местность ровная. Поэтому даже для автомобилей нет серьезных препятствий. Всего расстояния от Урги до монастыря Юм-Бейсе, на юго-западе, считается около 700 километров, и мы покрыли это расстояние в 11 дней. По дороге часты были поломки вследствие изношенности машин. Лучшей машиной для Монголии признан «додж», как наиболее выносливый. Только карессери автомобиля здесь оковывают железными обручами и укрепляют поперечными болтами. Ехать было немного холодно, местами еще лежал снег. Но в общем дорога доставляла много удовольствия: чистый воздух,

* Константин Николаевич Рябинин, доктор экспедиции.

** Лихтман Морис и Лихтман (Фосдик) Зинаида.

необозримые просторы Монголии и ночная синева неба, всегда безоблачного, вносили много свежести в мой утомленный мозг.

Шоферами наших машин оказались не совсем привлекательные люди, за исключением одного, по фамилии Зейтман. В шоферы гобийского транспорта попадают большей частью люди с авантюристическими наклонностями и психологией американского ковбоя.

Качества эти порою действительно необходимы в местных условиях работы среди безграничных пустынь, поросших колючками саксаула и населенных бандитами, одетыми в традиционную китайскую синюю одежду и вооруженными русскими трехлинейными винтовками и японскими карабинами.

Но так или иначе, на одиннадцатый день мы, поднявшись на гребень пятого или шестого песчаного перевала, увидели внизу под собой беспорядочную кучу жилых строений, похожих на расстоянии на ласточкины гнезда — это был монастырь Юм-Бейсе. Здесь нас встретил агент Советского Торгового Представительства и проводил в долину, указав удобное для стоянки место. Всего провели мы в Юм-Бейсе пять дней, собирая верблюжий караван, ибо, как показала предыдущая дорога, дальше идти на автомобилях было невозможно. Перед нами на юг расстилалась необозримая Гоби, или Шамо, что в переводе на русский значит «Море песка»; и действительно, даль волновалась перекатами песчаных барханов желтовато-серых тонов, очень похожая на слегка взволнованное зимнее море. На второй день стоянки над нами пронесся бешеный ураган, засыпавший нас тучей песка и довольно крупной гальки. Наша столовая палатка-зонтик была вывернута наизнанку и несколько пострадала, моя палатка была вовсе опрокинута из-за плохо укрепленных гвоздей по углам. Пришлось перенести лагерь в другое место под защиту горных отрогов.

Наконец, караван был составлен в количестве 40 животных, из которых часть пошла под верх для членов Миссии и служащих.

Для того, чтобы удобнее устроиться на качающейся спине верблюда, к грузовому седлу привязываются с боков чемоданы, а сверху кладутся разные мягкие вещи и подушки. Пассажир садится на всю эту кладь и чувствует себя чем-то вроде китайского богдыхана или, во всяком случае, очень торжественно и натянуто.

Я и Ю.Н. ехали, как и караванщики-монголы, верхом, на специальных верховых верблюжьих седлах. Специальность этих седел заключается, главным образом, в том, чтобы дать всаднику почувствовать всю разницу между ездой на коне и на верблюде. В общем, сидение верхом на верблюде мало чем отличается от сидения верхом на качающемся заборе.

Верблюды были наняты в местном монастыре, и проводниками пошли ламы под начальством монастырского *нирвы*, т.е. заведующего хозяйством. Местные монголы очень грязны, невежественны и суеверны. Для них пустыня таит в себе всевозможные ужасы. Во время наших остановок на ночлег нельзя было добиться у проводников названия данной местности — по их поверью, если громко произнести название места, где мы сейчас стоим, пустыня может услышать и может случиться несчастье.

Весь переход через Центральную Гоби происходил пересеченной местностью — невысокие горные хребты тянулись с востока на запад, почти наполовину засыпанные желтым песком с примесью мелкого черного щебня. Дорога шла обычно вверх по высохшему руслу ручья до его истоков, чтобы потом спуститься по другому руслу на противоположную сторону хребта. Иногда гребень хребта был разрезан узким ущельем, обнажавшим монолиты базальтов и вулканического туфа.

Караван наш был разделен на три эшелона: первым шел грузовой эшелон, за ним эшелон членов Миссии с вооруженной охраной и затем опять грузовой. Вооружение наше состояло из 8 карабинов Маузера, двух русских винтовок, одного автоматического пистолета Маузер у Ю.Н. и нескольких револьверов разных систем. Переход через Центральную Гоби до урочища Шибочен мы совершили в 22 дня. Некоторые местности считались опасными в смысле возможности разбойного нападения: местами еще бродили остатки шаек Чжа-ламы, терроризировавшего одно время все караванные пути между Тибетом и Монголией. Сам Чжа-лама был убит в своем «городе» в 1923 году начальником монгольского экспедиционного отряда, высланного из Кобдо специально для ликвидации разбойной шайки. Начальник монгольского отряда явился в резиденцию Чжа-ламы под видом торговца контрабандным оружием и, подавая бандиту хадак, выстрелил ему в сердце из небольшого браунинга, спрятанного под хадаком.

Одну из ночных стоянок мы провели у самого «города» Чжа-ламы — его бывшей резиденции. «Город» этот представляет собою небольшое укрепление, обнесенное невысокой земляной стеной, и построен в смешанном сартско-китайском стиле.

Проходя эти места, мы с Ю.Н. несли ночную охрану лагеря, сменяясь по половине ночи.

Но если опасный район мы прошли спокойно, то в безопасном месте, в урочище Шара-Хулусун, нам пришлось провести 2 часа под ружьем. Вечером, когда были уже зажжены огни, вдруг с противоположного берега ручья раздался винтовочный выстрел, и затем прибежал проводни-

к-монгол с сообщением, что стрелял какой-то неизвестный всадник в направлении их палатки. Немедленно весь конвой был приведен в боевую готовность и выслана вперед разведка, которая после продолжительного отсутствия вернулась с сообщением, что на другой берег ручья прибыл торговый караван и что стрелял начальник каравана — китаец с целью выяснить, находятся ли в палатке мирные люди или разбойники... Странная логика у этих китайцев!

В Шара-Хулусуне мы провели 2 дня, чтобы дать нашим верблюдам немного отдохнуть после тяжелого пустынного перехода. Урочище это представляет собою горный оазис с тенистыми деревьями и прозрачным ключом, воды которого не достигают долины: песок пустыни и неумолимое солнце иссушают их до капли уже в полуверсте от источника. За эти 2 дня мы успели познакомиться с китайским караваном, где оказался служащий русский татарин из бывших солдат белых армий. Он сообщил нам, что караван их идет из Тяньцзиня в Синьцзян с грузом чая и разной мелочи и что в пути они уже шестой месяц. У этого татарина Ю.Н., большой любитель шоколада, купил целый мешок шоколадных конфет почтенного возраста и твердых, как щебень пустыни. Отдохнув в Шара-Хулусуне, мы двинулись в дальнейший путь. Дорога лежала через китайский город Аньсичжоу, но Н.К., знавший обычаи китайцев еще со времени их хотанских неприятностей во время путешествия по Синьцзяну в 1925 году, предпочел пройти несколько восточнее города, что мы и совершили вполне благополучно. Первый день пути за Аньси стояла страшная жара, и Е.И. чувствовала себя совсем неважно.

На четвертый день мы достигли урочища Шибочен в автономной области Кукунор, населенной монголами и находящейся под управлением Мачитажена — сининского амбана. Это урочище расположено у подножия хребта Наньшань, снежные вершины которого далеко видны.

После недельного отдыха в Шибочене я выехал в Сучжоу, где должен был встретить нашего сотрудника Кордашевского, как было с ним условлено.

Дорога в Сучжоу идет такой же пустыней, поросшей кочками жесткой травы и колючего кустарника. Только в местах, где вода, посажены ряды японских тополей для защиты посевов от знойного солнца — тут живут люди. Вода здесь попадает довольно часто — на юго-востоке снежные вершины Наньшаня.

Кордашевского в Сучжоу не оказалось. Отправил телеграммы в Америку и консулам в Тяньцзинь и Пекин, а также оставил у почтмейстера письмо для Кордашевского и выехал обратно в лагерь.

Из Сучжоу отправил почтой книгу «Община» в Тяньцзинь, брату; * для него это будет ценным приобретением.

14 июня. Сейчас 4 часа. Скоро должны привести лошадей для ежедневной прогулки верхом. Лошади у нас смешанных монголо-китайских пород, есть две карашарские. Верховая езда дает много приятных минут. Езда верхом — это лучшая гимнастика, один из самых здоровых видов спорта. Жизнь в движении. И тем интенсивнее жизнь, чем ускореннее движение. Поэтому путешествия, непрерывные передвижения с места на место есть наиболее разумный образ жизни для человека.

Сегодня мы с некоторыми из членов Миссии ездили осматривать развалины старого китайского форта, разрушенного дунганями в 10-х годах текущего столетия. Крепость построена по общему всем китайским крепостям плану: представляет собою усеченную четырехгранную пирамиду с зубцами стен и воротами аркой. Сейчас там живут несколько китайцев, ведущих торговлю с местными монголами.

15 июня. Сегодня удивительно красивый вечер. На западе еще догорали последние искры золотого заката за темными зубцами горных вершин, когда с противоположной стороны голубовато-фиолетовый тон горных склонов и, казалось, самого воздуха медленно насыщался серебристым светом еще не видной глазу луны. И когда на западе с красками все было покончено, на востоке открылась чудная панорама: цепь снежных вершин Наньшаня и внизу мягкий переход долины к холодному серебру реки у самого лагеря, и все это в светло-фиолетовых, голубоватых тонах, пропитанных серебристыми струями лунного света; и над самой высокой снежной вершиной огромный блестящий диск луны... Завтра еду в Чан-Ма закупать мулов для нужд нашего каравана. Миссия через 2 дня выступает в Шарагольчи в 4-х переходах от Шибочена.

Доктор делает успехи в верховой езде: сегодня ездил рысью и немного даже галопом.

17 июня. Почти все состоятельные китайцы в Чан-Ма курят опий. Большинство детей, встречающихся на улицах, носят на себе явные признаки вырождения.

В Чан-Ма я остановился у богатого китайца, который поместил меня в своей домашней кумирне. В глиняной кумирне с решетками окон, оклеенными бумагой, — прохладно.

Прямо против входной двери устроен алтарь с нарисованным на китайской бумаге Гесер-ханом; вокруг изображения деревянная рама с резьбой, расписанная масляными красками: среди цветов и птиц извивает-

* Портнягин Михаил Константинович, состоял в переписке с Музеем Рериха в Нью-Йорке.

ся золотой дракон — символ космической энергии. Или, как говорят китайцы, дракон, производящий гром и молнии на небе; дракон, из хвоста которого получается электричество...

18 июня. Покупка мулов протекает слабо. Живу по-прежнему в храме Гесер-хана. Ежедневно утром приходит старая китайка, мать хозяина, зажигает медный светильник и курительные свечи перед алтарем, отчего храм наполняется сухим сизым дымом, слегка пахнущим жженой бумагой.

19 июня. Переехал в майхан.* Выбрали за селом место у ручья, среди зелени поставили палатку — так лучше. За три дня, проведенных в душевной китайской фанзе, у всех нас побледнели лица, испортилось настроение даже у моих нетребовательных проводников-монголов. Этот китайский способ стройки жилых помещений надо признать неудачным. Квадратный внутренний дворик, куда выходят двери и окна всех помещений, противоположные стены которых одновременно являются и оградой, высокой, сплошной, не пропускающей свежего воздуха вовнутрь строения. Китайцы в своих помещениях курят опи́й раза 3-4 в день, остальное время не выпускают изо рта трубок; и весь этот дым, приторный дым опи́я и сухой дым дешевого табака, стоит весь день во всех четырех помещениях. Если прибавить к этому запахи кушаний и различных солений, стоящих тут же во дворе, то не будет удивительно, если заболит голова даже у монгола. К тому же, за 2 месяца нашего путешествия я привык жить в легкой палатке, где температура воздуха ничем не отличается от внешней температуры и где воздух являет максимум свежести, доступной данному месту.

20 июня. Самый миролюбивый народ в мире — китайцы, и в то же время ни в одной стране нет такого количества крепостей, как в Китае. Правда, большая часть таких крепостей построена просто из глины и носит скорее характер декоративных, бутафорских.

Сегодня лично обследовал большую часть хуторов с целью выяснить возможность закупки здесь нужных нам 50-ти мулов. Выяснилось, что продажных мулов здесь немного и цены на них высоки. Завтра еду в соседний город Юй-Мын-Сян, может быть, там удастся решить задачу собственного каравана.

Мой скромный майхан превратился в своего рода местный клуб. Место, действительно, выбрано нами удачно: на зеленой лужайке, почти на равном расстоянии от всех хуторов. Можно бы устроить здесь общественный сад и библиотеку, если бы позволил культурный уровень населения.

* Майханэ — палатка.

Из разговоров с местными богатеями узнаю, что обыкновенно работник-батрак, возделывающий хозяйские поля и несущий разнообразную домашнюю работу, получает в месяц 400 тун'ян, т.е. около 1.50 мексиканских доллара.

22 июня. Юй-Мын-Сян (Нефритовые Ворота) явился приятной неожиданностью. Вместо обычной грязи и суеты китайских городов, Юй-Мын являет образец чистоты и порядка: на перекрестках дощечки с наименованием улиц, дома нумерованы, улицы чисто выметены; полицейские одеты в форму европейского покроя.

Когда мы проезжали мимо Управления полиции, нас остановил полицейский чиновник, вежливо осведомился, кто мы, откуда и зачем прибыли, и затем проводил нас до квартиры человека, у которого мы предполагали остановиться и точного адреса которого мы не знали. Рядом с Управлением полиции помещается публичная библиотека — через открытые двери видны были длинные столы с разложенными на них в образцовом порядке газетами и журналами.

Городская квартира оказалась не совсем удобной, и мы воспользовались любезным предложением одного местного помещика и в тот же день переехали к нему. Его усадьба — настоящая крепость, с высокими, до 2 1/2 сажен стенами и солидными воротами. С наружной стороны стены густо обсажены зелеными японскими тополями, дающими четкий рельеф на бледно-желтом фоне глиняных стен. Среди окружающей пустыни Юй-Мын — красивый оазис.

24 июня. С покупкой мулов дело идет плохо. Два дня, проведенных в Юй-Мыне, дали всего шесть мулов среднего качества и дорогих. Говорят, чтобы достать нужную нам цифру (50 мулов), нужно объехать все соседние села до самого Сучжоу. Придется вернуться в Шарагольджи за дальнейшими инструкциями.

26 июня. На обратном пути из Юй-Мына в горах мой проводник потерял дорогу и мы попали в другое ущелье, где дорога прекращалась у небольшого китайского поселка, населенного рудокопами. Тут же на горных скатах видны были следы примитивной добычи каменного угля. Наступила ночь, и пришлось остановиться на ночлег в одной из грязных лачуг, где к моему приезду пятеро полуголых, перепачканных в угле людей сидели на нарах и при тусклом свете двух масляных коптильников играли в карты. Возле каждого игрока лежала кучка медных гох. Печка была жарко натоплена, и в воздухе чувствовался запах угля. От предложенного чаю я не отказался, несмотря на окружающую грязь, но принять любезное предложение хозяев переночевать у них на грязных нарах не рискнул и спал

под открытым небом, постелив на землю пару мешков и седло под голову.

29 июня. Вчера поздно вечером добрались мы до Шибочена. Много возни было по дороге с мулами — здесь груженных мулов гоняют просто табуном, причем время от времени та или иная группа мулов убегает в сторону и погонщикам приходится гоняться за ними по степи — это отнимает много времени и очень утомляет лошадей. Лошадь проводника Кайуцина совсем выбилась из сил, и потому сегодня теряем день в Шибочене: надо взять другую лошадь из табуна.

2 июля. Опять в прежней обстановке. Сегодня утром мулы были благополучно доставлены в лагерь Миссии. Лагерная жизнь с внешней стороны протекает по-прежнему однообразно. После дружеской встречи и обмена приветствиями узнаю, что путь из Шибочена в Шарагольжи, который я сделал в 2 дня, Миссия совершила в 6 дней — Е.И. в дороге заболела и пришлось переждать 2 дня у перевала Кашахара (14000 футов). На этом перевале мне пришлось впервые испытать на себе действие разреженного воздуха — никаких неприятных ощущений не было, через перевал я шел пешком. Мои два проводника — местные монголы — чувствовали себя не совсем хорошо: ночью (мы провели ночь под самым перевалом) они не могли спать — одного всю ночь душили кошмары, другой стал жертвой бессонницы. Беру шесть дней отдыха в Шарагольжи и затем еду обратно в Юй-Мын покупать остальных 30 мулов. Надеюсь, к 1 августа удастся составить полный караван для дальнейшего пути. С местным хошунным начальником полный разрыв — он оказался слишком жаден и не держит данных обещаний.

3 июля. День Майтрейи. В нашей походной часовне-палатке, где висят тибетские танки с изображениями Будды и Царя Шамбалы, было служение. Служили наши ламы.

Приходили соседи-монголы, обходили по обычаю вокруг палатки в направлении слева направо три раза, затем останавливались против входа, слушали чтение.

Не так давно еще в Шарагольжи кочевало до 3000 юрт, теперь только 60. Монголы вымирают.

4 июля. Охотился безрезультатно на каменных баранов в горах Гумбольдта, недалеко от Улан-Дабана. Ущелье, прорытое горным ручьем, берущим начало у снежных вершин хребта, обнажает слои кирпично-красной глины, перемежающейся с сероватым щебнем. В этой породе попадаются прекрасные точильные бруски. В ущелье прежде существовали золотые прииски. Наверху, в углублениях скал, ютятся каменные бараны. Высота — около 14000 футов — сильно затрудняет охоту на них.

5 июля. Производили пробную стрельбу из винтовок. Русские винтовки советского выпуска имеют очень большую игру в стволе, чем затрудняется прицелка. Число попаданий на расстоянии 120 шагов выразилось у Ю.Н. — 2:5, у меня — 1:5. Карабины Маузера оказались очень расстрелянными. Число попаданий у Ю.Н. — 0:5, у меня — 1:5. Охотничий штуцер Ю.Н. дал 2:5. В общем, наше вооружение надо признать неудовлетворительным.

После 12-ти начался буран. При сильном ветре — тучи пыли с редкими каплями дождя. Моя монументальная палатка гнется под напором ветра, скрипит. В палатке все занесено пылью. Буран продолжался недолго — к четырем часам дня все стихло, и только крупные капли дождя долго еще барабанили в стенки палатки. Винтовку Ю.Н. удалось привести в надлежащее состояние. Пришлось несколько урезать цевье ложа и изменить форму наствольных колец. Характерная подробность: материал, из которого сделано ложе, оказался сосной! Бедная Красная Армия, бедное советское военное производство!

7 июля. Строим субурган. Из камня и глины с кирпичной облицовкой. Кирпич готовят наши ламы. После ухода нашего пусть останется память о Великом Посольстве, пронесшем весть мирового единства буддистов, пронесшем братский привет Западных буддистов — буддистам Востока перед великими днями Шамбалы.

За обедом опять говорили об Америке. Вспоминали М.М. и Э.Г. [Лихтманов] — благополучно ли протекла их воздушная поездка из Урги в Верхнеудинск?

8 июля. На завтра назначен мой отъезд в Махай в южном от нашей стоянки направлении. Прежнее намерение закупить еще 30 мулов в Юй-Мыне оставлено, теперь предполагается купить в Махае верблюдов. До Махая считается 6 дней пути.

Сегодня наш лагерь посетил *нирва* из Гумбума (большой монастырь вблизи Синина), привез новости: в Тибете в этом году хороший урожай на травы и хлеб; сининский амбань старается завязать дружеские отношения с местными буддистами, а, следовательно, и с Тибетом. Причина — нелады с Фын-юй-сяном. Интересная подробность: у сининского амбана проживает в качестве гостя сын известного китайского политического и военного деятеля, маршала У-ней-фу.

9 июля. Всю ночь на сегодня шел дождь. Утром немного разъяснило, и в 9 часов мы выступили караваном из 7 животных в Махай. Но через час дождь начался снова и уже не прекращался до самого вечера. На Улан-Дабане за ночь выпал небольшой снег, и во все время нашего перехода через горы нас

окутывали волны сырого тумана, очень холодного. Только на самом перевале воздух был сух, здесь было значительно теплее, падал нормальный снег. К четырем часам дня остановились на южном склоне хребта, под дождем расставили палатку и долго потом возились с разведением огня — мокрый зак не хотел гореть. После долгих усилий удалось при помощи свечки и бараньего жира вскипятить чайник снега и наполнить палатку удушливым, едким дымом сырого зака и резким запахом бараньего жира. Всего мы были в пути семь часов. По дороге попадались зайцы и медведи.

10 июля. После трехчасового перехода сделали привал на южном берегу Халтын-Гола. Халтын-Гол по своим размерам походит на Шара-Гол, только почва здесь глинистая со значительной примесью крупной гальки. Направление течения реки то же, что и Шара-Гола — с востока на запад. Травы здесь немного. Видны несколько юрт монголов и 2-3 стада баранов. На островах, образуемых многочисленными рукавами Халтын-Гола, водятся турпаны. В халтынгольской долине видели стада куланов.

Следующий перевал в 15-ти километрах от нашей стоянки в южном направлении — Чахарин-Дабан.

После трехчасовой остановки у Халтын-Гола перешли через Чахарин-Дабан, относительная высота которого невелика, и стали спускаться в долину Бага-Халтын-Гола. Несмотря на недавний обильный дождь, воды на южном склоне хребта нигде не оказалось и пришлось спуститься к самому Бага-Халтын-Голу. Остановились на ночь на южном берегу реки, куда пришли в половине десятого вечера, сделав всего за день 10 часов. Завтра будет последний перевал, после которого местность начнет постепенно понижаться к Цайдаму.

11 июля. Аршан-Булак. Остановились на ночь после восьмичасового перехода. На пути был небольшой перевал Халтын-Дабан. На перевале нас встретил дождь, продолжавшийся до вечера. Внизу в багахалтынгольской долине гремел гром — была гроза. Спуск на южный склон Халтын-Дабана красив: глубоко внизу горный ручей и за ним почти отвесные склоны высоких гор, увенчанных причудливой резьбой вершин, и все задернуто частой сеткой мелкого дождя.

На пути часто встречаются стада коз и куланов.

12 июля. Четвертый день дождь — это начинает надоедать. Сегодня из-за сильного дождя прошли только 6 часов. Остановка в урочище Нор. «Нор» означает — «Озеро», но в действительности имеется только болото, труднопроходимое для грузовых животных. У нас два мула провалились в трясину и не могли встать — пришлось разгружать. Затем я, ища выход из болота, провалился вместе со своей лошастью, винтовка моя упала

в трясины, и весь канал оказался забитым липкой грязью. Дорога от Аршан-Булака до Нора идет песчаными барханами, поросшими кочками саксаула, — очень похоже на Гоби.

13 июля. Остановились в 3-х часах от Махая, на берегу Орогин-Гола. Можно бы дойти сегодня вечером, но перед Махаем местность болотистая и в темноте с грузовыми животными идти трудно. Берега Орогин-Гола покрыты богатой (в местном смысле) растительностью: встречаются даже деревья. Сегодня сделали 4 часа. Дорога после дождей очень грязна.

14 июля. Махай — равнина, поросшая высоким кустарником. Во время сильных дождей местами превращается в болото. Бомин-Гол, Иче-Гол, Модоту-Гол, Махай-Гол — четыре названия небольшой речки, протекающей через урочище в направлении с юго-востока на северо-запад. На берегу Махай-Гола стоит небольшой буддийский монастырь, поблизости от которого мы и остановились, сделав сегодня последние 3 часа.

15 июля. Перенесли нашу стоянку несколько вниз по реке, ближе к кочевьям. Против нас на высоком берегу монастырские строения. Интересная встреча: нирва далай-ламского представительства в Урге, Чимпа, выехавший из Урги осенью прошлого года, и которого мы считали уже прибывшим в Лхасу, оказался здесь. В дороге, во время перехода через Улан-Дабан, он повредил себе ногу и принужден был остаться в Махае. Не имея возможности придти лично, Чимпа передал мне через ламу местного монастыря свой привет и прислал подарки: изюм, печенье и чай.

Приезжал местный старшина по имени Налхай, с ним говорили о верблюдах. По его словам, сытых верблюдов в Махае сейчас не найти: в это время года верблюды вообще худы, и, сверх того, в этом году лето сухое и нет хорошей травы.

Посетил Чимпу. Видел очень худого, желтого человека с большим прямым носом и огромными черными усами. Очень болен. Жалуется: нельзя достать здесь русского доктора, который мог бы разрезать ему живот и удалить болезнь. Лама местного монастыря дает ему какие-то облатки, но пользы они не приносят. Думает присоединиться к нашему каравану.

Вечером, после захода солнца, проводник-лама вышел на берег реки, сел лицом к западу, читал священные тексты. Мелодично звенел серебряный колокольчик. Бледнели последние краски заката. Одинок горела Венера. Когда лама кончил чтение и встал, из-за спины его медленно выплыл огромный оранжевый диск полной луны. И желтый халат ламы неожиданно дал гармоничный переход от оранжевой луны на востоке к бледно-палевым краскам заката.

16 июля. По утрам и особенно по вечерам много комаров. Днем, когда жарко, комары исчезают. Abercromby's fly dope мало помогает, лучше окутывать голову легкой материей, вроде чалмы.

Была маленькая гроза: 2-3 громовых раската и немного мелкого дождика.

17 июля. Осматривал местный монастырь. Храм оказался пуст и неокончен постройкой; общежития также пусты, только в одном из них живет сарт, торговец из Синьцзяна. Единственный лама живет в юрте около небольшого субургана, на котором видна дощечка со священной формулой «Ом мани падме хум». Здесь же производятся и служения.

В Махае сейчас часты случаи смерти монголов от неизвестной болезни. Врачебной помощи, конечно, никакой. В прошлом году здесь же вымер весь рогатый скот от чумы.

18 июля. Купил 8 верблюдов. В среднем по 78 долларов, говорят, дешево — в прошлом году верблюды продавались по 80 лан, т.е. около 100 долларов. В деле покупки много помог Чимпа, старый опытный караванщик. Вечером привели еще двух верблюдов. Купил.

19 июля. Купил еще 19 верблюдов.

20 июля. Покупка верблюдов закончена. Куплено 32 верблюда и одна лошадь. Средняя цена — 78 долларов. Остается приобрести необходимое количество грузовых седел и можно отправляться в обратный путь. Советуют оставить верблюдов здесь на пастбище и перевезти груз Миссии на наемных из Шарагольчи, но я думаю, если дать животным трехнедельный отдых в Шарагольчи, этого будет вполне достаточно.

21 июля. Прощальный обед у Чимпы. После обеда передача хадака и подарков Начальнику Миссии. Завтра выезжаем обратно в Шарагольчи.

24 июля. Аршан-Булак. Вчера в Норе купил одного верблюда и два грузовых седла. После десяти дней ясной погоды дорога через болото Нора стала суха, и мы прошли благополучно.

26 июля. Две грозы за один день. На Халтын-Дабане нас захватил проливной дождь с градом, шедший с запада — вымочил до нитки. После грозы вокруг солнца была радуга. Было 12 часов дня. Пришли на Халтын-Гол, едва успели расположиться, как снова разразилась гроза — на этот раз с востока. Дождь бил с такой силой, что пробивал стенки палатки, и внутри палатки все было залито водой. Это было показательно, насколько монгольские палатки (майханы) непригодны в дождливое время года, тогда как моя однорядная, чуть ли не из кисеи, американская тропическая палатка совершенно не пропускает дождя. Последние дожди сильно под-

няли уровень воды в Халтын-Голе: там, где прежде вода была по колено лошади, теперь лошадь принуждена плыть.

27 июля. Халтын-Гол стал неузнаваем. Вместо мелкой, разбитой на множество рукавов речки, мощный поток мутно-желтых волн широкой реки и по ним быстро несущиеся белые айсберги пены. Халтын-Гол пришлось переплыть верхом на лошади. Верблюды были переведены километров на пять выше по реке — не любят они высокой воды.

28 июля. Оставив караван на ночевку на северном склоне Улан-Дабана, я поехал один в лагерь Миссии, рассчитывая к вечеру прибыть на место. Наступила темная, безлунная ночь. В долине Шара-Гола стоял густой туман; в темноте я проехал мимо лагеря и, проплутав всю ночь, только на следующее утро прибыл в лагерь.

29 июля. Вчера был день неожиданностей. Во-первых, приехал Кордашевский, которого мы уже не надеялись видеть с нами. Не прошло часа, как приехал Кордашевский, разразилась гроза — с горы хлынул бешеный поток грязной воды, смыл столовую и кухонную палатки и затопил и занес песком и камнями палатку Ю.Н. Под проливным дождем, по колено в воде, пришлось перетаскивать уцелевшие вещи и палатку Ю.Н. на сухое место. Часть вещей оказалась унесенной в реку. Сегодня весь день сушили и чистили вещи и оружие. Особенно пострадали запасные винтовки, лежавшие на полу в палатке Ю.Н., — стволы их были совершенно забиты песком.

Субурган закончен постройкой, осталось только выбелить его известкой. Получилось высокое красивое сооружение из обожженного кирпича с навершием, вырезанным из жести. В субурган, по обычаю, было положено несколько ценных вещицек и пригоршня зерна. Кордашевский привез с собою одного русского, * который остается у нас на должности заведующего хозяйством. Завтра он уезжает в Сучжоу за вещами Кордашевского (полковник прибыл в наш лагерь только при сабле) и, кстати, приобретет для нас необходимое из продуктов и предметов домашнего обихода.

3 августа. Закончился ежегодный духовный съезд, на который обычно собираются все местные ламы для совершения общих служений. Съезд продолжался неделю. Жизнь нашего лагеря протекает обычно спокойно. Субурган окончательно отделан: основание и шпиг, состоящий из 12 кругов и символизирующий 12 Нидан Учения, — выбелены известкой; украшения наверху, изображающие месяц, солнце и пламя, выкрашены соответственно в белый, желтый и красный цвет.

* Голубин — служащий англо-китайской коммерческой фирмы в Тяньцзине, нанятый Н.В.Кордашевским как переводчик.

Сегодня достали наш портативный походный Mignonphone, слушали Вагнера.

5 августа. Начали ковку лошадей. Куем на передние ноги. Подковы местные, очень плохого качества. Кузнецы — китайцы; монголы, как и всюду, никаких ремесел не знают. Подковать 10 лошадей на передние ноги стоит 5 долларов.

6 августа. Вчера, во времяковки лошадей, в 10.30 ч. утра высоко в воздухе было замечено какое-то странное белое пятно, быстро подвигавшееся в направлении с северо-востока на юго-запад. В бинокль можно было рассмотреть его веретенообразную форму. Строились предположения, что это игрушечный воздушный шар, пущенный из ближайшего китайского города, но сегодня выяснилось, что это был летательный аппарат Братства, на котором один из сотрудников Братства возвращался в Тибет после посещения им Таши-Ламы, находящегося, как известно, в Мукдене. Аппарат этот движется с помощью «смешанной силы А».

7 августа. Освящение субургана. Служение длилось 2 1/2 часа. Приезжал местный старшина Мачен. Он оставался нам должен 170 долларов, теперь предлагает купить у него на эту сумму верблюдов. Н.К. решил купить.

Трое слуг-бурят категорически заявили о своем нежелании идти с нами дальше, причина — боязнь высоких перевалов и больших рек Тибета.

Вчера приехал в Шарагольджи переводчик сининского амбана с 16-ю солдатами. Это их ежегодный рейд с целью сбора податей. В прошлом году, говорят, приезжало только трое солдат, но у них вышли неприятности с местным старшиной, и потому теперь приехало уже 16.

Последнее время я начал заниматься английским языком — необходимо, наконец, овладеть этим языком вполне. Он может быть мне полезен в будущем.

8 августа. Приезжал геген цайдамский, совершал служение у субургана. Гегена сопровождала свита из 10 человек на белых конях; приехал также и Мачен в полной парадной форме, в шляпе с коралловым шариком и черным султаном. На гегене была желтая лакированная круглая шляпа с таким же лакированным шариком в виде октаэдра. Одет он был в темно-малиновый халат и поверх него кофта оранжевого шелка.

После краткого служения на субурган были возложены хадаки, и затем геген попросил сфотографировать его у субургана. Н.К. и Ю.Н. сфотографировали его двумя аппаратами.

Сегодня прибыли и приступили к своим обязанностям трое новых слуг — торгоуты. Приехали на конях со своими пистонными ружьями на

сошках. Торгоутов этих нам доставил старшина Мачен под своей ответственностью.

9 августа. Утром приехали два гонца с письмом от князя Курлык-Бейсе. В письме своем князь сожалеет, что не может видеть нас лично, и предлагает со своей стороны всяческое содействие в устройстве нашего каравана. Но караван наш уже составлен, верблюды и лошади куплены, слуги наняты. Н.К. послал князю ответное письмо с выражением благодарности за его предупредительное отношение и сообщением, что караван наш уже составлен и готов к выступлению.

Подобная любезность монгольского князя знаменательна, т.к. все прежние путешественники встречали в этих местах одни только неприятности.

В первом часу дня приехал туп-сы (переводчик) сининского амбана со своими солдатами. Сначала все было по-хорошему: разговор о пустяках, обмен приветствиями; потом туп-сы попросил показать ему вещи Миссии; после поверхностного осмотра вещей туп-сы уехал, но через четверть часа вернулись двое его солдат и начали разговор о купленных нами верблюдах, за которых якобы надо уплатить налог. После бесконечных китайских разговоров солдаты уехали ни с чем: Н.К. отказался платить незаконные поборы.

10 августа. Опять приезжал посланец от туп-сы. На этот раз был прислан монгол, начальник местной милиции. Он передал нам от имени туп-сы следующее: т.к. мы отказались показать ему наши вещи и т.к. у нас есть большое количество оружия, и еще потому, что мы не позволили распечатать письма, адресованные ланьчжоускому дубаню (губернатору), но показали только конверты с именем адресата, то он, туп-сы, должен послать о нас извещение в Синин, а мы должны пребывать здесь, в Шарагольджи, до получения им ответа от амбана. Кроме того, начальник милиции передал от имени старшины, что если мы не заплатим налог на верблюдов, китайцы возьмут эти деньги с местного населения. На это Н.К. ответил, что за верблюдов он согласен заплатить, чтобы избавить население от несправедливых поборов, но что касается остального, то все это он, Н.К., не берет во внимание.

12 августа. Сегодня, наконец, закончилась китайская комедия. Пришлось показать все паспорта и другие подходящие документы, причем паспорт, выданный синьцзянским генерал-губернатором Янем еще в 1925 году во время путешествия Н.К. по Китайскому Туркестану, оказался наиболее веским документом в глазах чиновников сининского амбана, как известно, подчиняющегося Фын-юй-сяну, политическому противнику Яня. За верблюдов уплатили налог в размере 120 мексиканских долларов.

Вместе с китайцами пришли и трое наших бывших слуг-бурят. Эти люди, уйдя от нас по собственному своему желанию и нарушив заключенный с Миссией в Урге контракт, по которому они обязывались пробыть на службе Миссии не менее восьми месяцев, вздумали получить с нас путем шантажа, при посредстве китайцев, еще денег. Но когда Н.К. договорился с сининскими чиновниками и уплатил налог на верблюдов, китайцы сами спросили, нет ли у нас каких-либо жалоб на наших людей, и узнав, что трое из наших слуг ушли со службы в Миссии самовольно, до окончания срока их контракта, и, кроме того, занимаются распространением ложных и клеветнических слухов о нас, предложили подвергнуть их телесному наказанию. А когда Н.К. сообщил о своем намерении арестовать их и выслать в пределы МНР, китайцы согласились и взяли на себя выполнение этой задачи. Буряты будут препровождены в Ургу в распоряжение начальника ГВО.

Вскоре после отъезда китайцев к нашему лагерю подъехал неизвестный молодой лама в богатой одежде, но без свиты. Этот странный незнакомец сказал, что он прибыл из Таджинера, но на вопрос, куда едет, ответил: «Не знаю, или в Лхасу, или в Ургу».

Сейчас привели двух иноходцев от туп-сы. Купили одного гнедого за 55 долларов.

Таинственный незнакомец поведал нам следующее: монгольское посольство арестовано в Нагчу; тибетскими властями получены сведения о продвижении больших вооруженных сил русских в направлении Тибета, и потому из Нагчу на Найчжи двинуты конные части тибетской армии. Незнакомец посоветовал нам перед Найчжи выслать вперед разведку во избежание столкновения. Что нужно понимать под «большими вооруженными силами русских», не знаю. Вероятно, наш скромный караван, раздутый до таких размеров сказочной фантазией Востока. Относительно самого незнакомца укрепляется мнение, что он является гонцом того самого монгольского посольства, которое арестовано.

13 августа. Приехал офицер от князя Курлык-Бейсе, привез хадак и подарки: кусок шерстяной материи и немного изюму. Просил пожертвовать на строящийся в ставке князя храм. Н.К. передал ему 50 долларов.

Мачен продал двух верблюдов с седлами за 166 долларов, которые он оставался нам должен.

В Шарагольчжи погода удивительно однообразна. С утра и до двух часов дня обыкновенно бывает ясно или немного облачно; после двух часов дня начинается западный ветер, постепенно переходящий в ураган, горизонт завлакивается тучами желтой пыли и песка, ветер рвет палатки и бушует

до половины ночи, иногда вместо пыли западный ветер приносит дождь. Завтра отправляется гонец в Аньсичжоу, отвезет наши письма на почту.

14 августа. Таинственный незнакомец-лама разоблачен окончательно. Перед арестом монгольского посольства ему удалось бежать, по дороге он присоединился к каравану гумбумского нирвы, возвращавшегося из Лхасы в свой монастырь, а из Таджинера он повернул на Махай и сюда. Теперь он выдает себя за странствующего монаха, собирающего пожертвования в пользу одного из цайдамских монастырей. По-видимому, ему удалось бежать из Нагчу совершенно без средств, потому что теперь он начинает уже распродавать свой гардероб.

16 августа. Начался осенний перелет уток. По ночам становится холодно.

18 августа. На завтра назначено выступление нашего каравана в Цайдам. Еще не решено окончательно, каким путем пересечем мы равнину Цайдама: или прямо на Найчжи мимо Дабасун-Нора, или через Таджинер. Первый путь короче тремя днями, но идет через самое сердце Цайдама со всеми его недостатками: жарой, комарами и грязью.

19 августа. Первый день пути. Прошли немного. Остановились перед Улан-Дабаном. Вчера вечером приехал Голубин (новый служащий Миссии), привез из Сучжоу вещи Кордашевского и кое-какие продукты.

Из Шарагольжи наш караван выступил в 6.30 ч. утра, но лагерь был поднят на ноги уже в 4 ч. утра. Была тихая нехолодная ночь; горы, залитые лунным светом; оживленная суতোлка лагеря создавала бодрящее настроение. Было приятно от сознания предстоящего пути, продолжения пути после долгого перерыва.

21 августа. Третий день пути. Дневка у Халтын-Гола. Вчера сделали 9 часов. Верблюды с грузом Миссии прошли это же расстояние в 14 часов.

23 августа. Остановка у Халтын-Дабана. Сделали 3 1/2 часа. Вчера прошли 7 часов. Подобные неравномерные переходы приходится делать из-за отсутствия воды и травы в нужных местах.

24 августа. Аршан-Булак. Прошли 5 часов. Подробность: «аршан-булак» значит «святой ключ», так он стал называться с того времени, как здесь останавливался Далай-Лама в 1904 году, во время своего бегства в Ургу после неудачной войны с англичанами, когда последние заняли Лхасу. Прежнее название ключа было «Му-Булак», т.е. «дурной ключ», и это название больше соответствует его современному состоянию.

26 августа. Ичеган-Гол. Пришли вчера, сделав 5-ти часовой переход от Аршан-Булака. Ожидаем из Махая Чимпу. Здесь значительно

теплее, чем в Шарагольчи. Хороший корм для лошадей. В лагере идет общая чистка и починка. Вечером, после шести, — дождь с легким западным ветром.

28 августа. Вернулся гонец, посланный из Шарагольчи в Аньси с нашими письмами. Привез квитанции, выданные на почте против наших писем. Вечером приехал гонец из Махая с известием, что Чимпа выехал и завтра будет здесь. При нем 4 груженных верблюда, среди груза которых 30 штук русских винтовок, приобретенных в Урге для лхасского правительства.

29 августа. Чимпа приехал. На вид он все еще очень болен, хотя немного пополнил сравнительно с тем, каким был месяц тому назад. Чимпа рассказал нам много интересного: оказывается, наша история с сининским туп-сы в Шарагольчи получила совершенно своеобразную окраску в глазах монголов Махая. Туп-сы, проезжая Махай, узнал о существовании русского каравана в Шарагольчи, и т.к. с ним было 16 «непобедимых» китайских солдат, решил этот русский караван экспроприировать. В Шарагольчи русские отказались платить китайцам, и только благодаря миролюбивому посредничеству местного монгольского населения удалось предотвратить кровавое столкновение между двумя враждебными лагерями, уже готовившимися начать военные действия. Яркий пример любви монголов к преувеличениям. Местные монголы рассказывают о нападении голоков на таджинерских монголов в прошлом месяце. Были якобы убитые: со стороны голоков 5 человек и со стороны монголов — 6. Но этим рассказам трудно верить. Обыкновенно нападения голоков ограничиваются угоном скота у монголов, которые при этом не оказывают почти никакого сопротивления.

Завтра в 3 часа утра назначено выступление нашего каравана в дальнейший путь. Теперь к нашему грузу прибавился еще груз Чимпы, состоящий из винтовок и патронов для лхасского правительства. Этот груз идет под флагом правительства Далай-Ламы. Флаг желтый с официальной формулой: «Непоколебимый Держатель Скипетра, Далай-Лама. Слава Тринадцатому в Цепи».

30 августа. Ихе-Цайдамин-Нор. Прошли 4 часа. Сегодня первый день шли под американским флагом: в голове нашего маленького каравана на лошадях один из лам вез на пике небольшой звездный флажок. Днем было жарко, но мы приехали к озеру уже в половине одиннадцатого, и потому Е.И. не очень страдала от жары. Н.К. в обществе К.Н.[Рябинина] и Н.В.[Кордашевского], несмотря на удушающую жару, ходил к самому озеру, версты за две от нашего лагеря. Вода в озере соленая, на отмелях

видны целые пласты соли. Воду для питья берем из подпочвенных ключей, которых здесь много. К северо-востоку от озера — вершины Цайдамин-Ула, некоторые покрыты снегом. Горы уже второй день подернуты легкой синеватой дымкой тумана.

31 августа. Урочище Такаман. Сделали 3 часа. Остановились недалеко от буддийского храма красного толка. Около храма расположена группа складочных помещений, где монголы хранят излишки своих запасов и вещей; живут несколько китайцев-торговцев. Интересно, что на складах хранятся кожаные мешки с кварцевым песком, который куда-то отправляется для выделки стекла. В полуверсте от храма юрта ламы — доктора метафизики из Сера. Здесь же живет местный старшина, у которого мы думаем купить верблюдов. В урочище пасется много княжеских табунов, и ввиду такого большого количества животных караванам разрешается стоять здесь не более двух дней. Получено сведение о возвращении Таши-Ламы в Тибет, его грузовой караван будто бы уже прибыл в Гумбум, хотя сам он еще находится в Пекине. Этому сообщению не совсем можно верить, т.к. у него были крупные разногласия с Далай-Ламой в 1923 году и ему удалось бежать из Тибета с большим трудом — посланные правительством 500 всадников были задержаны перед Нагчу выпавшим обильным снегом на перевалах, день спустя после проезда Таши-Ламы.

Приходил метафизик, продал нам свою лошадь за 45 долларов. Н.К. передал ему два отпечатка изображения Будды Всепобеждающего и с хадаком несколько долларов. Были также показаны метафизику пророчества о грядущих днях Шамбалы. В свою очередь, он рассказал последние тибетские новости.

Куплено у старшины 2 верблюда и нанято двое монголов проводниками.

1 сентября. Таталын-Гол, урочище Табун-Илисун. Сделали 5 часов. Километрах в десяти к югу озеро Бага-Цайдамин; высота местности, по определению Н.К., 9700 футов. В урочище водятся змеи и тарантулы. Почва в урочище солончаковая и, вследствие долгого бездождия, сухая. Километрах в трех от нашего лагеря, у гор — трон Далай-Ламы из камня и глины. Здесь население устраивало Его Святейшеству торжественную встречу в 1904 году.

2 сентября. Прошли полтора часа. Остановились на юго-западной окраине урочища Бага-Цайдамин. Завтра предстоит большой переход через безводную пустыню. В ночь на сегодня часть животных ушла обратно в Ихе-Цайдамин, только к 2 часам удалось их вернуть.

3 сентября. В 3 ч. ночи груз Миссии на верблюдах был отправлен

дальше, верблюды пройдут пустыню в три дня. Лошадям и мулам дается день отдыха здесь, в Бага-Цайдаме, и завтра они должны будут пройти весь пустынный переход до новой воды.

6 сентября. Урочище Хуху-Арал. Последний переход был исключительным по своей продолжительности. Из Бага-Цайдама караван Миссии выступил тремя партиями: верблюды с грузом ушли 3-го в 3 часа утра; 4-го в 4.30 выступил караван членов Миссии на лошадях с одной палаткой; через 2 часа вышли остальные животные с палатками и вещами, с этой партией шел я. Всего мой караван был в пути $30\frac{1}{2}$ часов, из которых мулы имели только 2 часа отдыха у ручья после девятичасового перехода от Бага-Цайдама. В урочище Хуху-Арал мулы пришли в 2 часа дня 5-го сентября. Всю ночь дорога шла по равнине, усеянной сухими комьями земли, смешанной с солью. В некоторых местах около Дабасун-Нора земля звенела под копытами лошадей: дорога шла по топкому соляному слою, под которым была пустота и дальше вязкая грязь. Во время больших дождей эта дорога становится непроходимой. В 12 ч. дня 5-го сентября караван членов Миссии остановился километрах в десяти от урочища, чтобы переждать дневную жару, оказывающую вредное влияние на здоровье Е.И. Была разбита палатка, у которой остались Е.И., Н.К. и доктор. Мы с Н.В.[Кордашевским] и проводником-монголом поехали к месту стоянки остального нашего каравана. Поражает выносливость Н.К. — провести столько часов в седле, ехать верхом день и ночь почти без отдыха — в его годы это не легко.

7 сентября. Урочище Гала-Модо. Шли 4 часа, все время долиной реки Буран-Гол. Урочище Гала-Модо принадлежит Таджинеру — области, управляемой Советом Дворян, в отличие от прочих соседних округов, управляемых, как известно, князьями. Местные монголы частично занимаются хлебопашеством: в долине Найчжи-Гола возделываются поля. В настоящее время монгольские айлы верховьев Найчжи перекочевали вниз по реке после недавних нападений голоков.

По дороге в Гала-Модо, проезжая мимо айлов, видели, как в одном из них две женщины гнали спирт при помощи большого самодельного перегонного куба.

В урочище много уток, и в речке — форели.

8 сентября. Прошли $2\frac{1}{2}$ часа, остановились на южной окраине урочища Гала-Модо. Конечно, это расстояние можно бы пройти вчера, чтобы не терять лишний день, но с монголами-проводниками очень трудно договориться о количестве времени, требуемого для перехода; по-видимому, они вообще плохо ориентируются в понятии времени. Для Н.К., любя-

щего большую точность во всем, это должно быть неприятно, хотя на лице его трудно заметить какие-либо признаки недовольства или раздражения — оно всегда обычно спокойно.

Сегодня равнина Цайдама заканчивается, завтра большой переход в горы.

10 сентября. Переход через пустыню растянулся на два дня. Из Гала-Модо вышли вчера в 6 ч. вечера, рассчитывая сделать ночной переход при лунном свете. Около 9 ч. вечера неожиданно догнали наш верблюжий караван, посланный вперед из-за медленного хода верблюдов, немогущих поспевать за нашими лошадьми. Караван был уже разгружен, и слуги варили чай. Проводник пытался оправдать такой короткий переход тем, что дальше дорога очень трудна, идет ущельем и ночью ехать опасно. На самом же деле горы были еще довольно далеко, и потому Н.К. приказал опять нагрузить верблюдов и двигаться дальше. И действительно, мы прошли по прекрасной, ровной дороге еще целых 6 часов, пока достигли опасного места. Здесь мы дождались восхода солнца и в 6 ч. утра двинулись дальше. Пришлось два раза спускаться и опять подниматься по довольно крутой тропинке с высокого обрывистого берега реки Шугин-Гол. В 10 ч. утра пришли в урочище Цаган-Толай, где и остановились до завтра. Верблюды догнали нас только к 5 ч. вечера. Долина реки Шугин-Гол с обеих сторон обставлена высокими пирамидальными горами и красивыми базальтовыми скалами оранжево-желтых тонов с темными прожилками.

11 сентября. Сегодня нам предстоял знаменитый перевал Куку-Том, об опасностях которого так много и красноречиво писали проходившие здесь ранее путешественники. Оказалось, вся опасность заключалась в том, чтобы пройти по достаточной ширины тропинке, по карнизу базальтовой скалы, метров 40, причем внизу, метрах в 20-ти, в узкой щели шумела невидная глазу горная речка. Е.И. говорит, что в Ладаке им очень часто приходилось идти такими дорогами, иногда целый день.

Сегодня сделали 4 часа.

12 сентября. Прошли 7 часов. Дорога все время шла долиной реки Найчжи, с шумом бегущей по каменистому руслу, образуя песчаные отмели и разбиваясь на множество рукавов. Вода в Найчжи зеленовато-голубая, прозрачная. По дороге встречались многочисленные стада куланов, и даже видели двух диких яков; один из наших табунщиков пробовал охотиться на этих яков, но неудачно.

Сегодня мое дежурство, значит, бессонная ночь. Но ночи теперь так красивы: полная луна при безоблачном небе, на синем фоне которого так

четко вычерчены изломы горных вершин, и этот прозрачный лунный свет, придающий всему такой нежный, воздушный колорит. Луна — мертвец, но какой красивый, какой спокойный мертвец!

13 сентября. Прошли 4 часа, остановились у места, где Найчжи-Гол, а вместе с тем и наша дорога, круто сворачивает с прежнего западного направления на юг к Найчжи-Дабану. За невысокой грядой Гурбун-Найчжи видны снежные вершины хребта Марко Поло (монгольское название Кангар-Дакчин). Лагерь свой мы разбили невдалеке от монгольских аилов, единственно уцелевших от последнего разгрома, учиненного голоками в прошлом месяце. Тогда же ими были убиты трое монголов, полуистлевшие трупы которых мы видели по дороге из Цайдама в горы. За всю дорогу долиной Найчжи-Гола, представляющей собою богатое урочище, мы не встретили ни одного аила, хотя во многих местах видны были следы недавних стойбищ. Когда мы подъезжали к последним аилам, навстречу показалась группа вооруженных всадников числом в 16 человек, быстро пробиравшихся между песчаных барханов на взгорье, лежавшее влево от нашей дороги. По-видимому, они собирались совершить обходное движение нашей колонны, но замеченные вовремя, они были предупреждены. По распоряжению Н.К. мы повернули обратно и, поднявшись на высокий берег реки, заняли удобную в боевом отношении позицию. Увидев наш маневр, монголы, которых мы приняли сначала за голоков, остановились и тоже заняли позицию шагах в 400 от нас. Тогда один из наших табунщиков, торгоут Очир, поехал навстречу противнику, крича что-то по-монгольски, монголы, в свою очередь, стали по одному подъезжать ближе. Так было установлено взаимопонимание, и инцидент, суливший опасности, закончился благополучно. Из дальнейших разговоров с монголами мы узнали, что они приняли нас за монгольских солдат, т.к. мы ехали с флагом. Из этого можно заключить, что эти монголы, боящиеся своих же солдат, вероятно, находятся в дружеских отношениях с голоками и, может быть, вместе с ними предпринимали военные операции против таджинерских монголов в прошлом месяце. Внешность этих людей не внушала никакого доверия: грубые тупые лица, уродливое телосложение и недоверчивый взгляд исподлобья делали их похожими на каких-то гномов из сказки. Все они были одеты в грязные бараньи шубы с обнаженной правой рукой и плечом, имели длинные тибетские мечи за поясом и древние пистонные и кремневые ружья. На наше современное оружие они смотрели с завистью. Впрочем, они прекрасно были осведомлены о преимуществах и недостатках самых разнообразных систем оружия. Так, придя к нам в лагерь, они определили у Ю.Н. пистолет «маузер», у меня и Голубина

наганы. Браунинг доктора они называли детской игрушкой. На ночь мы установили усиленную охрану лагеря, по предложению полковника были даже вырыты в нескольких местах ложементы.

14 сентября. Тибет встретил нас белым хадаком: перед Найчжи-Дабаном пошел снег, и за перевалом в узкой межхребтовой долине все было покрыто толстым слоем снега. Остановились после 7 часов пути в высокой горной долине между хребтами Гурбун-Найчжи и Марко Поло, в местности, называемой Кангар-Дакчин, т.е. «Снежная Обитель». И, действительно, снега здесь было много...

Сегодня я шел с караваном верблюдов; дорога на перевал была очень крута и трудна для животных; грузы постоянно падали, приходилось перевьючивать, и в результате я с двумя эшелонами верблюдов отстал на два часа от остального каравана. Когда мы уже почти поднялись на перевал, из бокового ущелья навстречу нам выехало 5 всадников с ружьями за плечами — это были опять те же монголы. Всадники, поднявшись на перевал, слезли с коней и, собравшись в группу, стали о чем-то переговариваться между собой. Не желая подвергать караван опасности нападения, я подъехал на близкое расстояние к монголам, спешил и, взяв карабин на изготовку, ждал, пока наши верблюды поднимутся на перевал. Когда все верблюды прошли перевал и стали спускаться в долину, монголы сели на лошадей и уехали в восточном направлении; тогда и я сел на своего коня и поехал вслед каравану. Когда мы спустились в долину Кангар-Дакчин, там бушевала снежная гроза: гремел гром и шел мокрый снег. Было холодно. До моего прибытия двое из наших табунщиков застрелили большого яка, после чего наши люди устроили себе обильный ужин, в результате которого умер один из двух лам, присоединившихся к нам в Бага-Цайдаме. Да и остальные чувствовали себя ночью плохо. Доктор определил смерть от паралича сердца.

15 сентября. Вследствие снега и холодной погоды сегодня выступили поздно, в 12.30 ч. дня, тогда как обычно мы выходили в 6 ч. утра. Утром к Ю.Н. приходил Цзанген-лама, старший среди наших караванщиков, и от имени всех слуг принес белый хадак, прося отпустить их домой. Подобное решение явилось следствием впечатления, произведенного на них смертью ламы.

Конечно, отпустить наших слуг и остаться одним с караваном в сотню животных было бы нелепо, и потому Ю.Н. велел Цзанген-ламе положить хадак в карман и убираться.

Прошли 4 ¹/₂ часа до небольшого дождевого озера на южном склоне хребта Марко Поло. Сегодня облачно, но осадков не выпадает. После вчерашнего утомительного перехода в сердце чувствуются перебои.

Переход от Найчжи до хребта Думбуре считается опасным в смысле разбойного нападения, потому Н.К. отдал распоряжения об усилении ночной охраны лагеря; место для остановок на ночь также выбирается в зависимости от стратегических условий местности.

Чимпа чувствует себя сегодня очень плохо, просит составить опись его груза на случай смерти.

16 сентября. Спустились в долину реки Чумар, остановились после пяти часов пути. Перед нами горная цепь Кукушили. Быть может, это и есть Кокуши старовой легенды о счастливом царстве Беловодье, куда дорога ведет «через Кокуши на Богогорше и затем по самому Ергору». И тогда легенда становится былью. И самое название «беловодье» так подходит соляным озерам Чантанга.

Ночью была снежная метель, в отдалении глухо раздавались громовые раскаты и ослепительно сверкала молния.

17 сентября. Прошли 6 часов до предгорий хребта Кукушили. Завтра будем стоять день по просьбе Чимпы, который хочет составить завещание на случай своей смерти. Идет мокрый снег. Тепло.

18 сентября. Стоим день у небольшого соленого озера. Ю.Н. составил для Чимпы завещание, написанное по-тибетски и по-английски.

19 сентября. Перешли Кукушили. Вследствие общей высокой местности, хребет Кукушили невелик. Хребет в этой своей части представляет ряд мягких холмов, покрытых травой и лишайником. У подножия одного из таких холмов расположился наш лагерь, на берегу горного ручья. Вблизи лагеря на горных скатах бродят стада диких яков.

22 сентября. Стоим у перевала Думбуре-Хутул на берегу небольшой речки Бюре-Гол. Сегодня на дороге бросили одного мула и одного верблюда, т.к. они не могли идти дальше. Вчера бросили лошадь. Вчера стояли вблизи соляного гейзера — большой кратер глауберовой соли до 2¹/₂ метров высоты и около 2 метров в поперечнике; на дне кратера бурлит вода, насыщенная солью. По желанию Н.К. я сфотографировал этот гейзер с двух сторон.

Уже второй день ожидаем встречи с тибетскими военными постами, которые должны находиться в районе хребта Думбуре.

Н.К. вспоминал сегодня о тех огромных пространствах земной поверхности, покрытых песком, которые ему пришлось видеть за время своих путешествий. Н.К. называет это «омертвлением планеты».

24 сентября. Прошли Думбуре и хребет Цаган-Обо, спустились к озеру Олун-Нор. После Цаган-Обо на горизонте все время были видны горы Буха-Магнай и северные отроги хребта Тангла.

Подходя к озеру, увидели первый тибетский пограничный пост. Пост состоял из 10-ти чинов местной милиции. При нашем приближении с поста был отправлен всадник в направлении юго-востока. Как потом выяснилось, он был послан на соседний пост, где находился десятник, прибывший к нам в тот же день вечером.

Н.К. переслал десятнику визитную карточку и письмо, адресованное начальнику пограничной стражи. Письмо будет отправлено в Нагчу завтра и через 3 дня уже будет на месте: гонцы отправляются по уртонам. Десятник сообщил, между прочим, что в Нагчу ожидают пропуска как-то 4 иностранца, прибывшие из Синина.

25 сентября. Перешли гряду невысоких холмов и, переправившись через Тохтомай-Улан-Муурен, остановились перед хребтом Буха-Магнай. Прошли всего 6 часов. Новых постов не встретили. Н.К. проводит любопытную параллель между отношением к прибывающим иностранцам со стороны китайской пограничной стражи и тибетской. Насколько чины первой назойливы и нетерпимы, настолько вторая поражает своей скромностью и вежливостью. Вчера начальником поста была составлена со слов Ю.Н. опись количества людей и животных нашего каравана. Опись эта посылается вместе с донесением в Нагчу.

26 сентября. Предполагали дойти до Дречу, но переход вышел слишком длинен. Е.И. чувствовала себя нездоровой после вчерашней простуды, потому сделали остановку после 6 1/2 ч. пути, не дойдя до Дречу. По дороге встречалось много диких животных, особенно антилоп, подхвачивших совсем близко к нашему каравану. По-видимому, местные жители совсем не охотятся на них. По этому поводу Н.К. сделал интересное замечание о том, насколько глубоко проникли заветы Будды в сознание даже таких малокультурных племен Тибетского нагорья, как местные хорпа.

27 сентября. Прошли 6 часов. По дороге пал еще один мул. Дречу перешли благополучно: вода была низкая. Остановились лагерем у одного из северных отрогов хребта Тангла. Днем шел снег с сильным ветром.

28 сентября. Атак-Хапчигай. Дорога идет через невысокие холмы северных отрогов Тангла. На восток и на запад более высокие вершины покрыты снегом. Далеко на востоке особняком стоит двойная вершина горы Дорчже. Перед первым горным проходом с северо-востока подошла на слияние сининская караванная дорога; у этого места видели огромного черного медведя со светло-рыжей шерстью на голове и шее. Медведь завтракал, разгребая лапами норки и доставая сусликов.

Сегодня с утра сильный холодный ветер со стороны Тангла. Несмотря на холод, Н.К. едет в кожаном пальто, одетом поверх шерстяного свитера. Вечером — снежная гроза.

30 сентября. Продолжаем подниматься к перевалу. В ночь на вчера выпал большой снег и лежит до сих пор, несмотря на жаркое солнце. Солнечные лучи, отраженные снегом, слепили глаза и обжигали кожу на лицах; за вчерашний день все загорели, точно под июльским солнцем. У Н.К. заболели глаза, и сегодня он ехал в очках. Наши проводники потеряли дорогу, и нам пришлось заночевать в горах вблизи аилов племени хорпа. От этих хорпа мы узнали правильную дорогу на перевал: завтра придется вернуться обратно часа на два пути до настоящей дороги. Местный абориген, которого привел к нам в лагерь Ю.Н., обещал завтра проводить нас до перевала. Он же сообщил, что за перевалом стоит в настоящее время батальон регулярных тибетских солдат, возвращающихся из Кама.

Вчера и сегодня наши ламы всячески стараются убедить нас остановиться перед перевалом на несколько дней. Причины подобных просьб не совсем ясны, вероятнее всего, — общая усталость от пройденного большого пути.

1 октября. Стоим под перевалом. Установилась ясная погода, снег на южных склонах гор весь растаял. Сегодня пали еще 2 верблюда и мул. Причиной падежа животных надо считать повсеместный плохой корм. Трава всюду редкая и очень жесткая. Сегодня сделали 6 часов, из которых 4 ушло на поиски правильной дороги. Как оказалось, вчера мы уклонились значительно к западу от дороги и, благодаря этому, миновали военный пост, находившийся у слияния восточной и западной дорог в урочище Акин-Хапчигай. Этот пост, по словам местных жителей, состоит из 30 человек регулярных солдат из Кама.

Местные жители, принадлежащие к племени хорпа, совершенно не похожи на монголов. У них нет выдающихся скул; глаза имеют прямой разрез; большой, часто длинный, нос и богатая растительность на лице. Одеваются хорпа в тибетские халаты, носят тибетские сапоги из шерстяной цветной материи, шляпу им заменяет копна спутанных, беспорядочно торчащих во все стороны густых, черных, всегда грязных волос. За поясом у каждого заткнут длинный прямой тибетский меч. Пастух, которого мы здесь встретили и который указал нам дорогу на перевал, носил снежные очки.

2 октября. Тангла. Высота 16000 футов. Стоим между двумя перевалами. Весь день с утра дует холодный юго-западный ветер; небо ясно. Посредине пути между перевалами поставлены 7 больших обо из дикого камня. Направо от второго перевала высятся 5 снежных вершин, располо-

женных в квадрате, — в этой области обитают 12 богов — охранителей Тибета. Боги эти очень капризны: вы никогда не знаете, чего они от вас хотят, поэтому лучше не произносить вслух названия гор, дабы не навлечь на себя гнев охранителей, который обычно раздражается снежной грозой и сильным ветром.

В дороге пала одна лошадь, купленная в Цайдаме. Этим подтвердилось общее мнение караван-баши о непригодности монгольских и особенно цайдамских лошадей к горным дорогам Тибета.

3 октября. Прошли второй перевал и начали спускаться на южную сторону хребта. На втором перевале устроены сотни маленьких обо, собранных в большие группы. По обычаю, каждый караван здесь останавливается, чтобы поставить хотя бы маленький обо. Наш проводник-тибетец тоже сложил небольшой обо, посыпал его сверху жертвенным изюмом и возжег курение. По его словам, боги — охранители Тибета были милостивы к нам, этим и объясняется ясная погода сегодня. За час до перевала мы миновали военный пост, не обративший на нас никакого внимания; дорога шла по левому берегу небольшой речки, на противоположном берегу которой у гор стояла большая белая палатка, около палатки паслись лошади; синей струйкой вился дымок; людей не было видно. По желанию Н.К. я фотографировал с двух сторон самую высокую вершину перевала Тангла.

На южном склоне встретили конный разъезд милиции, шедший на смену посту, стоящему на перевале. Остановились на ночь после девятичасового перехода вблизи места, называемого «Верхний горячий источник». В пути пали: верблюд, лошадь и мул.

4 октября. «Нижний горячий источник». Остановились в километре от источника, у речки. По дороге сегодня встречались большие стада домашних яков, видели айлы местных жителей племени хорпа.

После завтрака Н.К., К.Н.[Рябинин], Н.В.[Кордашевский] и я посетили горячий источник. Песчаниковые скалы, узорно источенные водой и ветром, причудливо склонялись над огромными бассейнами прозрачной, морского цвета воды, где спокойно плавали большие, странной формы рыбы. В воздухе слышался сильный запах сероводорода. Горячие гейзеры били в разных местах по обе стороны голубой речки. Гейзеры были разных размеров и форм: или большие, клокотавшие и пенившиеся в круглых каменных чашах, или совсем маленькие, бившие тонкой струйкой из-под земли, или просто вытекавшие из-под скал широким ручьем. Вода в источниках очень горячая. Н.К. сфотографировал один из этих гейзеров на фоне береговых скал.

5 октября. Прошли 5 1/2 часов. Переход прошел благополучно, все животные дошли до места стоянки. Сегодня опять попадались айлы и стада яков. Встретили торговый караван, шедший из Тибета. Караванщики передают, что четверо иностранцев, задержанных в Шингди, пропущены в Нагчу и далее в Лхасу. По поводу этих иностранцев Н.К. высказывает предположение, не является ли одним из них некий Фильхнер, известный путешественник, с которым Н.К. встречался в Урумчи (Синьцзян).

6 октября. Шингди. Богатое урочище, где пасутся стада в сотни голов яков. Черные квадратные палатки местных жителей привлекают общее внимание. По дороге в Шингди, на третьем часу пути, мы были несколько удивлены появлением шести черных фигур, спускавшихся, странно покачиваясь и обгоняя друг друга, с ближайших холмов навстречу нашему каравану. Казалось, эти люди были сильно пьяны или несли на себе какой-то тяжелый груз. Когда мы подъехали ближе, то увидели 6 полуголых людей, вооруженных длинными мечами, с локонами черных волос, спускавшимися до плеч. Бараньи шубы, одетые прямо на голое тело, по обычаю были спущены с правого плеча. И шубы, и голые руки были одинаково черного цвета от грязи. Один из этих шести был местный старшина, шедший предупредить нас о том, что он должен послать донесение своему начальнику о нашем прибытии, и что поэтому нам придется подождать день в Шингди, пока это донесение может быть составлено и отправлено. Из дальнейшего разговора мы узнали, что сведения о пропуске 4-х иностранцев в Лхасу оказались неверными — иностранцам в пропуске было отказано и им было предложено вернуться обратно в Синин через Кам. Предложение провести день в Шингди не совсем удобно для нас, хотя, с другой стороны, это дает нам возможность приобрести новых животных взамен наших уставших. Сегодня пал еще один верблюд.

Вечером наш лагерь посетило несколько человек из соседних айлов. Особенно любопытен был один с нарумяненными щеками; в широкополой шляпе, из-под которой падали густые пряди черных волос, и с огромным *gau** в серебряной оправе на груди. Н.К. раздал им отпечатки изображения Будды Всепобеждающего; тибетцы остались очень довольны, узнав, что мы также буддисты.

7 октября. Стоим в Шингди. С раннего утра начали собираться гости из соседних айлов; часам к 11 приехал чиновник от командующего войсками восточного района Тибета. Этот командующий, носящий титул *хорчиаб*, имеет своей постоянной резиденцией Кам, но после нашумевшего ареста монгольского посольства в Лхасе он был переведен с частью

* Га-у — амулетница.

регулярных войск в Нагчу. Таким образом, пограничная власть в Нагчу представлена теперь тремя лицами: духовным генерал-губернатором, гражданским генерал-губернатором и командующим военными силами этого района Тибета.

Часа через два после приезда чиновника от «чичаба» прибыл другой чиновник, уже от гражданского генерал-губернатора. Оба чиновника приступили к осмотру и описи вещей и оружия Миссии; были также переписаны весь личный состав Миссии, количество животных и слуг. Затем чиновники попросили наши фотографические карточки, объясняя это тем, что в транскрибировании наших фамилий на тибетский язык могут вкрасться ошибки. Так как карточки оказались не у всех, мы снялись группой у палатки начальника, и чиновники взяли негативы с собой, обещая проявить и отпечатать их в Лхасе. Из вещей были осмотрены несколько чемоданов и большой *яхтан** с танками; танки все были пересмотрены, переписаны и очень одобрены всеми присутствовавшими.

После осмотра вещей чиновники прошли по палаткам, производя поверхностный осмотр. Зайдя в мою палатку, они обратили внимание на географическую карту, лежавшую на столе, причем один из них неожиданно попросил меня показать ему район Шамбалы и утвердительно закивал головой, когда я указал ему это место.

Вещи Чимпы также были переписаны, и он завтра уезжает в Нагчу. Нам же придется, вероятно, простоять еще день в Шингди.

Вечером чиновники уехали, взяв с собой нашего проводника-тибетца в качестве представителя от нас. Четверо иностранцев, неудачно добивавшиеся пропуска в Лхасу, были: двое немцев, один американец и один японец. Относительно последнего Н.К. думает, что это был не кто иной, как представитель Яманаки, известного в Америке антиквара, вывезшего в прошлом году из Тун-Хуана целый ряд изображений Будды и других священных предметов буддийского культа, имеющих большую археологическую ценность. Любопытно, что в перечне личного состава Миссии Н.К. помянут чиновниками как «король буддистов»! Это возведение Н.К. в королевское достоинство случается уже четвертый раз: так, он был принят за французского короля в Дарджилинге, в Индии; потом он был русским королем и королем американским в Синьцзяне, в Китае.

Чиновником, присланным командующим войсками, был любезно предоставлен нам наряд местной милиции из пяти человек для охраны нашего каравана.

8 октября. В ожидании гонца от губернатора занимаемся лечением

* Яхтан — деревянный ящик, обитый кожей.

животных и проверкой груза Миссии. У большинства наших грузовых мулов сильно стерты спины, отчего образуются кровоточащие гнойные раны, которые приходится время от времени промывать раствором марганцевого калия.

В 5.45 вечера прибыли два гонца с сообщением о разрешении нам дальнейшего следования до Нагчу. Вчера Н.К. через Ю.Н. обещал приехавшему чиновнику от командующего войсками подарить этому командующему старинные карманные часы художественной работы, если командующий устроит скорый и почетный проезд в Нагчу, который подобал бы высокому рангу Посла Западных буддистов. Приехавший сегодня чиновник передал, что Посла Западных буддистов генерал встретит почетным караулом со знаменем и что генерал просит Посла прибыть поскорее, т.к. он должен на днях уехать обратно в Кам.

9 октября. Добралась до ставки командующего. Дорога была исключительной трудности: каменистые площади чередовались с кочками болот на протяжении целых семи часов непрерывного подъема. Всего в пути было 4 перевала. На третьем часу пути достигли первого уртона, где предполагали достать необходимых нам четырех лошадей; лошадей нам не дали под предлогом, что все лошади взяты на правительственную службу. По дороге у больших озер встречались стада домашних яков и видны были квадратные черные палатки тибетцев, похожие издали на сложенные штабели каменного угля. Тибетец-пастух вооружен мечом и пращей, с помощью которой он перегоняет стадо с места на место.

На последнем перевале Ю.Н., чувствовавший себя плохо еще утром, совсем ослаб и принужден был сойти с коня и лечь, доктор нашел у него очень слабый пульс, грозивший параличом сердца. После продолжительного отдыха и приема сердечных капель Ю.Н. был доставлен на место стоянки каравана, где была уже приготовлена для него палатка.

Понемногу в наш лагерь набралось порядочное количество тибетцев и тибетянок, у последних лица большей частью раскрашены кровью. Этот обычай раскрашивать лица женщин кровью был введен одним из Далай-Лам, с целью предотвращения соблазна монахов красотой женского лица. Теперь этот обычай прочно вошел в жизнь и является отличительным признаком добродетельности женщины. Среди тибетцев встречаются совершенно европейские типы. Так, сегодня мы видели одного француза из Марселя и одного совершенного испанца. Н.К. предполагает здесь некоторую связь между народностями Тибета и западными европейцами через кочевые племена готов, которые, как известно, вышли из Тибета и осели на юго-западе Франции и в Испании.

10 октября. Утром Ю.Н. стало лучше, и он с Н.К. и Н.В.[Кордашевским] поехал к командующему в ставку. По дороге с Ю.Н. опять случился припадок, принудивший его остановиться в поле на попечении доктора, тогда как остальные с Н.К. отправились дальше. Я оставался в лагере, наблюдая в бинокль процессию отъезжавших. Видя, что с Ю.Н. случился припадок, я сообщил об этом Е.И., и она тотчас же велела приготовить себе лошадь, чтобы отправиться к нему. Не дожидаясь, пока лошадь будет приведена из табуна и оседлана, Е.И. пошла вперед пешком, успев пройти половину расстояния, когда нас догнал конюх с лошадью. Ю.Н. мы застали уже на ногах, собиравшимся продолжать путь в ставку командующего, но Е.И. решительно воспротивилась этому, настаивая на том, что Ю.Н. еще необходимо отдохнуть и успокоиться. Я поехал предупредить Н.К. о слабом состоянии здоровья Ю.Н. и о необходимости для него вернуться обратно в лагерь. Приехав к ставке командующего, я был удивлен, увидев Н.К. и Н.В.[Кордашевского] в окружении большой толпы тибетцев. Оказалось, что генерал еще не готов принять Н.К. и просит его подождать до 12 часов. Это было не совсем любезно со стороны генерала — заставляя Н.К. ждать в открытом поле на глазах толпы солдат. Тем более, что генерал предварительно присылал своих чиновников, прося Н.К. приехать сегодня утром. Передав Н.К. о состоянии здоровья Ю.Н. и о решении для него вернуться обратно в лагерь Миссии и получив согласие Н.К., я вернулся обратно к оставленной мною группе.

Вскоре к нам приехал один из секретарей генерала и стал настойчиво убеждать Ю.Н. ехать в ставку. Почувствовав себя значительно лучше, Ю.Н. согласился, и мы поехали всей группой к генералу. К моменту нашего приезда Н.К. с Н.В.[Кордашевским] уже сидели у генерала в его приемной палатке. Ю.Н. по очереди представил нас командующему, причем последний подавал два пальца и говорил «good morning».

После чего все мы сели полукругом перед ложем генерала, на котором он сидел, по-восточному поджав ноги. Ложе было покрыто шкурой тигра. Пока Ю.Н. говорил с генералом по-тибетски, я рассматривал внутренность палатки. Вся она была затянута разноцветными материями, в большинстве шелковыми; за спиной генерала висел большой кусок китайского желтого шелка с вышитым по нему красным драконом; сам генерал был одет в желтую шелковую кофту с рисунком, сочетавшим дракона и свастику; под кофтой был длинный, на меху, шелковый голубой халат; на голове круглая отороченная куньим мехом шапочка с вычурным шишаком из золота, бирюзы и жемчуга, увенчанная золотой диадемой в виде Акдорже, усыпанной бирюзой и крупными рубинами.

Во все время разговора, происходившего между Н.К. и генералом через Ю.Н., секретари генерала обносили нас дымящимися чашками тибетского чая, печеньем и сушеными фруктами. По правую сторону от нас сидели трое старших офицеров, также в шелковых халатах и усыпанных драгоценностями круглых шапочках.

После обычных представлений и обмена приветствиями разговор перешел к вопросу о пропуске нас в Нагчу. Генерал с самого начала отнесся к этому вопросу благожелательно, высказав только желание подвергнуть наши вещи осмотру, для чего им был назначен один из присутствовавших здесь офицеров. Но когда в дальнейшем Н.К. упомянул об имеющихся у него фотографических снимках последних чудес американской строительной техники, генерал живо заинтересовался этим и выразил желание посетить наш лагерь лично сегодня же.

Затем генерал обещал послать гонца в Нагчу к губернатору с извещением о своем решении пропустить нас в Нагчу. И, сверх того, предложил нам завтра переехать ближе к его ставке, чтобы облегчить нам переговоры о найме нового каравана яков и покупке необходимого из съестных припасов. По словам генерала, кроме сахара, сушеных фруктов и других припасов, у него имеется лучшая индийская мука.

Когда все главные вопросы были разрешены, Н.К. передал генералу подарок: карманные часы старинной художественной работы с хадаком. Принимая подарок, генерал встал, пожал руку Н.К. и Е.И. и сказал «good morning». После передачи подарка Н.К. с другими остался обедать у генерала, а я поспешил в наш лагерь приготовить людей к встрече командующего.

Около 4 ч. дня послышались звуки рожков, и к лагерю стал приближаться отряд всадников, в голове которого развевалось огромное пестрое знамя; вслед за знаменем рысил взвод солдат в английских мундирах с английскими винтовками за плечами. За солдатами ехали генерал, Н.К., Е.И. и др. Подъехав к лагерю, взвод солдат построился в две шеренги фронтом к следовавшей за ними колонне и, пропуская мимо себя генерала, привстал в стременах, отдавая честь; горнист играл какой-то сигнал.

У палатки Н.К. был приготовлен легкий завтрак, и сюда был проведен генерал с некоторыми из его офицеров. После завтрака, во время которого демонстрировалась мощь американской техники и были подарены генералу американские стальные очки, командующий приступил к осмотру вещей Миссии и подарков, предназначенных Далай-Ламе. Осмотр затянулся почти до заката солнца и не был еще закончен, когда генерал собрался уезжать к себе, обещав закончить осмотр завтра. Перед

отъездом, по предложению Н.К., генерал зашел к Чимпе и обещал последнему отправить его в Нагчу завтра со своими солдатами.

От генерала мы узнали, наконец, точные сведения о тех 4-х таинственных иностранцах, которым отказали в пропуске на Лхасу: фамилия одного из них — Фильхнер, как и предполагал раньше Н.К. Все они сейчас находятся в одном переходе от Нагчу, где собирают караван. Им предоставлено право выехать из Тибета на Ладак.

Во время осмотра вещей с Ю.Н. случился третий припадок, и он принужден был лечь в постель.

11 октября. Перенесли наш лагерь к ставке командующего. В 2 ч. дня приехал проводник-тибетец, отправленный еще из Шингди в Нагчу с чиновником губернатора. Он сообщил Н.К., что губернаторами был послан о нас запрос в Лхасу два дня тому назад.

Как только лагерь был устроен, Ю.Н. через меня передал генералу записку с извещением о нашем прибытии, на что генерал ответил приглашением к себе, если позволит здоровье Ю.Н.

К командующему поехали Н.К., Ю.Н. и доктор. Генерал был очень любезен, возмущался поведением губернаторов Нагчу, создающим лишнюю волокиту с пропуском нашего каравана, и при Н.К. составил и отправил губернаторам письмо с приказанием прибыть обоим завтра к нему в ставку.

Вечером в военном стане было краткое служение: гудели священные раковины и туземные рожки мелодично переливались на фоне мягкого баритона барабана. После служения горнист сыграл вечернюю зорю.

12 октября. Приезжал генерал. Завтракал. Прислал кое-каких продуктов и необходимого для наших коней ячменя. Сообщил о полученном им от губернаторов Нагчу донесении, в котором последние обещают прибыть не позднее утра завтра.

Чимпа совсем отделился от нашего каравана. Завтра, вероятно, уедет в Нагчу. Н.К. дал ему одного верблюда и деньги на наем яков до Нагчу.

Производили подсчет павших за дорогу животных нашего каравана. Всего пало собственных животных 20 и наемных 2 из общего числа 97.

Здоровье Ю.Н. улучшается.

13 октября. Умер Чимпа.

14 октября. Приезжали трое старших офицеров хорчичаба, закончили осмотр наших вещей. Осмотр продолжался с 10 ч. утра до 4 ч. вечера.

От губернаторов Нагчу пришло сообщение, в котором последние оговаривают свой неприезд болезнью.

15 октября. В 10 ч. утра Ю.Н. и затем Н.К. уехали к генералу продолжать разговоры о пропуске. Генерал обещал отправить еще одного гонца к губернаторам и, если будет нужно, даже кого-нибудь из своих старших офицеров. Пропустить же нас за своей личной ответственностью генерал боится, приводя в пример случай с губернаторами Нагчу, едва не лишившимися своих голов за пропуск в Лхасу монгольского красного посольства.

16 октября. Наступают холодные дни; по утрам иней; речка замерзает, сохраняя ледяной покров почти до 2 ч. дня. Природа области Хор так же бедна, как всюду в Чантанге: холмистая равнина с невысокими горными хребтами, покрытыми снегом на горизонте, с мелководными речками, населенными двумя-тремя видами небольших рыб; горные склоны обычно голы, усеяны мелким щебнем и лишайниками; в долинах жесткая болотная трава, теперь уже совсем желтая и твердая, как проволока. Население области Хор живет в четырехугольных палатках из шерстяной материи с прямоугольным отверстием наверху для выхода дыма от очага; одеваются хорпа в бараньи шубы общего с монгольским покроя; более состоятельные аборигены одевают еще поверх шубы тибетское «пуру»; сапоги носят шерстяные, на кожаной подошве; иногда целиком кожаные; шапок не носят совсем. Хорпа занимаются разведением яков, служащих для них единственным источником существования. В среднем самка яка дает в день немногим более одного литра молока. Лошадей здесь встречается мало; лошади низкорослые, слабосильные. Сами хорпа также не отличаются хорошим телосложением, роста они по большей части среднего, с бледными, худыми лицами и слаборазвитой мускулатурой рук. Поражающее количество нищих.

Поневоле приходится согласиться с утверждением, что на Востоке количество чиновников всегда соперничает с количеством нищих.

17 октября. Сегодня утром генералом отправлен гонец прямо в Лхасу с письмом, в котором подробно описаны все обстоятельства его знакомства с Великим Посольством Западных буддистов. На завтра назначен отъезд генерала в Кам.

При нас предположено оставить одного из старших офицеров — майора Х. Н.К. думает повидать генерала до его отъезда.

Приходил майор, говорил об отправленном генералом гонце в Лхасу, передал Ю.Н. и Н.К. приглашение генерала прибыть к нему завтра к 10 ч. утра. По всему ходу переговоров видно, что генерал имеет намерение оттянуть окончательный ответ до получения им распоряжений из Лхасы и для того прибегает к разнообразным уловкам и изощрениям — типичная восточная политика.

18 октября. Генерал уехал. Под звуки рожков и винтовочные выстрелы. Утром к генералу ездили Н.К. и Ю.Н. с доктором. Н.К. занял очень твердую позицию и настаивал на решительных мероприятиях со стороны генерала в отношении губернаторов Нагчу. Генерал и на этот раз уклонился, предложив Н.К. самому написать письмо губернаторам. Письмо будет написано Ю.Н. в твердых тонах и отправлено завтра в Нагчу.

Вчера ночью пал большой белый мул. Уже третье животное за время нашей стоянки здесь. Причиной падежа животных следует признать реакцию после напряжения пройденного пути и отсутствие хорошего корма.

Местность, где мы стоим, называется Чортен-Карно, по имени большого белого чортена, воздвигнутого здесь в память какого-то события.

19 октября. Сведения о Фильхнере, полученные от генерала, подтвердились: Фильхнер находится в Нагчу, откуда будет препровожден в Индию через Рудок. Таким образом, задача магнитной карты Тибета будет им разрешена удовлетворительно, несмотря на запрещение въезда в Лхасу. Любопытно, что из Нагчу до Рудока Фильхнеру правительство Далай-Ламы предоставляет свои перевозочные средства и продовольствие.

20 октября. Был майор. Ждет завтра гонца от губернаторов. После ухода майора прибыл гонец из Нагчу; ответа на письмо Н.К. гонец не привез. Майору прислано короткое письмо, в котором губернаторы повторяют, что их прежнее решение дожидаться ответа из Лхасы остается неизменным.

21 октября. Составлено второе письмо губернаторам. Письмо это переписано майором на тибетский язык в палатке Ю.Н. и будет им отправлено в Нагчу завтра утром.

22 октября. Кончились запасы ячменя для лошадей. После 12-ти выпал снег, сопровождаемый громовыми раскатами. Чтобы прекратить в дальнейшем снегопад, майором заказаны в ближайшем монастыре соответствующие служения. После грозы небо расцветилось всеми оттенками голубого и зеленого тонов.

23 октября. 8 ч. утра. Ламы соседнего монастыря оказались не совсем успешны в своих молениях: снег продолжает идти.

10 ч. утра. Произошла смена караула. Свернул свою палатку и уехал десятник, назначенный нам генералом. Новый десятник не говорит на лхасском наречии, чем затрудняются какие-либо сношения с ним. Второй караул, назначенный чиновником губернатора еще из Шингди и сопровождавший нас до ставки командующего, снялся несколько дней тому назад и уехал в Нагчу.

12 ч. дня. Пришел майор. Никаких сведений из Нагчу им получено ни сегодня, ни вчера не было. Н.К. решил написать губернаторам третье письмо и отправить его с нашим проводником-тибетцем. Майор разрешил ехать с письмом одному из наших слуг в сопровождении солдата.

6 ч. вечера. Произошел скандал с дракой между двумя нашими слугами. Оба были пьяны. Чтоб избежать в дальнейшем подобных прецедентов, приводящих в результате всегда к упадку дисциплины в караване со всеми вытекающими отсюда последствиями, Н.К. сообщил о случившемся майору с просьбой принять меры к наказанию виновных. Один из слуг, тибетец, был вызван майором для строгого внушения с предупреждением в случае дальнейших безобразий подвергнуть его телесному наказанию. Репрессии ко второму будут применены завтра ввиду его нетрезвого состояния теперь.

Завтра вместе с письмом губернаторам Нагчу будут отвезены подарки: серебряный чайный сервиз и бинокль. Вместе с тем наш посланец закупит для нас в Нагчу необходимое из продуктов и ячмень для лошадей.

24 октября. 8 ч. утра. За ночь выпал еще снег и продолжает идти до сих пор.

9 ч. утра. Вернулся посланный к майору с извещением, что сегодня ехать в Нагчу нельзя из-за снега. Снег выпал на 4 дюйма. К 10 ч. должен придти майор.

11 ч. утра. Пришел майор. Поставил ряд новых условий для посылки гонца в Нагчу. Теперь вместо нашего слуги едут двое солдат его конвоя. Письмо губернаторам пришлось вскрыть и переписать, т.к. майор поставил условием, чтобы его имя ни под каким видом в письме не упоминалось.

1 ч. дня. Гонцы отправлены. Принято предложение майора отправить наших животных на лучшие пастбища за день пути на северо-восток. Животные будут отправлены сегодня же в сопровождении двух табунщиков. Со своей стороны майором также назначены для охраны наших стад трое местных жителей со старшиной. Нашим табунщикам выданы 2 карабина Маузера и 40 шт. патронов.

5 ч. дня. Новый десятник, похожий на Мольера, по выражению Н.К., оказался не буддистом. Он принадлежит к секте бон-по. Становится понятным, почему внешность и некоторые из обычаев племени хор так мало отвечают буддизму. Сущность учения бон-по до сих пор еще мало известна европейцам. Одно очевидно, что ими приняты многие обряды и символы буддизма, но только в их противоположении и сохраняя древнейшую шаманскую основу.

7 ч. вечера. Почти весь день с небольшими перерывами шел мелкий снег. С утра одним из наших лам устроена на шесте небольшая ветряная мельничка, на крыльях которой написаны заклинания против снега.

В соседнем монастыре старший лама погружен в глубокую медитацию над благополучным разрешением вопроса о пропуске нас в Лхасу. Н.К. передал через майора этому ламе хадак и пожертвование на монастырь в размере 10 долларов.

25 октября. Ночью шел снег. Утро было туманное, теплое. По желанию Н.К. я сфотографировал наш лагерь, занесенный снегом. Днем стало совсем жарко, снег сильно стаял.

27 октября. Вернулся гонец из Нагчу с ответом от губернаторов. Губернаторы извещают «Великого Министра Западных буддистов», что они, получив его письмо, «совпали ртами» и будут очень счастливы видеть Министра в стенах Нагчу-Цзонга.

Посланные им подарки губернаторы, по местному выражению, «съели», т.е. приняли. Но, несмотря на съеденные подарки и цветистые любезности, прямого ответа о разрешении въезда в Нагчу губернаторы в своем письме не дают. По-видимому, они по-прежнему ожидают ответа из Лхасы, который по каким-то, нам неизвестным, причинам задерживается. Нормально письмо от Нагчу до Лхасы идет 4 дня.

Вечером вернулся второй посланец из Нагчу, закупавший для нас продукты. Он привез на шести яках 12 мешков ячменя, 10 фунтов свечей и немного сушеных фруктов. Овощей в Нагчу не оказалось. Мешки, употребляемые в Тибете для перевозки зерна, небольшие, вместимостью около 25 кг каждый.

28 октября. Н.К. составил по-английски письмо Далай-Ламе, в котором указывается на недопустимое отношение со стороны лхасского правительства к Посольству Западных буддистов, принужденному в течение 3-х недель ожидать разрешение на въезд в Лхасу, находясь в самых тяжелых условиях на высотах Чантанга при наступившем холодном времени года. Письмо это было отправлено сегодня вечером через майора в адрес губернаторов Нагчу для дальнейшей отправки в Лхасу. Вместе с тем написано короткое письмо и самим губернаторам, где указывается на критическое положение Миссии из-за ограниченного запаса продовольствия и болезни некоторых членов Миссии. Майором также написано письмо губернаторам с подтверждением тяжелого положения Миссии.

29 октября. Приехал с пастбища один из табунщиков. Вечера пал один мул. Верблюды плохо едят траву: жесткая и колючая, трава ранит им рты.

31 октября. Четверо наших караванщиков, возвращающихся из Нагчу на родину, получили сегодня верблюдов, которых они думают отправить на хорошие пастбища в Шингди до момента оставления службы в нашем караване.

1 ноября. Ежедневно в Нагчу и обратно проходят караваны яков. Из соседних аилов к бывшей ставке командующего ежедневно подвозят на яках баранью шерсть в небольших тюках.

2 ноября. Гонец, отправленный в Нагчу с письмом губернаторам и Далай-Ламе, не вернулся.

Сегодня Н.К. предполагает отправить телеграмму в Нью-Йорк, Unitar, с изложением обстоятельств дела о задержке Буддийского Посольства в Чантанге. Телеграмму послать не удалось: не пришел майор. Уже второй день майор прилежно молится: он говорит, что на своем веку убил много людей и потому теперь должен грехи свои замалывать. Прошла новая волна слухов — Фильхнер якобы остается на зиму в Нагчу, ибо проезд в Индию ему не разрешен; весной он уедет обратно в Синин. Монгольское Посольство высылается и в скором времени проследует обратно в Халху.

3 ноября. Приходил майор. Обещал отправить гонца с телеграммой в Лхасу. Сообщил, что им поручено одному из «тантриков», живущих в пещерах Чантанга, заботиться о сохранении хорошей погоды на все время нашей стоянки здесь. Лама, медитировавший над благополучным разрешением вопроса о нашем пропуске в Лхасу, сообщает, что ответ Далай-Ламы придет через 4 дня.

3 ч. дня. Приехали послы от губернаторов Нагчу, привезли обратно посланные им прежде подарки, сообщив, что эти подарки могут им быть вручены только лично Великим Послом.

Ответ Далай-Ламы на письмо хорчичаба получен и переотправлен ими адресату 3 дня тому назад, следовательно, известия от генерала мы можем ждать дня через 4 (генерал сейчас находится в 3-х днях пути на восток от нашей стоянки). Послы привезли подарок от губернаторов и населения Нагчу — 3 мешка гороха и 1 мешок риса. О Фильхнере: Фильхнер отправлен в Индию уртонами 3 дня тому назад.

4 ноября. Послы губернаторов уехали обратно в Нагчу, взяли с собой текст телеграммы, отправляемой Н.К. в Нью-Йорк, Unitar.

5 ноября. За ночь выпал глубокий снег. Утро теплое, солнечное. Около 10 часов в лагере появился неизвестный монгол, по его словам, прибывший вчера из Нагчу. Монгол этот, родом из Махая, едет с письмом Далай-Ламы к князю Курлык-Бейсе. Он сообщил нам ворох

всяких сведений, которые лучше всего отнести к области слухов. Так, например, по его словам, в Лхасу месяц тому назад прибыла батарея из двух орудий из Гиангцзе, а кроме того, Далай-Лама просил англичан прислать роту английских солдат; что в Лхасе обеспокоены появлением большого количества русских со стороны Монголии, и что поэтому на линию Нагчу—Лхаса стянуты большие количества тибетских войск. Сообщил он также, что в Лхасе задержаны 5 обратных караванов монгольских и голокских, в общем около 100 человек. Спрошенный о Фильхнере, монгол сказал, хотя он лично Фильхнера не видел, но знает, что последний находится еще в Нагчу. Властями Нагчу получено письмо с приказанием приготовить подводы для высылаемого из Лхасы монгольского красного посольства.

6 ноября. День холодный. Ночью был небольшой снегопад. Беспокоит судьба наших караванных животных: из-за большого снега верблюды могут погибнуть.

7 ноября. Утром майор прибыл в сопровождении десятка местных жителей, принесших 10 мешков ячменя и мешок цзампы. Майор вручил Н.К. письменный ответ ламы, медитировавшего над благополучным разрешением вопроса о пропуске нашем в Лхасу; в письме сказано, что ответ можно ожидать сегодня, завтра или послезавтра и что ответ этот будет или хорошим, или средним, но не плохим.

После обеда приехал старший табунщик с сообщением о падеже двух животных: мула и лошади. Верблюды не едят уже второй день (вследствие большого снега), еще через 2 дня, если снег не стает, многие из них падут.

Эти дни, пока мы здесь стоим, между майором и губернаторами Нагчу возникла интересная переписка по поводу наших трех куриц. Так майор, в одном из своих первых писем губернаторам, дал о нас хороший отзыв, как о людях, не занимающихся охотой, фотографированием, съемкой планов и т.д. На что последовало возражение из Нагчу, что мы, однако, съели бывших у нас трех куриц. Тогда майор написал в ответ опровержение, доказывая рядом неоспоримых фактов, что курицы эти находятся у него в добром здоровье и заботливом уходе, и что они были подарены ему Великим Послом Западных буддистов...

8 ноября. Н.К. составил второе письмо Далай-Ламе. Вместе с письмом будет отправлена телеграмма в Нью-Йорк, Унитар, с копиями сотрудникам в Париж, Лондон, Италию, Испанию и Японию. В телеграмме указывается катастрофическое положение Миссии, задержанной на высотах Чантанга уже второй месяц, в снегах, при истощившихся запасах продовольствия и начавшихся заболеваниях среди членов Миссии

и служебного персонала. Сотруднику в Париже* указано обратиться к содействию французского правительства и прессы.

Сегодня около 5 часов дня мы были свидетелями дикой расправы солдата — ординарца майора над десятником, приставленным к нашему лагерю для исполнения наших поручений. Солдат бил десятника в спину большим камнем. Причину этой расправы нам установить не удалось. Когда солдат ушел, товарищ десятника, помогавший последнему добратся до палатки, сказал, обращаясь к Ю.Н.: «Вот как девашунг обращается со своим народом». Наши монголы, присутствовавшие при сцене избивания, тоже были поражены такими тибетскими обычаями.

6 ч. вечера. Температура воздуха -25° С. Сегодня утром доктор сказал: «С точки зрения медицины и физиологии наше положение катастрофическое. Мы все погибнем. Спасти нас может только чудо».

9 ноября. 8 ч. утра. Гонец с письмом Далаю и телеграммой уехал.

9 ч. утра. Прошел большой верблюжий караван из 35 животных в сторону Нагчу. Н.К. послал двух наших монголов узнать, является ли он караваном князя Курлык-Бейсе, который должен около этого времени пройти в Лхасу. Монголов вернул с дороги приставленный к нашему лагерю десятник, сообщив о распоряжении майора не допускать каких бы то ни было сношений нашего лагеря с проходящими караванами. Тогда Н.К. послал майору письмо с требованием разъяснений, на каких основаниях нам не разрешается сноситься с посторонними людьми. На что последовал ответ майора, что караван этот ушел недавно из Нагчу без разрешения властей и теперь возвращен с дороги обратно; и что нам сноситься с этими людьми не следует, т.к. на его, майора, обязанности лежит охранять нас от общения с дурными людьми.

6 ч. вечера. Майор, запрошенный о ячмене для животных, запас которого пришел у нас к концу, дал ответ, что местное население не имеет возможности более снабжать нас ячменем, т.к. последнего у него мало. Сегодня, как обычно по вечерам, майор пьян. Его солдаты также пьяны и развлекаются игрой в кости. Хмельной напиток готовится тут же в лагере кустарным способом. Между прочим, выяснилось, что прошедший утром в Нагчу верблюжий караван принадлежал, как и предполагал Н.К., князю Курлык-Бейсе. Таким образом, объяснения майора оказались вымыслом.

10 ноября. Не получая до сих пор ответа из Лхасы, Н.К. решил писать английскому пограничному комиссару Бейли в Гангток о пропуске Миссии через границу Индии, т.к. цель Миссии в Тибете уже не может

* Г.Г.Шкляверу, секретарю Французской Ассоциации друзей Музея Рериха.

быть осуществлена из-за пропущенных сроков. 24 ноября 1927 г. в Соединенных Штатах Америки состоится Всеобщий Собор Западных буддистов для избрания Главы Западных буддистов. Таким образом, объединение буддистов Запада и Востока, по-видимому, не сможет быть осуществлено вследствие нелепой и бестактной политики правительства Далай-Ламы.

11 ноября. В час дня пришел майор. Сегодня он получил известие от генерала, в котором последний сообщает о получении им письма из Лхасы, в котором генерал извещается, что его письмо правительством получено и ответ на него придет в ближайшие дни.

Сегодня Н.К. отправляет гонца с телеграммой в Гангток, Бейли, через Нагчу. Этот же гонец привезет нам из Нагчу ячменя и необходимое из продуктов.

12 ноября. Явился уездный начальник с пакетом, в котором было первое письмо Н.К. Далай-Ламе, посланное в Лхасу еще 28 октября. Уездный начальник дал при этом странные объяснения: будто бы гонец, посланный с письмом, заболел в дороге и письмо потерял. Теперь это письмо было кем-то найдено и доставлено уездному начальнику. Причем последний просил о случившемся не доводить до сведения майора, обещая доставить нового гонца.

10 ч. 30 мин. Гонец с письмом Далаю отправлен. В письме сделана приписка с изложением истории пропажи письма.

Через полчаса после отъезда гонца в наш лагерь прибыли двое солдат, которые должны были выехать вчера в Нагчу с телеграммой Бейли. Они привезли обменять часть денег, т.к. в Нагчу старые императорские китайские доллары не идут. Пришлось обменять им эти доллары на доллары выпуска 3-го года Китайской Революции, которые принимаются особенно охотно.

12 ч. дня. Приехал табунщик Дордже с сообщением о падеже трех верблюдов.

13 ноября. 10 ч. утра. Вчера утром и сегодня из Нагчу идут большие караваны верблюдов и лошадей. Так, вчера прошло до 40 верблюдов и свыше 20 лошадей, сегодня прошло 2 каравана в общей сложности до 30-ти животных. Вчера нашим монголам удалось переговорить с людьми одного из караванов. Это были монголы из Барун-Цзасака, возвращавшиеся на родину. Их задерживали в Нагчу в продолжение трех недель, намереваясь отправить с ними членов высылаемого из пределов Тибета монгольского красного посольства. Монголы рассказывают, что это посольство находится в Лхасе под домашним арестом; выходить на улицу

членам посольства разрешается только в сопровождении солдата, причем вступать в разговоры с населением им запрещено. Сообщают также, что в Лхасу последнее время приезжало много англичан. Месяц тому назад в Лхасе деревья были еще покрыты зеленой листвой. Далай-Лама здоров и чувствует себя прекрасно.

Вечером пришел майор, принес 3 мешка ячменя и 30 фунтов масла. Н.К. сказал майору много неприятных вещей о бесчеловечном отношении к Миссии правительства Далай-Ламы, держащем больших людей, которые привыкли жить в отапливаемых помещениях, в суровых условиях климата Чантанга в продолжение более месяца. Майор выражал соболезнование и сожаление и, в конце концов, просил Н.К. самого написать обо всем этом правительству, т.к. он, майор, писать таких вещей не смеет.

14 ноября. Отправлено третье письмо Далай-Ламе. Во избежание недоразумений, как это было с первым письмом, третье письмо отправлено через хорчичаба, имеющего право прямого сообщения с Лхасой помимо губернаторов Нагчу.

Весь день идет снег. Тепло.

Вечером произошел скандал с одним из наших слуг, бурятским ламой, после чего лама был убран из лагеря в распоряжение майора. Вместе с этим ламой ушли и двое других лам — тоже буряты.

15 ноября. Поздно вечером к лагерю майора с востока подкатили таркунцы, встреченные неистовым лаем собак. Пришел аба (десятник), сообщил: привезли «тантрика», будут пороть за неуспешность противодействия снегопаду...

16 ноября. 9 ч. утра. Отправили верблюдов в Нагчу-Цомра на лучшие пастбища. В Цомра верблюды будут постепенно продаваться проходящим караванам. Сегодня пал один верблюд и белый мул.

17 ноября. Н.К. простудился и второй день не выходит из палатки — явление совсем необычное. Многие из членов Миссии за эти 7 месяцев не выдерживали испытаний тяжелого пути: так, Миссия должна была простоять более двух месяцев в местности Шарагольчи, чтобы переждать жаркое время года, оказывающее губительное действие на здоровье Е.И.; сейчас на Чантанге холод повергает в уныние доктора — у него расширение сердца и застарелый ревматизм ног; Ю.Н. перенес тяжелое сердечное испытание на последнем переходе из Шингди; полковник совсем опустился: целыми днями не выходит из своей палатки, побледнел, осунулся и выдумывает для себя различные болезни. Из всех членов Миссии один только Н.К. за весь долгий путь ни разу не выказывал утомления или раздражения. И ни на минуту не покидала его жажда неутомимой деятель-

ности. Даже теперь, в нашем одиночном тюремном заключении на Чантанге, Н.К. несколько не изменился: своей настойчивостью в требованиях объяснений о причинах задержания Миссии и своим непреклонным желанием двигаться дальше, несмотря на неполучение ответа из Лхасы, Н.К. вывел из терпения обоих губернаторов Нагчу, и даже сонный майор, оставленный нам в качестве заместителя хорчичаба, в беседах с Н.К. начинает проявлять несколько повышенное настроение.

18 ноября. От майора сегодня узнали, что едет гонец от генерала с письмом из Лхасы. Гонец задержался на последнем перевале на 5 дней из-за больших снежных завалов.

Со скандалиста-ламы, по настоянию Н.К., майором взыскан денежный штраф в размере 35 долларов. Деньги эти пойдут в пользу одного из местных монастырей.

19 ноября. Вернулся солдат из Нагчу с продуктами. Ему удалось достать у частных лиц 4 мешка ячменя, мешок муки и немного других продуктов. На базаре Нагчу ничего достать нельзя, т.к. сообщение с Лхасой прервано из-за большого снега. По этой же причине губернаторы Нагчу вернули два письма Далай-Ламе и телеграмму в Америку, а также и письмо Бейли. Таким образом, из всех посылок Н.К. через Нагчу прошла только одна телеграмма в Нью-Йорк, посланная 4-го ноября (по крайней мере, она не вернулась обратно), и последнее письмо Далай-Ламе, отправленное через генерала 14-го ноября. Рассказывают о невероятных трудностях пути между Нагчу и Лхасой из-за большого снега. Так, на одном из перевалов умерло четверо лам-паломников, возвращавшихся из Лхасы. Ни гонцы, ни торговцы не имеют возможности выехать из Нагчу в Лхасу.

21 ноября. Здоровье Е.И. поправилось, только после семидневного пребывания в темноте палатки Е.И. принуждена теперь одевать синие очки для предохранения глаз от ослепительных лучей солнца, отраженных снегом. Н.К. еще кашляет, но уже выходит на воздух, со вчерашнего дня составляя совместно с доктором новые планы к разрешению затянувшейся проблемы нашего сидения на Чантанге.

Майор уже второй день уверяет, что письмо от генерала должно прибыть не сегодня завтра. Лама-тантрик, погадав на бараньей лопатке, тоже уверяет в скором получении письма.

22 ноября. 3 ч. дня. Н.К. беседовал с майором, настаивал на пропуске Миссии в Нагчу, указывая на болезнь некоторых из членов Миссии. Майор возражал, ссылаясь на невозможность для него ехать куда-либо, не получив соответствующих распоряжений из Лхасы. Кроме того, майор заверял категорически, что гонец от генерала должен прибыть не позднее

завтра. И когда Н.К., основываясь на таком категорическом заявлении, потребовал доставить нужные нам для каравана 70 яков и 20 лошадей, майор обещал к этому сроку животных доставить. Среди перипетий с генералами и майорами тибетскими Н.К. неоднократно говорил: «Ну что же, тибетцы хотят пройти перед нами голыми во всем безобразии их физической и духовной наготы; пусть исполнится справедливость, ведь известная степень невежественности не может входить в Эволюцию».

24 ноября. Гонца от генерала нет. Яков и лошадей тоже нет. Сегодня ушла последняя возможность приступить к осуществлению целей Миссии в Тибете. Сегодня, 24 ноября, открылся Буддийский Собор в Соединенных Штатах Америки, на котором будет избран Глава Западных буддистов. Возможность для Тибета сказать свое слово на этом Соборе окончательно отпала; рука западных последователей Будды, протянутая для дружеского приветствия и установления взаимного сотрудничества буддистам Востока, осталась висеть в воздухе. Вековая замкнутость Тибета привела его к окончательной омертвелости.

Теперь перед Миссией стоит лишь задача, каким путем лучше оставить пределы Тибета. Н.К. думает избрать путь на Индию через Шигацзе, т.к. на этом пути нет перевалов, что особенно ценно при передвижениях в зимнее время.

25 ноября. Происходила беседа с майором о посылке гонца к генералу с требованием продуктов, запас которых пришел у нас к концу, и с просьбой сообщить лхасскому правительству о нашем желании пройти в Индию через Шигацзе, минуя Лхасу, где Миссия не имеет уже никаких целей к осуществлению. Майор отнесся очень благожелательно к мысли выезда из Тибета через Шигацзе, т.к. последнее является его родиной и он очень будет рад сопровождать нас туда. Майор посоветовал написать об этом намерении также и губернаторам Нагчу.

26 ноября. Вернулся гонец из Нагчу, посланный 5 дней тому назад с двумя первыми письмами Далай-Ламе, переименованными в адрес дева-шунга, и с препроводительным письмом губернаторам Нагчу. Письма эти гонец привез обратно с объяснением, что губернаторы писем к переотправке в Лхасу не приняли и были очень раздражены, видя такое наше нетерпение (52 дня ожидания?)! дожидаться ответа от правительства. Из продуктов гонец также не смог купить ничего, таким образом, дня через два мы останемся без сахара, мука тоже приходит к концу, и тогда придется питаться одним мясом яка, которое еще доставляет нам майор.

27 ноября. 7 ч. вечера. К майору прибыл гонец от генерала. О результатах узнаем завтра утром.

28 ноября. Генерал вернул третье письмо Н.К. Далай-Ламе с припиской, в которой указывается на невозможность посылки письма в Лхасу вследствие больших снежных заносов. Кроме того, добавляет генерал, ответ правительства о разрешении или неразрешении въезда в Лхасу должен придти через губернаторов Нагчу, являющихся пограничными таможенными властями. Таким образом, генерал вежливо, но категорически отказался содействовать нам в каких бы то ни было сношениях наших с Лхасой. Основываясь на этом, Н.К. просил майора написать губернаторам о своем желании перейти в Нагчу, с территории генерала в ведение губернаторов. Майор обещал написать. Вместе с тем, этот же гонец отвезет губернаторам третье письмо Далаю и письмо Бейли, возвращенное генералом, таким образом, несмотря на отказ губернаторов в пересылке писем в Лхасу, Н.К. хочет настоять на своем.

В Нагчу, по словам майора, вследствие обильных снегов падеж скота выразился в 2/3 наличного состава. Население разбирает на дрова многие строения, т.к. аргал доставать сейчас из-под снега невозможно.

30 ноября. Последние дни у нас несколько остро встал вопрос продовольствия. Так, у нас кончились запасы сахара, мука тоже приходит к концу. Сегодня достали немного чуры — сушеного кислого молока. Чура, смешанная с небольшим количеством муки и масла, дает довольно съедобные лепешки, вкусом похожие на русские сырники. Н.К. шутит: «Надо посмотреть ящик с моими красками, если они замерзли и стали негодны, их тоже можно смолоть на пищу, ведь они на казеине...»

Такое длительное пребывание на одном месте, при почти полной невозможности какого-либо приложения своей энергии, дает свои результаты — так все разговоры и планы на будущее у всех имеют своим отправным пунктом Дарджилинг, совершенно игнорируя предстоящий еще месяц пути через Тибет. Н.К. сегодня сказал: «Я уже настолько чувствую себя в Индии, что представление о необходимости еще проходить тибетскими землями кажется мне нелепостью».

1 декабря. Уже полмесяца стоит ясная погода, очевидно, «тантрик» взялся за свое дело серьезно, опасаясь телесного наказания, обещанного ему майором в случае нового снегопада. Ежедневно часов в 6 утра из лагеря майора доносится треск ручного барабана, завывания трубы из берцовой человеческой кости и слышится петушиный голос «тантрика», выкрикивающего заклинания. «Тантрик» живет в отдельной палатке, наверху которой укреплены 4 ветряные мельнички — по ним заклинатель наблюдает направление ветра и его силу.

Кипучая энергия Н.К. ищет выхода: сегодня он придумал новое занятие — киносъёмку. Я служил за кинооператора и при помощи небольшого портативного американского аппарата для киносъёмок заснял на фильме наш лагерь и ежедневную прогулку Н.К. с доктором на нашем лагерьном «Riverside drive».*

3 декабря. Сеансы киносъёмок продолжаются. Сегодня засняли вид лагеря, причем у палатки Н.К. был развернут американский флаг. Затем взяли на фильм наш табун лошадей и мулов, пришедший за очередной вечерней порцией ячменя. Намерение Н.К. «завалить» тибетских чиновников требованиями возымело свое действие: местное население, принужденное доставлять нам яков, ячмень, цзампу и проч., начинает со своей стороны воздействовать на майора, настаивая на пропуске нас в Нагчу и далее, т.к. запасы продовольствия у населения весьма ограничены и они не в состоянии снабжать нас всем необходимым.

5 декабря. Гонец наш из Нагчу не возвращается. Утром на север прошел большой верблюжий караван — 40 верблюдов и 24 человека — может быть, монгольское посольство возвращается?

За утренним завтраком Н.К. вспоминал контрасты природы Ладака и Чантанга. Насколько красочными являются пейзажи Ладака с изломами горных вершин и нагромождением скал, настолько Чантанг поражает своим унылым однообразием тундры.

Посланный Н.К. навстречу каравану наш Цзанген-лама вернулся с сообщением, что караван принадлежит цайдамским монголам. Монголы эти утверждают, что из Нагчу на Лхасу и обратно никаких караванов не ходит из-за большого снега.

Вечером приходил майор. Н.К. посылает через него прощальное письмо генералу. И вместе с тем настаивает на пропуске в Нагчу, угрожая в противном случае оставить все вещи здесь и уехать в Нагчу верхом на лошадях. Майор выражает сожаление, что ничем не может нам помочь, говорит, что прекрасно понимает наше безвыходное положение и, между прочим, сообщает, что губернаторами Нагчу получен выговор из Лхасы за неточность сведений о нас, т.к. содержание их писем не совпало с тем, что писал правительству генерал; и в заключение уверяет, что ответ правительства придет к нам не позже 2-3 дней. Положение, действительно, создалось довольно странное: цели Миссии давно отпали, сроки все истекли, Н.К. думает только о том, чтобы скорее выехать в Индию, откуда он может иметь возможность сноситься с Америкой, где его ждут неотложные дела; а мы принуждены ожидать разрешения ехать в Лхасу! В Лхасу, которая никому теперь не нужна!

* Здесь игра слов — улица, на которой был расположен Музей Рериха в Нью-Йорке.

В 5 ч. вечера сменился караул, несший охрану нашего лагеря и доставлявший нам молоко и ячмень. На смену ушедшим пришли двое таких же хоров. Ушедшие получили по несколько долларов наградных, и одному из них Е.И. дала изображение Будды Всепобеждающего.

6 декабря. По поручению Н.К. собрал сегодня образчики нашей пищи, образчики грязи и безвкусыя, продаваемого тибетцами как пищевые продукты. В особых мешочках цзампа, сыр, чура и проч. поедет в Дарджилинг показываться американцам.

«Тантрик» оказывает упорное сопротивление всем попыткам занести нас снегом. Сегодня с утра весь горизонт был затянут зловещими фиолетовыми тучами, готовыми лопнуть от напряжения и высыпать все свое содержимое на наш бедный лагерь, но... раздался визгливый голос «тантрика», его трескучий барабан издал несколько трелей, и внезапно поднялся сильный западный ветер, расколол тучевые нагромождения на две половины и погнал их в разные стороны. В образовавшуюся дыру выглянуло солнце, и весь день был солнечным.

Этот округ Хор славится в настоящее время своими колдунами, всевозможными нечистыми силами и, между прочим, воскрешением трупов. Последнее случается нередко. Обыкновенно такой труп, когда в него вселяется злая сущность, вскакивает со своего ложа, начинает бесноваться, ломать все, что попадет под руку, и даже набрасывается на людей. Тогда обычно вызывают ламу-«тантрика», который одним из способов пускает ожившему мертвецу кровь, после чего последний падает и жизнь оставляет его. На основании этих случаев существует в Тибете обычай после трех дней со дня смерти тело человека разрубать на куски и бросать на съедение птицам и собакам.

7 декабря. Пользуясь тем, что запасы продовольствия у нас кончаются, местные торговцы начинают повышать цены на предлагаемый товар, и самый товар предлагают уже значительно худшего качества.

Сегодня Н.К. послал майору письмо с категорическим протестом против задержания Миссии в Тибете в течение двух месяцев без какого-либо ответа, точно Миссия явилась в Тибет с какими-то преступными, разбойными целями. Н.К. не имеет более намерения идти в Лхасу, но, напротив, хочет уйти из Тибета. Кроме того, в своем письме Н.К. требует 10000 нарсангов на ближайшие расходы, т.к. наличные денежные суммы Миссии иссякли, а сношения с Америкой ему не разрешаются.

Вечером вернулся гонец из Нагчу, пробыв в отъезде 10 дней вместо обычных пяти. Гонец проехал сначала в лагерь майора и к нам явился только час спустя в сильно нетрезвом состоянии. Письма и телеграммы,

посланные британскому резиденту и в Америку, гонец привез обратно — губернаторы отказались переслать их в Лхасу, уверяя, что ответ правительства по вопросу нашего проезда придет дня через два. Словом, обычная пустая отговорка.

Н.К. говорит: «Еще не так давно нападали на англичан за их вооруженные экспедиции в Тибет, но знакомясь с вызывающим невежеством тибетцев, можно себе представить, до какого раздражения могут они довести людей».

8 декабря. «Обезьянья страна», так охарактеризовал Н.К. Тибет. «За 2 месяца, проведенных в Чортен-Карно, мы достаточно насмотрелись на обычаи и нравы тибетцев. Если скажут: “Вы были не в самом Тибете, но в северной приграничной области Хор,” — ответьте: Чортен-Карно отстоит от Лхасы, столицы Тибета, всего в 250 километрах, и караванный путь в Лхасу составляет всего 7 дней. Кроме того, мы имели дело с тибетскими чиновниками, уроженцами Лхасы и других местностей собственно Тибета. Так двуличный и неверный друг, ургинский доньер (дипломатический представитель) — родом из Лхасы; малодушный генерал-хорчичаб — из знатного лхасского рода; пьяница майор — из Шигацзе; невежественные самодуры, нагчуские губернаторы — из Лхасы; кроме того, мы имели дело с двумя выходцами из тибетского простонародья — Чимпой и Кончоком, из которых первый оказался предателем, а другой пьяницей и развратником. Обезьянья страна — даже Китай лучше. Несмотря на ужасающее разложение Китая, последний еще находит в себе некоторую способность к борьбе, тогда как Тибет неспособен даже и к этому. Кроме того, даже местные хоры резко говорят о своем благословенном правительстве». После обеда происходил с майором длинный разговор по пунктам. Ответы майора записывались доктором. В общем, майор признал действия губернаторов, возвращающих письма, неправильными и противоречащими договору Тибета с Англией 1905 года, по которому Тибет обязывался пересылать на английскую почту все адресованные таким путем письма и телеграммы, как идущие из самого Тибета, так и из Монголии и Китая. Затем майор предложил переслать письма англичанам и в Америку через генерала, т.к. по полученным им сведениям дорога на Лхасу от генерала открыта для движения. Сам он также будет сегодня писать генералу с просьбой отозвать его из Чортен-Карно, т.к. у него нет возможности более содержать своих слуг, а также вследствие болезни жены.

Губернаторы отказались предпринимать что-либо для нас до получения ими ответа из Лхасы. Относительно 10000 нарсангов, требуемых

Н.К., майор обещал сообщить об этом генералу. Гонец к генералу поедет, вероятно, завтра утром и вернется обратно не ранее 12 дней.

Н.К. требовал от майора к этому времени доставить яков для нашего каравана, т.к. мы должны выехать по получении ответа генерала, не дожидаясь, пока последний сообщит об этом в Лхасу.

Письмо нагчуским губернаторам, ими возвращенное нераспечатанным, будет послано в Нагчу опять.

9 декабря. В 12 ч. дня вчера из Нагчу пришел небольшой караван яков с одной палаткой. Трое наших монголов были посланы Н.К. собрать у приезжих сведения о состоянии дороги между Нагчу и Лхасой и о делах нагчуских. Монголы вернулись поздно вечером и сообщили следующее: между Нагчу и Лхасой караваны не ходят из-за большого снега; относительно нас губернаторы говорят, что нас не пропустят не только в Лхасу, но даже и в Нагчу, и что нам придется вернуться обратно; интересны причины пропуска Фильхнера и его двух спутников: губернаторы оказались хорошо знакомы с одним из спутников Фильхнера еще по Синину и Гумбуму; слуги Фильхнера монголы пропущены в Тибет не были — их держали в Нагчу под арестом и потом выслали обратно в Синин.

Проезжие монголы очень недовольны тибетскими властями — их задержали в Нагчу на обратном пути из Лхасы на один месяц, за время которого у них пали все верблюды, и пришлось нанять тоже полуголодных яков.

10 декабря. Н.К. продолжает изыскивать новые способы оставления нами Чантанга. Сегодня им поручено Голубину, владеющему китайским языком, расспросить у местных жителей о качествах дороги на Шигацзе, идущей севернее Нагчу, а также узнать, нет ли от нас дороги, выходящей на дорогу, идущую между Лхасой и стоянкой генерала — Биру-Гомпа, чтобы таким образом иметь возможность пройти на Шигацзе или Лхасу помимо Нагчу и его свирепых губернаторов. Из всего, что мы видели и слышали за время стоянки в Чортен-Карно, Н.К. вывел следующее резюме: «Ехать в Тибет — это ехать в западню. Даже если у Вас есть все паспорта и препроводительные письма от заграничных тибетских представителей. Попав в Тибет, Вы не уедете, пока из Вас не вытрясут всех денег. Хотя Лхасы Вам за это тоже не покажут. Тибет одинаково боится как англичан, так и русских, и всех вообще иностранцев. Тибет ненавидит китайцев, непальцев и бутанцев, смотрит с презрением на сиккимцев, отталкивает ученую бирманскую Хиняяну и притесняет всячески монголов и бурят, хотя последние всегда приносили Тибету только свои самые богатые приношения. Таким образом, Тибет является каким-то гигантс-

ким оплотом человеконенавистничества и узкоэгоистической ограниченности». Вечером Н.К. отправил майору письмо с требованием переотправить нас британским властям в Гиангцзе, т.к. Н.К. не желает более оставаться в Тибете. Шутки ради Н.К. посылал сегодня одного из наших лам к «тантрику» погадать, когда придет ответ правительства. «Тантрик», не сморгнув глазом, назначил срок — семь дней.

11 декабря. Сведения о дорогах получились следующие: северная дорога на Шигацзе мимо Нагчу требует 45 дней пути по пустыне Чантанга при глубоких снежных завалах, что является безусловно невозможным; других дорог, помимо Нагчу, нет; в Нагчу Н.К. идти не намерен, да и дороги из Нагчу теперь еще непроходимы из-за снежных завалов. Поэтому Н.К. решил осуществить свое прежнее намерение идти к генералу в Биру-Гомпа, чтобы оттуда идти на Гиангцзе, минуя Лхасу. Дорога от генерала на Гиангцзе свободна от снега, по сведениям майора. После обеда Н.К. послал майору письмо, в котором излагались причины его решения идти к генералу и указывалось на прямую обязанность майора доставить нас генералу, как своему прямому начальнику. Майор в своем ответе просил подождать два дня до приезда из Нагчу доньера, который может привезти что-нибудь интересное. Во всяком случае, майор сам придет завтра к нам.

Н.К. посылал также Голубина к местным старшинам, прося их со своей стороны воздействовать на майора в смысле отправки нас к генералу. Старшины охотно обещали оказать содействие, т.к. наш отъезд освобождает их самих от неприятной необходимости проводить зиму в Чортен-Карно.

12 декабря. Сегодня происходило настоящее сражение между Н.К. и майором. Несмотря на все доводы и даже угрозы Н.К., майор, как попугай, твердил одно и то же: уйти из Чортен-Карно он не может ни в Нагчу, ни к генералу, ни даже за первый перевал на восток, где, говорят, уже нет снега, пока не получит распоряжений из Лхасы или от генерала. Единственно, что он может сделать, это перевезти нас в соседний монастырь в полдня пути на восток. Тогда Н.К. решил воспользоваться этим предложением и, если монастырь являет хоть некоторые удобства для проживания в нем, переехать туда, чтобы создать прецедент для дальнейшего движения к генералу. Е.И., несмотря на нездоровье, вышла к майору, и узнав, что он по-прежнему не хочет принимать ничего в соображение и твердит о скором получении ответа из Нагчу, потеряла терпение и сказала с раздражением: «Это не люди, а звери!» На что майор глупо улыбнулся и подтвердил, что «девашунг», действительно, безжалостен.

Завтра через майора будет послано письмо генералу с просьбой разрешить Миссии переехать к нему. Завтра же я с Голубиным и одним из наших лам поеду осматривать монастырь.

13 декабря. Монастырь секты бон-по расположен в узком ущелье среди гранитных скал самых фантастических форм. За монастырской стеной на берегу речки воздвигнут большой белый чортен, украшенный парой больших черных рогов, и прямо против него на высоком утесе — другой «чортен» из красного гранита, поставленный здесь игрой природы. В монастыре два храма: старший, поменьше — на северной стороне и новый храм на противоположном конце квадратного, мощеного диким камнем двора. Стены нового храма внутри все расписаны изображениями Будды и Ламы — основателя секты бон-по. В старом храме имеется небольшая библиотека, помещающаяся в двух шкафах по обе стороны алтаря. Всего в монастыре до 30 монахов, каждый имеет свою келью.

Монахи здесь живут каждый на свои средства, поэтому убранство келий и одежда монахов, как, вероятно, и пища, сильно разнятся между собой. Дорога к монастырю все время идет ущельем; в некоторых местах тропинка настолько узка, что стремя черкает по камням откоса, тогда как другая нога висит над пропастью.

Почти за каждым горным отрогом по всему ущелью расставлены черные палатки тибетцев: горные отроги защищают их от сильных ветров, свирепствующих здесь зимой. В этом году вследствие обильного снега падает много скота — у каждой палатки лежит по несколько туш яков.

14 декабря. Сегодня с Ю.Н. вторично посетил монастырь. Выбрали место для лагеря вблизи монастыря. В самом монастыре решили не останавливаться, т.к. комнат в нем для всех недостаточно и они немного сырые. В этом монастыре, как оказывается, останавливался Таши-Лама во время своего бегства из Тибета. В этом же монастыре стоял со своими солдатами наш майор, посланный правительством в погоню за Таши-Ламой и не смогший достичь его из-за снежных завалов перед Нагчу. Бегство Таши-Ламы в Китай в 1923 году ознаменовало собою начало явного разложения Тибета. Сейчас, по словам солдата, провожавшего нас в монастырь, многие видные настоятели монастырей бегут из Тибета через Индию. В Ташилхунпо осталось всего около 100 лам, тогда как прежде их было до четырех тысяч. Таким образом, Н.К. оказался прав, придавая отъезду Таши-Ламы из Тибета такое большое значение.

Действительно, Таши-Лама, являясь духовным главой ламства, пользуется большой популярностью среди буддистов Тибета и Монголии. Когда в начале 1927 года по Монголии распространился слух о неразреше-

нии Таши-Ламе посетить Ургу, это вызвало серьезные беспорядки среди войск гарнизона Кобдо; волнение перекинулось в соседние хошуны, и 10 ближайших хошунов подняли восстание против монгольского правительства. Теперь, когда, по выражению местного населения, лучшие ламы бегут из Тибета к Таши-Ламе, когда правительство Далай-Ламы притесняет монголов — паломников и торговцев, приезжающих в Тибет, когда оно отказалось принять Миссию Западных буддистов, мы видим, что слухи о скором приходе в Тибет Таши-Ламы с китайскими войсками и что этот Далай-Лама, 13-й, является последним, имеют свое глубокое основание и смысл.

Н.К. говорит: «О разложении Тибета говорят сами факты. За два с половиной месяца нашего пребывания здесь мы сталкивались с самыми разнообразными проявлениями жизни Тибета, и мы не видели ни одного положительного факта. Напротив, почти каждый день приносил нам какой-нибудь новый отрицательный факт».

15 декабря. Майор решил ехать в Нагчу. Это неожиданное решение, наверное, имеет под собою серьезные основания. Возможно, получен ответ из Лхасы и майор вызывается губернаторами для каких-то совещаний. Сегодня он пришел рано утром в сопровождении старшин и уездного начальника. Договорился окончательно о переезде нашем в монастырь, обещал к послезавтра доставить 50 яков и 20 лошадей. Затем сообщил о своем намерении сегодня ехать в Нагчу, чтобы оттуда послать лично гонца в Лхасу. Н.К. передал ему также текст телеграммы для посылки британскому резиденту Бейли в Гангток.

16 декабря. Начинаем снимать лагерь. Из замерзшей земли очень трудно вынимать гвозди палаток — приходится вырубать ямки вокруг каждого гвоздя, это отнимает много времени. На завтра назначено выступление.

18 декабря. Устроились на новом месте. Весь груз перевезли на 70 яках и 10 верблюдах. Здесь днем совсем тепло, ночью тоже значительно теплее, чем на Чунаргене. Монастырь носит название Шаруген. Монастырская библиотека содержит 120 томов Канчжура бон-по и 140 томов Танчжура, т.е. комментариев к Канчжуру. Ю.Н. получил разрешение настоятеля брать книги из библиотеки для ознакомления.

Сегодня годовщина смерти Цзонхавы, основателя секты желтых шапок (гелугпа). Цзонхава является последним из учителей буддизма, производшим очередную реформу очищения Учения. По случаю дня годовщины наши ламы устраивали в своей палатке служение перед танкой с изображением Цзонхавы.

19 декабря. «Тантрику» дано новое задание: таять снег. До сих пор в Чунаргене (Чортен-Карно) «тантрик» противостоял снегопаду, и очень успешно — в продолжение более месяца ни разу не выпало снега, хотя часто горизонт завлакивался угрожающе-черными тучами. Теперь «тантрику» поручено новое задание — растопить выпавший ранее снег.

20 декабря. Приехали посланцы из Нагчу приглашать Н.К. и Ю.Н. для переговоров с губернаторами. Н.К. согласен ехать, но только в обществе Е.И. и доктора. На это нагчуские посланцы не согласились, ссылаясь на полученные ими инструкции разрешить проезд в Нагчу двум или самое большее трем лицам. Так как Н.К. отказался делить караван на две части, а посланцы не имели полномочий на разрешение въезда в Нагчу всему составу Миссии, то послали губернаторам письмо соответствующего содержания.

22 декабря. Вернувшийся с посланцами из Нагчу бывший наш проводник тибетец Кончок рассказывает о перемене политики губернаторов в отношении разрешения нам въезда. Теперь будто бы губернаторы обвиняют во всем хорчичаба, вмешавшегося не в свое дело пропуском нас на Чунарген.

Губернаторы говорят, что Миссия может выехать в Индию через Гиангце, но только через Лхасу. Что касается столь длительного неполучения ответа от Далай-Ламы, губернаторы объясняют это тем, что Далай-Ламе о приезде Миссии просто не докладывает по каким-то причинам правительство.

23 декабря. Пришло письмо от хорчичаба с приложением всех писем Н.К. девашунгу и Бейли. Генерал сообщает о невозможности посылки писем правительству вследствие снежных завалов по дороге.

Вместе с тем, слыша о недостатке продуктов у нас, генерал посылает 10 мешков ячменя, 4 мешка цзампы, 2 мешка муки и 6 кирпичей чая. По рассказам солдата, сопровождавшего груз, дорога от генерала в Лхасу свободна от снега и сообщение с Лхасой имеется, но генерал уже получил выговор от правительства за вмешательство в дела таможенных пограничных властей, которыми являются губернаторы Нагчу, по вопросу о разрешении Миссии въезда в пределы Тибета, и теперь он не хочет более беспокоить правительство передачей новых писем Н.К.

24 декабря. Первый караван монгольского красного посольства прибыл в Нагчу. Это показывает, прежде всего, что дорога на Лхасу открылась для движения. Одновременно с прибытием каравана в Нагчу приехал гонец правительства с приказом об аресте трех членов посольства. Как известно, в числе членов посольства имеется трое советских граждан,

калмыков, очевидно, приказ об аресте относится именно к ним.

26 декабря. Доктор продолжает навещать «намо» майора. У «намо» воспаление легких. Доктор предписывает ей свежий воздух и диету, что «намо» исполняет очень неохотно. Ей необходимо большое количество спиртных напитков ежедневно, чтобы удовлетворить своей привычке; ходить «намо» совсем не хочет, предпочитает валяться на постели, укутавшись в три шубы, т.к. комнаты в здешних домах не имеют ни окон, ни дверей. Вид у «намо» довольно кислый, хотя в переводе на русский «намо» означает «сладкая».

27 декабря. Вчера вечером вернулся из Нагчу майор. Обещал быть сегодня утром у нас. Обыкновенно до прихода майора к нам являлся один из его солдат и передавал в общем содержание новостей, но теперь солдаты ничего не знают о происшедшем в Нагчу — майор молчит. Утром майор не пришел; Н.К. посылал десятника спросить, когда майор сможет придти к нам, — обещал придти после обеда.

Майор пришел в четвертом часу дня, говорит, ждал прибытия каравана с грузом продуктов, купленных им для нас в Нагчу. Сведения, привезенные майором, очень интересны: через два дня губернаторы намерены посетить наш лагерь, чтобы переговорить с Н.К. лично, т.к., по их словам, только личные переговоры могут дать какие-либо положительные результаты. Губернаторы сообщили майору, что ими будто бы до сих пор не было получено каких-либо документов о Миссии — паспорт ургинского доньера до них не дошел. Губернаторы во всем обвиняют хорчичаба, поторопившегося послать в Лхасу донесение о прибытии Миссии и давшего Миссии разрешение передвинуться из Шингди в Чунарген. Вследствие вмешательства генерала губернаторы не послали в Лхасу никаких донесений о прибытии Миссии, а донесение генерала попало в военное министерство и потонуло в дебрях канцелярий. Теперь губернаторы решили пойти нам навстречу и, переговорив с майором, послали в Лхасу извещение о нашем прибытии. Вместе с тем, губернаторы обещали прибыть к нам для личных переговоров с Н.К. Телеграммы Бейли губернаторы не послали, но дали заверение, что телеграммы эти будут посланы после личных переговоров с Н.К.

Из Нагчу майор привез муки, сахару и свечей. По его словам, теперь в Нагчу совершенно не осталось более свечей и сахару. За 40 фунтов белой муки 3-го сорта майором заплачено 25 нарсангов, т.е. более 16 мексиканских долларов. У населения округа Нагчу скот вымер на 90 %.

30 декабря. Сегодня посланные за продуктами в соседние айлы наши двое служащих вернулись ни с чем. Жители отказались продавать нам что-либо, т.к. майор запретил им это под угрозой отрубить голову в случае на-

рушения запрета. Запрошенный об этом майор ответил, что он сам сидит без продуктов, т.к. местные старшины отказываются доставлять ему их под предлогом нехватки продуктов у населения. Н.К. решил писать об этом новом казусе генералу; майор, со своей стороны, также напишет генералу.

Сегодня старшины поставили нас в известность о том, что у них осталось всего 9 мешков ячменя в запасе, и что после этого они не в состоянии будут более доставлять нам ячмень.

31 декабря. Расследование обстоятельств дела с запрещением продажи нам продуктов показало, что запрещение это исходило от майора, а не от старшин, как объяснял нам сам майор. Майору было приказано генералом снабжать нас всем необходимым по умеренным ценам, т.к. в будущем, вероятно, правительству придется уплатить Миссии расходы, произведенные ею за время ожидания разрешения на въезд. Поэтому майором было запрещено населению продавать нам что-либо по вольной цене, а делать это только через него, майора, и, конечно, по «умеренным» ценам. Естественно, что население не желало отдавать своих продуктов за бесценок, а майор не настаивал особенно на этом, правильно учитывая, что чем меньше денег будет израсходовано Миссией, тем меньше придется возмещать ей правительством. С другой стороны, не желая открыто, во избежание излишних трений, запрещать нам покупать продукты у населения, майор собрал старшин и через них запретил населению продавать нам что бы то ни было; а когда все это было раскрыто и майор был прямо спрошен о причинах запрещения, ему ничего не оставалось, как свалить всю вину на старшин, и в результате последовало разрешение нам покупать у населения, что нам нужно.

2 января 1928 года. Прибыл гонец из Нагчу с сообщением о выезде губернаторов. Завтра губернаторы будут здесь.

4 января. Ждем губернаторов. От Нагчу до нас считается около 50 километров, и верблюжьи караваны проходят это расстояние в два дня, тогда как губернаторы едут уже четвертый день. Скорость передвижения для должностных лиц незавидная. Несколько странным, на наш взгляд, является также и то обстоятельство, что губернаторы едут вдвоем, как будто для переговоров с Миссией недостаточно кого-нибудь одного из них.

Н.К. заготовил для губернаторов 14 пунктов, по которым они должны будут дать исчерпывающий ответ. В этих пунктах говорится о целях Миссии в Тибете, о пропущенных сроках и о желании оставить пределы Тибета для Индии.

Сегодня в столовой палатке на стене растянут большой американский флаг.

Вечером в монастыре умерла «намо» майора от воспаления легких. Организм, разрушенный алкоголизмом, и больное сердце не могли противостоять болезни.

5 января. Губернаторы, ехавшие к нам четыре дня, на пятый день оказались в Нагчу. По словам Кончока, губернаторы доехали только до Цомра, в 10 километрах от Нагчу-Цзонга, и вернулись обратно из-за каких-то новых недоразумений с монгольским посольством, которое должно было выехать в тот день из Нагчу на север. Это новое известие является из ряда вон выходящим по своей нелепости.

Возникает подозрение, что вся эта история с поездкой губернаторов является просто плодом изворотливой фантазии майора, более всего пекущегося о собственном своем спокойствии. Вечером приехали в монастырь два гонца от губернаторов с известием о прибытии последних в Чунарген. Завтра губернаторы должны быть здесь.

Вечер был теплый, спокойный. Мягкий свет луны обволакивал все голубым бархатом. И скалы, и монастырь в отдалении, и весь лагерь тонули в голубой фантастической дымке. Тибетец-десятник, взмахивая длинными рукавами, кружась и притоптывая, показал нам национальные танцы, а потом пел длинный и красивый, полный гортанных звуков «нам-тар» о Гесер-чжалпо — «Сказание о Гесер-хане», о его подвигах, славе и силе могучей.

Ночью мешали спать сновавшие взад и вперед по лагерю хоры, деятельно готовившиеся к встрече губернаторов. У наших десятников отобрали палатку, и несчастные хоры провели ночь под открытым небом.

6 января. В 12 ч. дня прибыли двое губернаторских поваров. Это послужило знаком скорого прибытия самих губернаторов. Наш лагерь несколько изменил свою физиономию: у палатки начальника Миссии развернули американский флаг и знамя Майтрейи; в столовой палатке был сервирован чай. В 2 часа дня пришли оба губернатора, предшествоваемые восьмью хорами, несшими мешки гороха и чая в подарок. Духовный губернатор, в красном халате, имел весьма представительный вид, его гладко выбритое лицо выражало упорную волю и самоуверенность. Гражданский губернатор, в желтом халате, не производил столь сильного впечатления. Разговор с губернаторами происходил недолго: после краткого обмена приветствиями губернаторы сообщили о полученном ими распоряжении из Лхасы предложить Миссии избрать любой путь для выхода из Тибета, исключая дороги через Лхасу, Гиангце и Шигацзе. Со своей стороны, губернаторы предложили на выбор три наиболее удобных пути: на Синин, на Чжакундо или на Симлу. Правительство предлагает

вывезти нас на свой счет, предоставив нам грузовых животных и провиант. Затем губернаторы выразили свое удивление, зачем американцы приезжают в Тибет, в эту маленькую бедную страну, где абсолютно ничего нет интересного. Узнав же, что Миссия послана в Тибет буддистами Америки, очень удивились, что в Америке есть буддисты, т.к. по их словам, миссионер Пальмер, американец, проезжавший недавно Нагчу в составе экспедиции Фильхнера, говорил им обратное.

Разговор закончился предложением губернаторов составить к завтра маршрут пути в желаемом нами направлении, минуя указанные к исключению пункты. В разговоре губернаторы сообщили также некоторые политические новости: так, в Китае политическая ситуация продолжает улучшаться в пользу Чжан-цзо-лина; в центральном Китае опять усилилось влияние У Пей-фу, тогда как кантонская армия и Фын-юй-сян терпят поражения. В самом Тибете сильно ухудшились отношения между правительством Лхасы и англичанами; из Гиангцзе будто бы английские войска убраны. В Лхасе убит Ладен-ла, англофил и бывший начальник лхасской полиции.

7 января. Установлен маршрут пути до Сага-Цзонга. Через Нагчу, вдоль южного берега оз. Намцо, вверх по долине реки Брахмапутры до Сага-Цзонга и оттуда по одной из дорог, ведущих на Катманду (Непал) или в Сикким. Телеграммы Бейли и в Нью-Йорк губернаторы переслать отказались, мотивируя это тем, что в настоящее время между Тибетом и Индией нет ни телеграфного, ни почтового сообщения. Завтра губернаторы уезжают обратно в Нагчу, откуда пошлют донесение в Лхасу о нашем согласии выйти на Индию, минуя Гиангцзе.

Вместе с донесением правительству пойдет письмо Доринг-кунг-кушо, прежнему знакомому Н.К. еще по Дарджилингу и теперь занимающему видное место при дворе Далай-Ламы. Из Лхасы вместе с ответом придут необходимые продукты для предстоящего нам пути. Через 10 дней Н.К. предполагает перейти в Нагчу.

8 января. Произошла крупная ошибка с названиями пунктов прохождения, так оз. Намру, которое губернаторы называли тождественным с Намцо, т.е. с Тенгри-Нуром, на самом деле находится много севернее последнего, и дорога, проходящая через Намру-Цзонг, является крайней северной дорогой, идущей все время высотами Чантанга и безусловно неудобной для прохождения в зимнее время. Поэтому Н.К. послал вслед губернаторам письмо с требованием изменения маршрута в более южном направлении. Выступление нашего каравана в Нагчу назначено через 5 дней.

10 января. Н.К. говорит: «Маршрут, указанный губернаторами, представляет собою путь, идущий вдоль трех границ собственного Тибета — вдоль северной, западной и южной границ, и является несомненно весьма интересным во всех отношениях. Единственным недостатком является его чрезмерная длительность, что при наличии расстроенного здоровья некоторых членов Миссии служит серьезным препятствием.

Особенно интересным явился бы проход Миссии вдоль северной границы Непала, мимо высочайших в мире горных вершин — Эвереста и Канченджанги, до Сиккима, т.е. как раз в тех районах, которые наиболее бдительно охраняются англичанами, и где кроме последних не был еще никто из европейцев».

11 января. В нашем лагере начались цинготные заболевания. Сегодня у меня распухли десны передних зубов. У нашего тибетца Кончока также появились симптомы цинги. Причиной появления этой разрушительной болезни является однообразный мясной стол, отсутствие овощей и большие холода, перенесенные всеми нами за последние 2 месяца, когда температура по ночам была почти постоянно ниже -30°C .

14 января. Майором была сегодня получена от губернаторов копия их письма, посланного в Лхасу после переговоров с Н.К. Письмо пришло вечером, майор был, по обычаю, пьян и ничего не мог разобрать из написанного в письме. Тогда им был приглашен для этой цели Кончок, исполняющий при нем последнее время нечто вроде обязанностей адъютанта и одновременно служащий у нас. Кончок прочел майору письмо и затем пришел с докладом к Ю.Н. В письме губернаторы извещали правительство о прибытии великих людей из Америки, которых встретил перед Нагчу хорчичаб и задержал на 3 месяца. Эти великие люди намеревались идти в Лхасу, но после трехмесячной стоянки на Чантанге у них нет более целей в Лхасе и они хотят уйти из Тибета на Индию. Узнав об этом желании американцев, губернаторы поехали к ним для переговоров на место стоянки их лагеря в Шаруген, и там им удалось договориться с американцами о маршруте дороги на Индию. Маршрут таков: Нагчу, оз. Намру, Сага-Цзонг, Шикар-Цзонг и вдоль непальской границы в Сикким. Маршрут этот принят по обоюдному согласию. Под перевозку каравана американцев, производимому на счет правительства, требуется 100 яков и 30 лошадей. Губернаторы, находя эту цифру действительно необходимой, затрудняются, смогут ли уртоны того крайнего северного пути, который указан в маршруте, доставлять это количество животных.

Вместе с тем, губернаторы считают своим долгом сообщить, что они нашли американцев в очень болезненном состоянии, и т.к., насколько им

известно, американцы привыкли жить в теплых домах, им будет очень трудно идти зимой по столь крайней северной дороге, которая указана в маршруте. Поэтому они, губернаторы, от себя лично просят правительство о разрешении пропустить великих людей Америки на Индию кратчайшим путем в направлении долины Чумби.

Таким образом, ясно обнаружилась двойная игра губернаторов, желающих и нежелающих пропуска Миссии через территорию Тибета на Сикким. И в основе этой политики губернаторов лежит, конечно, все то же общечеловеческое желание — желание взятки.

По неофициальным сведениям духовный губернатор Нагчу может постараться устроить проход Миссии через Тибет кратчайшим путем в случае, если ему будет обещан один из кусков старинной парчи, предназначавшейся в числе других подарков Далай-Ламе.

16 января. Цинга, обнаруженная у меня доктором, оказалась простой простудой и флюсом, как и утверждала вначале Е.И. Сегодня нарыв на деснах прорвался, и болезнь пошла на убыль.

17 января. Все вещи каравана разделены на 5 частей по числу десятников, доставляющих нам яков. Каждому десятнику будет сдана часть вещей под его ответственность. Таким образом возможно будет сохранить вещи в целости. Выступление назначено на завтра.

23 января. Нагчу-Цзонг. Из Шаругена мы вышли 19-го, пробыв всего в пути 5 дней. Первые 3 дня было довольно тепло, шел мелкий снег. Дорога все время шла небольшими холмами, покрытыми толстым слоем снега в 10-15 сантиметров; попадались редкие палатки тибетцев, около палаток лежат туши павших от голода яков, возле одной из палаток мы насчитали до 30 таких туш. Жители за много лет назад не запомнят такого большого снега, как выпал в этом году. Последняя ночь перед Нагчу была очень холодна, наш термометр, показывающий только до -25°C , утонул совсем, что часто случалось и ранее, но судя по тому, что коньяк, стоявший на столе в палатке доктора, за ночь замерз, можно сказать, что холод был до -45°C и являлся, конечно, исключительным. В пути нам сопутствовали несколько небольших караванов голоков из-под Синина — торговцев и паломников. На одной из стоянок в наш лагерь пришло несколько человек голоков в своих оригинальных костюмах и остроконечных круглых шапках. Н.К. сфотографировал некоторые наиболее оригинальные типы голоков. На последней стоянке нас обогнал майор и проехал прямо в Нагчу, сделав весь путь из Шаругена в 2 дня. Вслед за майором приехал Кончок. Кончок сообщил о смерти в Чунаргене ламы Малонова, служившего ранее у нас и ушедшего в декабре месяце по своему желанию, т.к. он полагал, что

ему удастся скорее пробраться в Нагчу и далее в Лхасу, если он станет действовать самостоятельно, отделившись от Миссии. Надежды Малонова на скорое разрешение проезда в Лхасу не оправдались; кроме того, он имел неосторожность в прошлом году послать в Лхасу с одним тибетским торговцем деньги — 500 мексиканских долларов. Не получая ответа из Лхасы и беспокоясь за судьбу своих денег, Малонов проводил дни в волнении и унынии, почти не выходил из своей палатки, и в конце концов его сердце не выдержало чрезмерного напряжения, столь вредного здесь, на высотах, и человек умер от паралича сердца.

Подъезжая к Нагчу, мы увидели в тумане небольшую группу строений, раскинутых вдоль берега реки того же названия. Строения, представляющие собою низкие глинобитные квадраты, по верху стен густо обтянуты сеткой веревок с подвешенными к ним рваными грязными тряпочками — на этих тряпочках тибетцы, как и монголы, печатают молитвы. Издавна эти постройки, опутанные сеткой веревочек, произвели на Н.К. впечатление паутины. По этому поводу Н.К. сделал интересное сравнение: «Тибет, если окинуть взглядом его внутреннюю жизнь, покажется вам опутанным тонкой, но прочной сеткой паутины, в центре которой, в Лхасе, сидит огромный паук, пьющий жизненные соки страны; его мы еще не видели, но он уже давал нам знать о себе подергиванием тех ниточек, к которым мы имели неосторожность прикоснуться».

Дом в Нагчу, в котором мы остановились, представляет собою обычный тип китайской постройки и так же грязен и неудобен для жилья.

24 января. Устраиваемся в новом доме. По приказу губернатора по всему Нагчу собирают для нас печки. Над воротами поставили флагшток с американским флагом; флаг произвел на всех большое впечатление. Н.К. имел намерение посетить местный монастырь, но губернатор предупредил, что местные монахи очень дики, ничего не слышали о Западных буддистах и могут встретить пришедших иностранцев камнями; и только, когда узнал о намерении Н.К. сделать пожертвование в пользу монастыря, обещал поговорить с настоятелем о возможности для Н.К. посетить монастырь. Сегодня по желанию Н.К. снял на фильму общий вид Нагчу и дом, занимаемый Миссией.

Гражданский губернатор предоставил в наше распоряжение для лошадей свой выгон, но травы там оказалось немного; сейчас наши лошади получают по шести фунтов ячменя в день, что при отсутствии конюшен и при наличии холодной погоды является не совсем достаточным, но во всяком случае может поддержать животных до наступления теплого времени года.

26 января. Посетили монастырь. Предварительно зашли к губернатору (духовному). У губернатора за двумя столами сидело несколько писцов, занятых переписыванием писем, адресованных в Лхасу разным лицам по делу нашего пропуска. Между прочим, пишется письмо военному министру Царонг-шапе, пользующемуся большим личным влиянием на Далай-Ламу и знакомого Н.К. еще по Дарджилингу. Письмо Царонг-шапе будет послано частным образом через одного из местных крупных торговцев, уезжающего на днях в Лхасу; послать письмо с официальным гонцом губернатор не хочет, т.к. тогда письмо попадет в канцелярии военного министерства и не дойдет до министра. Царонг-шапе одно время был отстранен от должности по обвинению его партией духовенства во введении большевистских обычаев в армии. Насколько известно, Царонг-шапе является другом Англии, и подобное обвинение, очевидно, просто нелепость. Но теперь Царонг-шапе, как говорят, опять в силе.

Оставив губернатора, мы все отправились в монастырь. Главный храм монастыря обширен по своим размерам, в нем помещено много бронзовых фигур Будды, Цзонхава, Дуккар и две завешанные фигуры двух первых основателей монастыря, лица их никогда не показываются. На одной из стен, налево от входа, расписана масляными красками танка, изображающая Идам Шамбалы. Монастырь в настоящее время не имеет настоятеля — прежний настоятель недавно скончался. Монахи на вопрос о времени основания монастыря ответили незнанием. Судя по надписи на деревянной дощечке над входной дверью храма, написанной по-китайски, монастырю более 200 лет. После осмотра главного храма и сделанных Н.К. пожертвований, был всем нам предложен тибетский чай под порталом храма, и затем мы отправились осматривать второй храм, посвященный Бодхисаттве Майтрейе. Этот храм меньших размеров, прямо против входа помещена громадная фигура Майтрейи в сидячем положении. Фигура вся вызолочена и украшена бирюзой и рубинами. Перед изображением поставлен ряд светильников и больших амфор с душистыми маслами. Странно смотреть на все это великолепие, на все эти божеские почести, оказываемые человеку, хотя и ушедшему далеко вперед нас по пути Эволюции, но все же принадлежащему человеческой расе и, конечно, презирающему всякое богопочитание. Но... очевидно, современный человек еще не может заставить себя уважать и почитать в человеке человека... Чтобы заставить себя уважать человека, ему нужно окружить его ореолом божественности, чтобы, отдалив его таким образом от своей сущности, почувствовать всю разницу и все несходство свое с ним.

27 января. Уехал в Лхасу один из секретарей губернатора с письмами по нашему делу.

28 января. Интересно, что в Нагчу можно найти кое-какие товары даже японского производства, например, нитки и карандаши. Это показывает, что японский товар, несмотря на свое невысокое качество, проникает в отдаленнейшие провинции Китая и оттуда даже в Тибет, благодаря, конечно, своей дешевизне.

29 января. Вчера Ю.Н. посетил духовного губернатора и сегодня был у гражданского. Оба губернатора ожидают ответа из Лхасы через 2 дня, но уже до получения ответа согласны на спрямление нашего пути на Сикким. При этом каждый из губернаторов обещает сделать это спрямление лично и просит не говорить об этом другому. Так, вместо Сага-Цзонга теперь предлагается крайним западным пунктом Лхарцзе-Цзонг в двух днях пути к западу от Шигацзе.

Вопрос с Намру-Цзонгом также улаживается, по-видимому, губернаторы склонны считать Намруцзо за Намцо, т.е. Тенгри-Нур, и если дорога пройдет южным берегом Тенгри-Нура, это будет вполне приемлемо и даст еще не пройденный ранее путь. Все эти предложения губернаторов делаются ими ввиду их сильного желания приобрести у Миссии несколько винтовок, а также вследствие надежды на получение подарка.

31 января. За последние дни снег на южных склонах гор сильно стаял. Улицы Нагчу превратились в топкие, труднопроходимые болота; стаявший снег обнажил грязные кучи золы и всевозможных отбросов, лежащих прямо на улицах и площадях поселка. Всюду видна самая неприглядная нищета и убожество. Нищета природы, бесстыдно показывающей голые склоны невысоких гор, совершенно лишенных какой бы то ни было растительности, и нищета жизни тибетцев, живущих в грязных хлевах, питающихся подчас сырым мясом и носящих грязные бараньи шубы, одетые прямо на голое тело. В Нагчу работают по большей части женщины. Женщины-водоносы, женщины-носильщики аргала, женщины-чернорабочие. Это занятие женщины физическим трудом служит верным признаком низкого культурного уровня тибетцев. Оплата труда здесь нищенская, как и сама жизнь. Чернорабочий получает от 20 до 30 шо в день, т.е. около 20 центов мексиканского доллара. Никакого ограничения часов рабочего дня не существует.

1 февраля. Вчера Н.К. с Ю.Н. посетили гражданского губернатора. Разговор шел все на ту же нескончаемую тему об ожидаемом ответе из Лхасы и о маршруте пути на Индию. Губернатор ожидает прибытия гонца со дня на день и во всяком случае не позже 3-х дней, когда должен прибыть из Лхасы караван с заказанными для нас продуктами.

Между прочим, губернатор продолжает делать намеки на возможность дальнейшего исправления маршрута в смысле его спрямления. В последнем разговоре он давал уже понять о возможности для Миссии попасть в Индию через долину Чумби, что прежде считалось совершенно невозможным. Поразительна крайняя степень невежественной наивности губернатора, допытывающегося у Ю.Н., не имеет ли последний такой зрительной трубы, из которой можно увидеть Лхасу и Гиангцзе, и нет ли у него маленьких пушек, которые возят в седельных сумках и которые он видел у Тейчнера в 1918 году в Каме.

Вечером Ю.Н. был у духовного губернатора, где ему также пришлось услышать много забавного. Губернатор на этот раз рассказывал о событиях последних лет, происшедших в России и ему хорошо известных. Очень интересен этот его рассказ о русской революции: так, был в России, как известно, Цаган-хан, т.е. Белый царь, потом откуда-то пришел неизвестный человек по имени Ненин (Ленин) и выстрелом из пистолета убил царя и царицу, затем этот человек (Ленин) влез на высокое дерево и оттуда объявил, что отныне царя больше нет, что учение Иисуса отменяется, так же как и учение Будды, и что белые обычаи заменяются красными обычаями. Но осталась в России одна женщина, знавшая и белые обычаи, и красные, и сильно противодействовавшая Ленину, тогда Ленин решил ее убить и после долгих поисков действительно застрелил ее из пистолета, но после этого застрелился сам. На этом рассказ губернатора заканчивается.

Между прочим, губернатор остался недоволен тем, что Н.К. сделал пожертвование монастырю деньгами, тогда как нужно было купить у губернатора масло и пожертвовать маслом. На замечание Ю.Н., что в Сиккиме и Ладаке они всегда жертвовали на монастыри деньгами, губернатор возразил, что, может быть, там монахи более честны и будут зажигать лампы на полученные деньги, но что его монахи просто положат деньги в карман, и никаких молитв и лампад не будет.

Сегодня утром Ю.Н. посетил гражданского губернатора и подарил ему кусок зеленого шелка. В результате губернатор обещал полное содействие в деле спрямления маршрута. Губернатор обещал настаивать на отправлении Миссии вдоль южного берега Тенгри-Нура на Лхарцзе-Цзонг к западу от Шигацзе и оттуда на Сикким через Паританг. Во время беседы Ю.Н. с губернатором в комнату вошел истопник и, начав растапливать печку, неожиданно обратился к Ю.Н. со словами: «Саб-кушо, только все, что вы говорите здесь, должно остаться тайной для духовного губернатора». Патриархальность обычаев...

Поздно вечером Ю.Н. был приглашен к духовному губернатору. Ю.Н. ушел с Кончоком и взял с собой парчу в подарок губернатору, последний подарка не принял, но предложил продать ему один кусок парчи нарсангов за ... 50, тогда как за другой кусок, приобретаемый для правительства, губернатор предложил 1000 нарсангов!

2 февраля. Н.К. предполагал купить в монастыре несколько штук глиняных изображений Будды, но оказалось, что эти изображения можно купить только у духовного губернатора, который сам их выделывает.

4 февраля. Пришло известие о выступлении каравана с продуктами из Лхасы, караван будет здесь дня через три. Вместе с караваном идет письмо от Далай-Ламы. Говорят, содержание письма очень значительно. Перед караваном едут гонцы для оповещения цзонгов о своевременном приготовлении животных. Требуется 50 яков и 4 лошади, это количество возбуждает некоторый интерес, т.к. для заказанных нами продуктов достаточно 30 яков. Четыре лошади указывают на четырех сопровождающих, тогда как из Нагчу выехало в Лхасу только трое. Очевидно, четвертый послан из Лхасы. Ходят слухи, что правительство или Далай-Лама посылает Миссии подарки, — этим объясняют такое большое количество грузовых животных. Поживем — увидим.

7 февраля. Ответ пришел. Разрешено ехать на Сикким. Правда, пишет правительство, всем приезжающим иностранцам предлагаются обычно два пути: или обратно, или на Ладак, но принимая во внимание, что Миссии пришлось простоять всю зиму в ожидании ответа в неблагоприятных условиях Чантанга и здоровье некоторых членов Миссии пошатнулось, правительство с благословения Далай-Ламы согласно пропустить Миссию на Сикким. Маршрут пути, указанный в ответе, таков: Нагчу, северный берег Тенгри-Нура, по ладакской дороге до Шенза-Цзонга, оттуда прямо на юг в направлении Лхарцзе-Цзонга и от последнего одной из дорог на Чумби. Самым трудным участком пути является, конечно, путь от Нагчу до Шенза-Цзонга, идущий Чантангом по высоте свыше 15000 футов. Затем будут трудности при пересечении трансгималайской цепи, здесь перевал, лежащий на нашем пути, имеет 18000 футов высоты. Дальше местность постепенно понижается к долине реки Цангпо, начинается земледельческий район, прохождение которым будет значительно легче.

8 февраля. Губернаторами послан в Лхасу гонец с просьбой дать распоряжения по цзонгам, лежащим по пути нашего прохождения, о своевременном приготовлении грузовых животных. Под перевозку груза Миссии требуется 140 яков и 10 лошадей. Губернаторами получен ответ правитель-

ства о разрешении слугам Миссии монголам идти на Лхасу. Монголы пойдут, вероятно, с караваном, который привезет нам из Лхасы продукты.

11 февраля. Пришли сведения о нашем провизионном караване из Лхасы: караван, лишенный яков, застрял на Саншунге. Чиновники, сопровождающие караван, отчаиваются найти новую смену животных. Предполагают переотправить груз на людях.

Сегодня Ю.Н. в разговоре с доньером духовного губернатора обратил внимание последнего на ужасающую грязь Нагчу, говоря, что от недоброкачественной воды у Е.И. заболело горло. На это доньер ответил: «Если здесь вам кажется грязно, то что же вы сказали бы о Лхасе, где с источниками питьевой воды часто смешиваются потоки нечистот...» (?!)

Вечером Н.К. и Ю.Н. были у духовного губернатора. Разговор шел о дороге и о яках. Губернатор надеется собрать яков к 23 февраля.

12 февраля. Н.К. опять был у духовного губернатора. Теперь губернатор говорит, что им получены сведения о состоянии дороги на Тенгри-Нур: по дороге глубокий снег, и караваны не ходят ни в ту, ни в другую сторону. Поэтому губернатор не думает, чтобы Миссия могла выйти из Нагчу ранее 26 февраля. Во время разговора с губернатором Н.К. положил свои перчатки в карман и вдруг среди разговора он заметил, что присутствующие в комнате с интересом рассматривают какой-то предмет, переходящий из рук в руки. К своему глубокому изумлению Н.К. увидел, что это были... его перчатки. Маленький сын губернатора, все время вертевшийся около Н.К., вытащил их из его кармана с большой ловкостью, и затем перчатки пошли гулять по рукам присутствовавших в комнате тибетцев!

14 февраля. Караван с продуктами, застрявший на Саншунге, вышел в путь и, пройдя один переход, опять встал. Глубокий снег препятствует его дальнейшему продвижению. Таким образом, караван, отправленный из Лхасы самим правительством и сопровождаемый особым чиновником, никак не может дойти до места своего назначения! «Если мы посмотрим, — говорит Н.К., — на то, как исполняются распоряжения губернаторов Нагчу местным населением, то мы не будем особенно удивляться, что правительственный караван в течение 18 дней не может дойти до Нагчу». Действительно, население округа Нагчу обнаруживает крайне сепаратистские настроения и не склонно исполнять распоряжения губернаторов, поставленных им из Лхасы.

16 февраля. Караван с продуктами из Лхасы пришел. Среди других продуктов прибыли сиккимские апельсины и консервированные овощи, что явилось приятным разнообразием к нашему столу.

19 февраля. Наши ламы-буряты получили, наконец, разрешение на выезд. Это стоило им 15 долларов и одних карманных часов, подаренных губернатору (духовному). Последние дни губернатор лишил их права получать аргал от правительства наравне с нами, сказав, что только наши служащие, идущие далее с нами, имеют на это право, но ламы, идущие в Лхасу, должны покупать аргал у населения за деньги. Мешок аргала стоил последнее время 1 доллар. Ламы предполагают выйти на Лхасу числа 24 февраля, т.е. на третий день тибетского Нового года, с караваном мулов; предложение губернаторов выйти до Нового года на яках ламы отклонили, как потом оказалось, из суеверного страха за свою жизнь. Дело в том, что лама Малонов, служивший прежде у нас, умер, садясь на яка, после того как сделал донос на Миссию губернаторам, сообщив им ложное сведение, будто бы Миссия является красной и прибыла из Москвы. Остальные ламы-буряты также оказались замешанными в это дело и по суеверию боятся подвергнуться участи Малонова, когда станут садиться на яка. Поэтому ламы поедут в Лхасу на мулах, нанятых ими по 15 нарсангов.

Последние дни губернаторы дважды посетили нас. Они купили у Миссии две винтовки и часть патронов от карабинов. Стоимость винтовки с сотней патронов 350 нарсангов. Патроны к карабинам Маузера образца 1891 года ценятся недорого, по 2 шо за штуку, т.к. их выделывают в пограничной Тибету китайской провинции Сычуань, где имеются правительственные оружейные заводы, работающие под руководством германских инструкторов. Эти же патроны в Урге стоят по 8 шо.

Всего губернаторы получили от Миссии за своевременную доставку яков и за ходатайство перед правительством о спрямлении нашего пути на Сикким следующие подарки: духовный губернатор (кампо) — кусок парчи, серебряный чайный сервиз и разную мелочь; гражданский губернатор (нам-цзо) — кусок парчи, лисью шапку и бинокль, правда, за парчу губернатор обещал уплатить... одну золотую тибетскую монету стоимостью в 50 нарсангов; кроме того, он подарил Ю.Н. породистую собаку. В Нагчу по случаю скорого наступления Нового года (22 февраля) прибывают со всех сторон богомольцы. Обыкновенно они приезжают на конях с ружьем за плечами, на котором развевается желтый или красный флаг. На окраинах поселка появилось несколько новых черных палаток приезжих хорпа. У нас также готовятся к празднику — Кончок купил несколько десятков ярдов зеленой кисеи, на которой отпечатаны изображения Чинтамани и священная формула «Ом мани падме хум», повторенная 100 раз. Кисея эта, пришитая на веревку, будет вывешена по верху всех четырех стен нашего двора на третий день Нового года.

Н.К. последнее время вместе с Ю.Н. занят переговорами с губернаторами о скорейшем выезде Миссии из Нагчу. Наблюдая жизнь и нравы тибетцев за время нашей долгой стоянки здесь, Н.К. пришел к убеждению о необходимости открыть глаза европейцам на истинное положение страны, о необходимости снять с Тибета то покрывало таинственности и величия, в которое последний так искусно драпировался в течение столетий; и наконец, о необходимости строгого разграничения двух понятий: 1) ламайского Тибета, с центром в Лхасе в лице Далай-Ламы, и 2) Гималайского Белого Братства — организации Великих Учителей Человечества, ничего общего с ламаизмом не имеющих.

20 февраля. Сегодня мы все ходили смотреть религиозные церемонии изгнания злых духов. Сначала духов изгоняли из дома духовного губернатора, потом у гражданского и, наконец, в обоих монастырях. Церемония состояла в том, что десяток лам, одетых в свои обычные красные тоги и с головными уборами желтого цвета в виде древнегреческих шлемов, вооруженные барабанами, трубами и другими музыкальными инструментами, построившись в круг, в середине которого стоял старший лама с колокольчиком в одной руке и с дорже в другой, перед искусно слепленной ажурной пирамидой, сделанной из хлеба и бараньих кишек и выкрашенной в красный с золотом цвет, под ритм барабанов и тарелок произносили речитативом молитвы, изредка прерываемые резкими звуками труб и гобоев. После десятиминутного служения пирамида, на которую, по-видимому, уже были загнаны все злые духи этого места, бросалась в разведенный заранее костер из сложенного в виде большого треугольника аргала. Затем ламы удалялись, и к костру приближались один за другим старшины местного населения и стреляли в огонь из своих пистонных ружей. Между тем, толпа жителей, присутствовавшая при обряде изгнания злых духов, в момент, когда пирамида бросалась в огонь, устремлялась к жертвеннику, стараясь вырвать у огня кусочки сжигаемой жертвы: по народному поверью эти кусочки служат отличными талисманами против пули. Старшины, участвовавшие в церемонии, и два доньера губернаторов были одеты в красивые костюмы из разноцветного шелка с тюрбанами на головах (у доньеров головные уборы имели форму широкой тарелки, от середины которой свешивалась по краям бахромы из красного шелкового крученого шнура). Эти старшины во время совершения церемонии стояли, опершись на свои длинные пистонные ружья, — подлинные типы средневековых пиратов! В промежутке между двумя церемониями мы посетили духовного губернатора. Губернатор был в

хорошем расположении духа и т.к. на Новый год, по обычаю, нельзя говорить о серьезных вещах, шутил и много смеялся.

Ю.Н. сфотографировал некоторые моменты из церемоний изгнания духов, я же снял на фильм всю процедуру служения у обоих губернаторов и в монастыре. Получилась фильма длиной в 30 метров. Через духовного губернатора Н.К. отправляет Далай-Ламе свою монографию «Himalaya».

21 февраля. 10 ч. вечера. В монастыре совершается большое служение. Слышны звуки оркестра, напоминающие симфонии Вагнера. Ночь теплая, звездная. Завтра Новый год — год Земного Дракона, 5-й год нового века, проходящего под знаком Венеры.

22 февраля. Были с визитом у губернатора. Приемная комната и сам губернатор одеты по-праздничному: много шелка, бирюзы и белых хадаков. Визит продолжался недолго.

23 февраля. Праздник в Нагчу проходит незаметно. Не видно большего оживления, чем обычно. Наш Кончок уходит с утра и приходит поздно вечером мертвецки пьяный. Увеличилось количество нищих, появляющихся на улицах в окружении яростно лающих стай собак. И кроме этого громкого лая собак спокойствие поселка ничем не нарушается. «Тибет не поет», — замечает Н.К.

26 февраля. В обед пришел майор. Майор был навеселе и пришел прощаться; яки, говорил он, придут сегодня, а завтра я уезжаю к хорчичабу. Майор пришел в сопровождении Кончока, принесшего каменный кувшин с каким-то тибетским опьяняющим напитком. В продолжение разговора майор опоражнивал одну чашку за другой, услужливо наливаемые ему Кончком, и становился все разговорчивее. Наконец он стал жаловаться на губернаторов, особенно на гражданского. И тут мы услышали много интересных вещей. Оказывается, ко времени нашего прибытия в Шингди гражданский губернатор находился у хорчичаба на Чунаргене и совместно с ним прислал Миссии разрешение продвинуться на Чунарген, чтобы затем пройти в Нагчу. После этого гражданский губернатор уехал в Нагчу, где имел разговор о Миссии с духовным губернатором. Что произошло между духовным губернатором и гражданским, и почему последовал отказ Миссии от лица обоих губернаторов в проезде в Нагчу, остается невыясненным. Но только майор обвиняет во всем этом гражданского губернатора и говорит, что у него «три души». Гонец, посланный хорчичабом через Нагчу в Лхасу с извещением о прибытии Буддийской Миссии, по словам майора, в Лхасу не прибыл и не вернулся обратно, судьба его до сих пор неизвестна. Из всех этих разоблачений ясно одно, что губернаторы также принимали участие в первоначальном разрешении

Миссии передвинуться из Шингди на Чунарген и что обвинение с их стороны хорчичаба в разрешении Миссии прибыть на Чунарген неискренне, а следовательно, и в задержании Миссии в течение вот уже 143 дней виновны все те же губернаторы. Затем Н.К. спросил майора, послано ли им правительству свидетельство нашего доктора о болезни некоторых членов Миссии, об отсутствии необходимых медикаментов и о необходимости вследствие этого скорейшего продвижения в Индию. (Свидетельство это было написано и передано майору в декабре месяце прошлого года).

Майор ответил, что это свидетельство было переслано им хорчичабу. Вечером Н.К. с Ю.Н. были у духовного губернатора, где присутствовал также и гражданский. Разговор шел о яках. Когда губернатор узнал, что майор собирается завтра уезжать, он воскликнул: «Как?! Майор хочет уезжать раньше, чем его яки придут в Нагчу? Это невозможно!» И велел вызвать к себе майора. Последний вскоре явился, но уже в совершенно нетрезвом состоянии, и тут произошла безобразная сцена между ним и гражданским губернатором, едва не перешедшая в драку. Губернатор обвинил майора в том, что он хочет попросту удрать, не доставив обещанных яков, на что майор стал яростно доказывать, что всему виной гражданский губернатор, и в деле задержания Миссии, и в падеже всех грузовых животных Миссии, и что заботиться о доставке Миссии новых животных должен он, гражданский губернатор. Тогда духовный губернатор сказал майору, что если майор уедет, он принужден будет пропустить Миссию на Лхасу, и вся ответственность за это ляжет на майора. В результате майор согласился ждать в Нагчу прибытия яков из Чунаргена. Вечером же из неофициальных источников было получено сообщение, что губернаторам пришло из Лхасы приказание произвести обследование дела о гибели грузовых животных каравана Миссии с целью установления причин гибели животных и нахождения виновных в этом должностных лиц.

27 февраля. Неофициальные сведения о пришедшем приказе губернаторам из Лхасы о производстве расследования по вопросу задержания Миссии подтвердились. Правительство запросило губернаторов о причинах столь долгого задержания Миссии в зимнее время и о причинах несообщения своевременно правительству губернаторами о прибытии Миссии. В ответ на запрос губернаторами будет послано правительству подробное освещение обстоятельств дела и к ответу губернаторов будет приложено показание Н.К. — Начальника Миссии. Майору губернаторы заявили в категорической форме, что, если к завтра им не будет доставлено условленное количество яков в Нагчу, губернаторы принуждены будут

пропустить Миссию на Лхасу, а майор будет арестован, связан и также отправлен в распоряжение правительства.

28 февраля. По сведениям Кончока, губернаторы отправили правительству извещение о выходе Миссии из Нагчу 9-го числа 1-го месяца, т.е. 1 марта, причем, если к этому сроку не будут доставлены майором его 70 яков, Миссия вместо Намру идет на Лхасу. И майор принужден будет сопровождать ее. После обеда Н.К. вызвал к себе майора для выяснения точного времени прихода его яков, т.к. до срока выступления Миссии остается всего один день. Майор во время разговора был очень возбужден, обвинял во всем губернаторов, которые являются хозяевами в Нагчу и которые, по его мнению, обязаны доставить нам яков; он же со своей стороны сделал все от него зависящее и сегодня посылает еще солдата на Чунарген за яками, но он не может сказать точно, когда яки придут. На это Н.К. возразил, что гибель животных каравана Миссии была делом рук майора, который мог отправить караван на хорошие пастбища в нескольких днях пути на юго-восток от Чунаргена, но что, если майор отказывается доставить обещанные им 70 яков и 5 лошадей, Миссия выступит из Нагчу 1 марта на яках губернаторов, но уже не на Намру-Цзонг, а на Рединг-Гонпа, через Саншунг (по лхасской дороге). После этого Н.К. предложил майору пойти сейчас же к губернаторам для окончательного выяснения направления пути. Майор идти к губернаторам отказался. Тогда Н.К. с Ю.Н. и Н.В.[Кордашевским] ушел к гражданскому губернатору. Последний встретил их сообщением приятной новости: правительство разрешило Миссии идти на Сикким прямой дорогой. Но вслед за этим сообщением губернатор стал перечислять цзонги, лежащие на этой «прямой» дороге, — Намру-Цзонг, Нанг-Цзанг-Цзонг и еще целый ряд неизвестных цзонгов, на картах не обозначенных. Каким образом прямая дорога на Сикким проходит через два вышеупомянутых цзонга, лежащих на запад от Нагчу по ладакской дороге, остается непонятным. Или, может быть, это прямая дорога на Ладак? Во всяком случае, все эти разговоры с губернаторами нисколько не способствуют выяснению истинного направления нашего пути на Сикким, несмотря на то, что срок выезда Миссии из Нагчу назначен ими самими на 1 марта.

После ужина Н.К. с Ю.Н. и Н.В.[Кордашевским] посетили духовного губернатора. Губернатор по-прежнему говорил двусмысленности вроде прямой дороги на Сикким через Намру и о выезде Миссии из Нагчу на Лхасу в сопровождении майора. В конце концов, было установлено, что окончательное решение о выезде Миссии последует завтра утром на специальном совещании всех трех ответственных шей Нагчу

(губернаторы отвечают за все свои действия перед девашунгом своими шеями), т.е. обоих губернаторов и майора, на какое-то совещание приглашен также и Н.К.

29 февраля. Н.К., Ю.Н., Н.В.[Кордашевский] и К.Н.[Рябинин] были у губернатора на совещании. Совещание носило бурный характер, особенно возмущен был майор. В общем, пришли к следующему заключению: т.к. майор оказался не в состоянии поставить свою долю яков, губернаторы берут на себя доставку всех 140 яков и 10 лошадей, но для сбора их необходимо отсрочить отъезд Миссии до 6 марта. Маршрут Миссии назначен через Намру-Цзонг, но губернаторы надеются на возможность спрямления маршрута, т.к. на днях ими ожидается ответ правительства, где, может быть, будут на это какие-либо указания. Вместе с тем, губернаторы и майор обеспокоены пришедшим из Лхасы приказом о расследовании обстоятельств дела задержания Миссии. Майор говорит, что хорчицабом послано правительству оправдательное письмо, в котором генерал сообщает, что им не посылались никаких приглашений Миссии приехать на Чунарген и далее в Нагчу, таким образом генерал пытается оправдать себя самым неудачным образом — путем простого отрицания всего, что было.

2 марта. С каждым днем становится все труднее доставать ячмень для лошадей и аргал. Старшины поставляют нам ячмень очень неохотно, стараясь всячески оттянуть доставку последнего или поставить недоброкачественный. Аргал приходится покупать у населения — старшины, обязавшиеся вначале поставлять нам по 12 мешков аргала ежедневно, сбавили эту цифру до 7 мешков, а теперь и эти семь мешков доставляют крайне неаккуратно.

Получены сведения о выходе майоровских яков из Чунаргена, если яки придут в Нагчу до 6 марта, мы можем иметь 3 партии яков вместо двух, т.е. в общем 210 яков — количество, совершенно ненужное.

В 12 ч. дня приехала на белой кляче из Чунаргена бывшая подруга нашего Кончока. Тибетка привезла новые сведения о продвижении майоровских яков: часть яков уже прибыла в Нагчу, остальные придут завтра утром. Любопытно, что из трех солдат, посланных майором за яками, ни один не нашел для себя возможным приехать в Нагчу хотя бы днем раньше прибытия яков, с сообщением об их приходе.

После обеда Н.К. был приглашен к духовному губернатору, где последний сообщил, что все готово к отбытию Миссии и на завтра может быть назначен ее отъезд. Таким образом, если считать с 6 октября прошлого года, когда Миссия была впервые остановлена в Шингди, всего

Миссия пробыла на границе Тибета в ожидании ответа лхасского правительства 150 дней, или 5 месяцев. Н.К. говорит: «Для изучения внутренней жизни Тибета, очевидно, требуется срок в 150 дней». К трем часам дня пришли оба губернатора в сопровождении майора, доньеров и старшин. Производился расчет за зерно. Губернаторы уверяли, со слов старшин, что нами еще не уплачено за 10 мешков зерна 135 нарсангов. Это было явной ложью, и потому пришлось проверить все счета и записи вновь. Для этой цели гражданский губернатор, не имевший ни малейшего понятия о правилах умножения и деления, пользовался палочками, абрикосовыми косточками и кусочками цветного стекла.

После почти двухчасового подсчета, бесконечных споров и доказательств была установлена правильность наших записей, к общему удовольствию старшин и неудовольствию доньеров. Объяснялось это тем, что доньеры, получив с нас все деньги, старшинам уплатили не полностью. Покончив с зерном, пришлось разбирать новую историю — с патронами. Губернатор приобрел у нас револьвер системы «Наган» с 68 патронами, но доньеры передали ему этот револьвер только при 49 патронах. Это было установлено через соответствующий опрос всех принимавших в этом участие лиц, и губернатор принял твердое решение выколотить недостающие патроны из одного из доньеров, на которого пало подозрение.

В 6 ч. вечера Н.К. с Ю.Н. были опять у духовного губернатора. Н.К. задал губернатору ряд вопросов, на которые последний дал исчерпывающий ответ. Между прочим, по вопросу задержания губернатор обвинил во всем хорчичаба, сказав, что для встречи Миссии и переговоров должен был бы приехать из Лхасы специальный чиновник, т.к. Миссия прибыла с совершенно исключительными целями. Хорчичаб этого не сделал. Что касается невозможности для Н.К. видетсья с Далай-Ламой, губернатор утверждает, что по этому поводу существует договор между великими державами, воспрещающий для иностранцев видеть Его Святейшество. Из писем, посылавшихся Н.К. из Чунаргена, губернатор, по его словам, получил только одно, на которое он и ответил, остальных писем он не получал. В заключение губернатор сожалел, что все вышло так нехорошо, сказал, что Америка может теперь предъявить претензии за столь долгое задержание Миссии и причиненные ей убытки, еще раз обвинил во всем хорчичаба и сообщил его точное имя и адрес.

3 марта. Яки собраны. Грузы распределены. Завтра выступаем. Всего в число нашего каравана войдет 150 яков и 10 лошадей. Губернаторы, сообщившие правительству о выходе Миссии 1 марта, еще раз солгали. Впрочем, они вчера уверяли Н.К., что считают Миссию уже выступившей!

5 марта. Вчера в 8.30 ч. утра мы оставили, наконец, грязное логово, именуемое губернаторами «Величественным Снежным Замком», и вышли караваном из 133 яков (причем было уплачено губернаторам и майору за 140 яков), 5 верблюдов и 10 лошадей в западном направлении. Таким образом, пятимесячное тягостное пребывание на высотах Чантанга и Нагчу закончилось. За этот большой промежуток времени мы успели достаточно ознакомиться с бытом и нравами как местного населения, так равно и коренных тибетцев, занимающих здесь чиновные и военные должности самых разнообразных рангов и положений. В общем, надо признать полное моральное разложение местного военного и гражданского чиновничества, живущего взяточничеством и управляющего подвластным ему населением путем грубых насилий. Само население стоит на очень низкой степени культурного развития, имеет чрезвычайно ограниченные потребности, например, из одежды многие довольствуются одной только бараньей шубой и шерстяными сапогами, причем шуба служит им также и постелью (а иногда и палаткой), т.к. они спят не ложась, но становясь на колени, уткнувшись лицом в землю; пищей им служит часто сырое баранье мясо, сушеное молоко, цзампа и чай; население крайне суеверно; к своему начальству и вообще к коренным тибетцам относится очень недоверчиво, неохотно исполняет распоряжения местных властей и склонно к сепаратизму. Некоторые из кочевников прямо говорили, что при китайском суверенитете им жилось лучше, и они не прочь вернуться к прежним порядкам. И действительно, при китайцах здесь существовало право охоты на пушного зверя, теперь сильно ограниченное; существовал свободный ввоз и вывоз товаров и сырья между Тибетом и ближайшими провинциями Китая, теперь значительно сокращенный правительственной регулировкой заграничной торговли, что явилось причиной сильного вздутия цен на товары даже первой необходимости — ячмень стоит теперь 13 нарсангов за мешок в 60 фунтов; наконец, при китайцах существовало почтовое сообщение между Нагчу и Синином в Ганьсу, теперь уничтоженное.

Вместо серебряной китайской валюты население получило мифический серебряный нарсанг и реальные медные шо, по весу равняющиеся половине китайского цента, но по существующему здесь обязательному для всех правительственному курсу равняющиеся шести центам китайского доллара. Несколько странным является то обстоятельство, что, например, монета (медная) в половину шо, по весу и по размерам больше монеты в 1 шо; монеты в 1/3 шо сделаны в виде розетки.

Итак, мы вышли. Снова перед глазами однообразная холмистая местность, какую мы видим уже с самого Цайдама, только налево от

дороги на горизонте линия отдельных небольших горных гряд, идущих с юго-востока на северо-запад, с одиноко торчащими пиками довольно большой высоты. Снег лежит только на северных склонах холмов, южные уже почти свободны от снега. Холмистые гряды иногда образуют небольшие котловины, в центре которых маленькое озеро, а вся остальная часть котловины — болото, поросшее кочками жесткой травы. Хороших пастбищ нигде не видно, зато часто по дороге попадаются трупы лошадей, яков и баранов. Первый день мы прошли 6 часов, последний эшелон яков прошел 9 часов. Сегодня переход был несколько менее. Погода стоит теплая, но ветреная; ежедневно с 12 ч. дня и до вечера дует сильный юго-западный ветер, стихающий только к ночи.

6 марта. Третий день пути. Яки стали. За первые 2 дня пути караван потерял двух яков, сегодня погонщики отказались дойти до назначенной стоянки, пришли только 29 яков с палатками и кухней. Выступление назавтра назначено, но стоит под вопросом. Сегодня весь день с утра дует страшный ветер, сильно затрудняющий движение животных. Направление пути в общем западо-юго-западное в направлении горы Чжунга, очень похожей на гигантский майхан (монг. — палатка).

7 марта. Урочище Патра. Дневка. Пришли вчера с двумя партиями яков и верблюдами, остальные яки прибыли к 12 часам дня сегодня. Предстоит смена половины яков (нагчуских).

8 марта. Вчера сменили часть яков и добавили новых до 139-ти. Переход небольшой. День безветренный, жаркий. Дорога идет той же холмистой местностью, почти свободной от снега. Обширные пастбища. Трава плохого качества, болотная. Население живет богаче хорпа, встречаются небольшие глинобитные домики в одно окно. Все чаще попадаются табуны лошадей голов в 5-10. Местные жители поражают своей невежественностью: никто из них не бывал дальше 3-х дней пути на запад от своего урочища. Сколько переходов остается до Намру-Цзонга, никто не знает.

9 марта. Перешли перевал Ламси. Остановка по другую сторону перевала. Километрах в 10-ти к северо-западу от нашей стоянки большое озеро Ньяшинг, озеро соленое. По словам жителей, в озере обитают какие-то животные. День был ветренный, не холодный. За последние 2 дня оставили в попутных аилах 5 яков.

10 марта. Вчера окончился район Нагчу, и поэтому сегодня на стоянке не оказалось ни аргала, ни льда и не были приготовлены палатки для доньеров. Повестка, посланная вперед нашего каравана в Намру, застряла на сегодняшней нашей стоянке, так как местные старшины не

считают себя обязанными подчиняться распоряжениям губернаторов Нагчу, заявляя себя крестьянами монастыря Сера. Тогда сопровождающий нас доньер духовного губернатора применил к старшинам обычно практикующийся в Тибете способ, заставляющий их забывать о своей принадлежности к тому или другому монастырю и исполнять распоряжения ближайшего начальства. Способ этот состоял в том, что доньер принялся избивать старшину по голове плетью, причем после каждого удара старшина прятал голову и восклицал: «Ла, ласо... Ла, ласо», (да, господин). После непродолжительной подобной экзекуции и запущенного вдогонку убежавшему старшине увесистого камня на сцене появился и аргал, и лед для воды. Как станет дело с дальнейшим продвижением повестки, неизвестно; если повестка не придет заранее в Намру-Цзонг, нам придется простоять в этом цзонге несколько дней в ожидании сбора яков. Завтра новый район, принадлежащий другому монастырю, вероятно, опять будут какие-нибудь недоразумения со старшинами.

Сегодня юго-западный ветер достиг небывалой силы, палатки удалось поставить с большим трудом. Пала лошадь Н.К., проделавшая весь поход от Шарагольчи до Нагчу и вынесшая пятимесячные холода и бескормицу в Нагчу и Чунаргене. Лошадь пала от сильного расстройства желудка.

11 марта. Спустились в бассейн Тенгри-Нура. Население по-прежнему ничего не знает о существовании Намру-Цзонга или Чанглинкара, как он назван в препроводительном дайке, т.е. в повестке. Нашли какого-то старика, бывавшего в цзонге, последний сообщил, что до цзонга остается еще 4 дня, хотя губернаторы заверяли, что до первого цзонга нам придется пройти самое большее 8 дней. Последние 2 дня местность опять приобрела пустынный характер, горы голы. Часты песчаные площади, поросшие редкой травой. В этом году вследствие обильных снегов пал почти весь скот — уже второй день нельзя достать молока. Сильный юго-западный ветер не перестает весь день.

12 марта. Переход 4 часа. Все время на запад. С утра, как обычно, сильный юго-западный ветер, сегодня особенно холодный. Причина постоянных ветров в этой местности выяснена: земля эта принадлежит монастырю Сакья, а настоятель монастыря, когда приезжает в Лхасу, всегда приносит с собой вихри, ветры и тучи песку и пыли. Это установлено. Указывается на прямую связь между почтенным настоятелем монастыря Сакья и тибетскими ведьмами и прочей нечистью.

Замечено, что местные люди путаются в названиях проходимых нами озер: так озеро Ньяшинг, у которого мы были 9 марта, теперь называют

Дунгцо (на английской карте Бумцо). К Тенги-Нуру, если верить словам доньеров, мы приходим завтра.

13 марта. Завтра приходим в округ Намру, завтра же узнаем и точное число переходов, остающихся до цзонга. Несмотря на близость цзонга (3-4 шестнадцатикилометровых перехода), местные люди не знают точного расстояния до последнего. Из рассказов старшин и сверки их показаний с картой выяснилось, что мы проходим Тенгри-Нур уже 2-й день. Озеро остается невидимым, отделенное от нас высоким, сплошным горным хребтом. Сегодня виднелись на юге отдельные покрытые снегом вершины Трансгималаев, находящиеся уже по южную сторону озера. Погода, в общем, однообразная: с утра до вечера обычный западный или юго-западный сильный ветер; ночью спокойно, температура воздуха к восходу солнца достигает -9° , -10° С.

14 марта. Погонщики наших яков начинают жаловаться на боли в ногах. Сегодня одиннадцатый день нашего пути, а люди уже устали. Н.К. проводит любопытную параллель с погонщиками яков в Ладаке, где ему приходилось ходить караваном по 26 дней без отдыха, по дороге, бесконечно более трудной, нежели дороги Чантанга, и где погонщики яков, проходя ежедневно более 9-10 часов, никогда не жаловались ни на усталость, ни на какие бы то ни было недомогания.

Доньер духовного губернатора сегодня уехал вперед до Чанглингкара, завтра будет на месте. Нам придется пройти это расстояние в 2 дня, так как яки не могут сделать в день более 5-6 часов.

15 марта. В одном переходе от Чанглингкара. Идет мелкий снег, чувствуется понижение температуры. Название округа, где мы стоим, Гебра; тип лица жителей очень напоминает еврейский. Чанглингкар на картах не обозначен, что вполне понятно, так как крепость эта основана всего три года тому назад. Но что совершенно непонятно, это незнание проводников о существовании Тенгри-Нура вообще, хотя, если верить карте, озеро должно находиться в каких-нибудь 30 километрах к югу от нашего пути. Старшины местного населения не получали из Чанглингкара никаких распоряжений о сборе яков. Может быть, наша повестка опять застряла где-нибудь в пути?

16 марта. Намру-Цзонг. Чанглингкар. Крепость северной области. Небольшой глинобитный домик, обнесенный стенкой из сложенных кусков дерна. Сам хозяин дома — толстый рябой человек с лицом маньчжурского типа — встретил нас приветливо. Наш приезд был для него неожиданностью: повестка до него не дошла, как и следовало ожидать. Но губернатор сказал, что может нас отправить дальше до Шенза-Цзонга

своею властью. Из Лхасы им также ничего не было получено. Н.К. говорил о том, что мы были задержаны в пути на 5 дней, то есть губернаторы Нагчу определяли дорогу до Намру в 8 дней; о том что у Миссии нет более денежных средств, что Миссия была слишком долго задержана на Чунаргене и в Нагчу; что члены Миссии больны и что поэтому губернатор должен найти для нас более прямую дорогу, так как заход в Шенза-Цзонг заставит нас потерять почти 10 дней лишних; что есть дорога из Намру на Шигацзе через перевал Каламба и что если губернатор разрешит Миссии отправиться по этому пути, он, Н.К., обещает не заходить в Шигацзе, но пройти далее на запад до Лхарцзе-Цзонга и уже оттуда повернуть на Сикким. На это губернатор ответил, что в его власти отправить Миссию только до Шенза-Цзонга; дорога через перевал Каламба проходит через внутренние области Тибета, и без соответствующих распоряжений со стороны правительства он не может пропустить Миссию по этой дороге. Затем он предложил послать вперед в Шенза-Цзонг специального гонца с донесением о нашем продвижении и дать нам двух доньеров для услуг в дороге. Ячмень в цзонге есть, но цена на него высока — 18 нарсангов за мешок. Относительно цены за наем яков до Шенза-Цзонга губернатор обещал справиться у населения.

После обеда Ю.Н. был опять приглашен к губернатору, где собрались местные старшины с целью выяснения количества требуемых яков и платы за них. Старшины обещали яков доставить, но условия пути сделали невозможными. Во-первых, они назначили за каждого яка до Шенза по 7 нарсангов и за каждую лошадь по 10 нарсангов, кроме того, они настаивали на смене яков в пути в числе 7 смен; если же мы желаем идти без смены яков, то придется делать дневки, и вся дорога займет 20 дней. Такие условия являются для нас совершенно неподходящими. Ю.Н. поставил с нашей стороны следующие условия: плата за яков не может превышать платы за них, назначенной за дорогу от Нагчу до Намру, так как второй переход не превышает расстоянием первого; никаких смен в пути мы производить не можем, так как это отнимет у нас много лишних дней. Так как по этим вопросам Ю.Н. не удалось окончательно договориться с губернатором и старшинами, вечером Н.К., Ю.Н., Н.В.[Кордашевский] и К.Н.[Рябинин] отправились опять к губернатору. Результатом переговоров было следующее: яки в количестве 120 будут доставлены к утру послезавтра, плата за яков по 5 нарсангов, за лошадей по 8,5 нарсангов, продолжительность пути до Шенза 12 дней. Если мы желаем сокращения дней пути, об этом мы можем договариваться с самими крестьянами. Вперед в Шенза посылается гонец с сообщением о нашем приходе. Гонца

обошелся в 12 нарсангов. Интересно, что здесь курс нарсанга значительно ниже — в Нагчу за один мексиканский доллар давали 1 нарсанг 6 шо, здесь дают 2 нарсанга.

Во время разговора с губернатором в комнату вошел гонец с нашей повесткой и, подавая повестку губернатору, невозмутимо изрек: «Американская экспедиция прибывает в Намру-Цзонг завтра»(!).

17 марта. Деньги за яков и лошадей уплачены. Губернатор, как и приличествует тибетскому должностному лицу, удержал в свою пользу по 2 шо с каждого доллара, разменяв их по курсу 18 шо за доллар, несмотря на существующий на рынке курс 20 шо за доллар. Делалась также попытка принять доллары императорского выпуска по еще более низкому курсу, чем доллары выпуска республиканского, но эта попытка не увенчалась успехом, так как Н.К. предложил губернатору получить вместо императорских долларов тибетские шо, причем губернатор, конечно, предпочел первые. Куплено 19 мешков ячменя и гороха для лошадей по 16 нарсангов за мешок. Вещи приняты старшиной; завтра выступаем часов в 9-10 утра. За все свои любезные мошенничества губернатор получил от Н.К. подарок: шестикратный цейсовский бинокль.

Из расспросов местных жителей выяснилось, что озеро Намцо находится в двух ячьих переходах к юго-востоку от Намру-Цзонга.

18 марта. Вышли на 112 яках. Сопровождающий нас доньер обещает повести караван до Шенза-Цзонга в 11 дней. Дорога наша проходит горным хребтом, в общем превышающим 16000 футов. Среди дня шел небольшой мелкий снег.

19 марта. Перешли второй перевал. Погода стоит теплая. Население этих мест отличается грубыми чертами лица, сильно напоминающими семитический тип. Сегодня утром сменили яков, послезавтра утром опять смена. При каждой смене происходит подсчет количества ящиков и сундуков и распределение их по группам хозяев яков; все это отнимает много времени.

Утром в наш лагерь приходит взрослый мужчина, которого вел ребенок — мужчина просил подаяния — он лишился обоих глаз по приговору суда старшин, уличенный в неоднократном конокрадстве.

20 марта. Переход в 2 часа. На вопрос Н.К. о причине столь коротких переходов, когда правительство приказало отправить нас скорейшим путем, доньер возразил, что губернатором Намру было получено секретное предписание отправить нас как можно медленнее. Каковы мотивы, принудившие правительство поступить таким образом, неизвестно.

23 марта. Последние дни дорога проходит горным хребтом (хребет Наин-Синга), изобилующим песчаниковыми скалами, носящими на себе глубокие следы действия ветров, постоянных в этой местности. По дороге встречаются остатки древних памятников с изображениями оленей (менгиры), подобных тем, какие находил Н.К. в прежнее время в России. Сегодня Н.К. открыл древнюю могилу недалеко от места нашей стоянки; могила представляет собою сложенный из камней квадрат с одним большим камнем, обращенным на восток. Сегодняшняя стоянка называется Рати; женщины здесь носят головные уборы, сильно напоминающие русские кокошники. Памятники и группа женщин с их оригинальными украшениями сфотографированы Н.К. и мною.

25 марта. Местность опять приняла совершенно пустынный характер. Дорога проходит через ряд неглубоких котловин, разделенных между собою невысокими перевалами, в центре котловины обыкновенно находится озеро, пресное или соленое.

Вчера дорога прошла северным берегом одного из таких озер, значительного по своим размерам, соленого. Озеро это на картах не обозначено. Вообще, вся наша дорога от Намру до Шенза на картах не указана. Погода стоит в общем не холодная, но дует постоянный сильный западного-западный ветер, очень неприятный. Мелкие горные речки и ручьи уже вскрылись и по ночам не замерзают, озера еще покрыты ледяной коркой; снег повсеместно растаял. Местность по-прежнему пересечена во всех направлениях невысокими горными хребтами; в долинах песок и редкая трава. Население встречается редко, сегодня за пять часов пути видели всего 2 палатки и небольшие стада яков и баранов. Сегодня Н.К. приобрел у местных людей две старинные вещи — талисман против насильственной смерти в виде бронзовой стрелки и чеканное изображение двуглавого орла в круге. Относительно происхождения подобных бронзовых стрелок существует поверье: когда молния ударила в землю, через некоторое время образуется в земле такая стрелка.

27 марта. Второй день идем в южном направлении, вдоль западного берега озера Мокьюцо. Озеро все время остается скрытым от нас высокими скалистыми горами. Дорога идет рядом живописных ущелий и долин, ограниченных высокими скалистыми горами голубых, лиловых и фиолетовых тонов с самыми тонкими оттенками.

28 марта. Шенза-Цзонг. Поселок по своим размерам и по характеру построек напоминает Нагчу. Цзонгпен в отсутствии; его замещает молодой человек в очках и желтой шелковой кофте — по-видимому, помощник. В цзонге получено письмо Далай-Ламы за его личной печатью;

в письме указан дальнейший наш маршрут: Сага-Цзонг, Шекар-Цзонг, Кампа-Цзонг и Сикким. До Сага-Цзонга 20 дней пути, причем на тринадцатый день мы заходим в небольшое местечко Чокчу, где меняем яков. За 100 яков и 10 лошадей, которых мы берем здесь, плата 275 нарсангов до Чокчу; в счет платы выдается расписка, и деньги будут переведены правительству из Сиккима. Шенза-Цзонг, как указано на английской карте, стоит на 15550 футов высоты, дорога к нему идет через перевал около 17000 футов с почти незаметным подъемом и крутым спуском. К северо-западу от цзонга большое озеро Чаринцо. По дороге попадались небольшие стада куланов; видели стаи горных курочек. Поднимаясь к перевалу, встретили большой караван яков, везущих чай, — первый караван за все время пути от Нагчу.

29 марта. Первая стоянка после Шенза. Обогнули озеро Чарин вдоль его юго-западного берега. Озеро вскрылось, обнажив большие пространства свободной воды темно-синего тона. В озере, по словам местных жителей, обитают какие-то животные.

1 апреля. Стоим у озера Пурпа. Сегодня был большой переход — шли 8 часов, в дороге меняли яков. До Чокчу осталось 7 дней или, по местному счету, 6 ночей — тибетцы считают переходы по ночевкам. От самого Шенза идем Большой Непальской дорогой, по которой ходят паломники к Священным Озерам и в Индию. Вдоль дороги разбросаны многочисленные мендонги — большие прямоугольные кучи камней, с набросанными сверху плитками красного камня, испещренными священными формулами. Если бы не эти мендонги, дорога ничем не отличалась бы от обычного пустынного нагорья Чантанга — песок, мелкий щебень и галька; голые склоны гор; редкая трава, в низинах у речек образующая высокие кочки, по которым лошадь идет спотыкаясь, и приходится часто поднимать ноги, чтобы не задеть за какую-нибудь особенно высокую кочку.

2 апреля. Шел снег — мелкий, мокрый. Ветер, обычно западный, сегодня особенно холодный. Переход был опять двойной, с перегрузкой яков в пути.

5 апреля. Озеро Данграюмцо. Вода озера содержит в себе некоторый процент соды. Местность у озера носит пустынный характер — песок и галька, жесткая трава и невысокий кустарник. В кочках травы находят себе убежище зайцы, водящиеся здесь в изобилии. На берегу озера пасутся многочисленные стада куланов и антилоп. Животные мало боятся людей, подпуская к себе человека ближе чем на 100 шагов. У небольших озерков по дороге встречались стаи горных курочек. С запада озеро окаймлено высоким горами с отдельными снеговыми вершинами; горы тянутся далее

на юг — это северные отроги Трансгималаев. Люди в этих местах так же дики, как и встречавшиеся ранее: никто из них не бывал нигде далее района своих кочевий. Находятся лишь отдельные лица, всегда глубокие старцы — бывавшие или слышавшие о существовании соседнего цзонга. Проводников приходится менять ежедневно.

8 апреля. Третий день кружимся около одной горы — тибетские нелепости неисчерпаемы. Сегодня прошли всего 2 часа в южном направлении и остановились в ожидании приезда гарпена, который должен доставить нам яков для дальнейшего движения к Сага-Цзонгу. Вчера стояли в Чокчу — месте, имеющем один каменный дом старшины и несколько палаток. Завтра идем в юго-западном направлении. До Сага-Цзонга десять дней пути, от Сага до Брахмапутры еще три дня, переправа через Брахмапутру на лодках; по дороге до Сага перевалов не будет. Все эти сведения дал нам гарпен, поэтому очень доверять им нельзя. Последние дни начинают все чаще попадаться белые полотняные палатки вместо прежних черных шерстяных. На полотне видна марка «Manchester mills».

9 апреля. Сегодня караван яков вышел в 10.30 утра вместо обычных 8 часов. Причина — несвоевременная доставка яков, не приготовленных заранее, несмотря на письмо губернатора Нагцанга. Местные жители, принадлежа административно озеру Нагцанг и одновременно являясь собственностью монастыря Ташилунпо, отказываются подчиняться распоряжениям губернатора Нагцанга, и только паспорт, присланный Миссии Далай-Ламой, мог возыметь относительное действие в смысле доставки жителями необходимых нам яков и лошадей. Таким образом, и здесь население, как и в Хорде, и в Нагчука, открыто противодействует распоряжениям своего прямого начальства, относясь к последнему крайне пренебрежительно. Сегодня после пятичасового перехода остановились в местности, где старшина сначала отказался нас принять, уверяя, что мы идем не той дорогой, так как наша дорога проходит южнее, через владения гарпена. После долгих разговоров и подробного разбора копии далай-ламского паспорта, скрепленной печатью гарпена, старшина согласился дать нам яков для дальнейшего пути. Яки, по его словам, будут готовы завтра, хотя он еще ничего не предпринимал для их сбора, так как был якобы уверен, что мы пойдем южной дорогой. Из всех этих разговоров видно одно, что каждый из местных старшин старается сбыть нас другому, чтобы не беспокоить своих подчиненных доставкой яков, деньги за которых будут уплачены правительству и, конечно, никогда правительством возвращены по принадлежности не будут.

10 апреля. Стоим у озера Тингри-Ламцо. Переход сегодня занял 5 часов 20 минут; день был жаркий, хотя утром, до восхода солнца, температура воздуха была -20° С. Местность носит совершенно пустынный характер: песчаные увалы и скалистые горы розоватых и синих тонов. По берегам озера белые полосы — отложения соли. Вечером на стоянке опять бесконечные разговоры о яках и о предстоящем переходе. Гонец, посланный предыдущим старшиной вперед для предварительного оповещения населения о нашем продвижении, был найден нами сегодня на дороге спящим, поэтому на стоянке не оказалось подготовленными ни палаток, ни аргала и не были собраны яки для завтрашнего перехода. Местный старшина обещал к утру доставить яков; если нужное число их доставлено к сроку не будет, придется заменить недостающих из числа прежних. Население здесь носит совершенно дикий характер, с трудом понимает тибетский язык и отличается крайней несообразительностью. Отдаленность этих мест от своих административных центров создает независимый характер местных аборигенов, что при крайне низком культурном уровне их развития делает их совершенно невозможными. Интересно, что мы теперь проходим район, подчиненный Шенза-Цзонгу, причем о существовании этого района в самом цзонге никто не знает! Совершенный анекдот!

13 апреля. Сегодня исполнился ровно год со дня выезда Миссии из Урги. Половину этого времени мы провели в северных областях Тибета, где успели достаточно насмотреться на жизнь и нравы жителей всех классов этой страны, которая еще до последнего времени была окружена ореолом таинственности и величия. Из всего что нам пришлось увидеть и пережить в этой стране, можно вывести следующее заключение: Тибет — не более как одна из самых глухих провинций Китая, каковою он прежде и являлся. Вся «Культура» Тибета прямое подражание китайской культуре времен маньчжуров — все эти чиновники, живущие взятками и незаконными поборами с населения; та же доведенная до абсурда централизация власти, когда каждый район непосредственно подчиняется центральному правительству, не имея никакой координации с ближайшими соседними районами; та же политика лжи и самоуверенного нахальства в отношении иностранцев; даже военное дело в Тибете стоит на том же уровне, как оно было в Китае во времена маньчжурской династии — мы видели части гарнизона Ши-гацзе — командный состав носил шелковые китайские халаты и головные уборы, украшенные драгоценностями, солдаты были одеты в грязные бараньи шубы, спущенные с правого плеча, китайские меховые шаровары (некоторые были одеты в английские летние мундиры без пуговиц), и все имели косы; в левом ухе у каждого воина болталась круглая медная серьга

с плохой бирюзой. Население северных областей Тибета — Хорде, Нагчука, Намру, Нагцанга и района Сага-Цзонга поражает своей дикостью: эти люди круглый год живут в шерстяной палатке, питаются цзампой и сырым бараньим мясом, и большинство из них за всю свою жизнь ни разу не побывало даже в соседнем хошуне, отстоящем от них в каких-нибудь 30 километрах. Эти люди удивляют своей бестолковостью и абсолютным непониманием жеста; надо видеть, как они по утрам начинают выючить своих яков под груз Миссии, как они суетливо бегают от одного ящика к другому, не зная, за который приняться, как потом навьючивают и опять развьючивают яков, находя, очевидно, те или иные комбинации грузов почему-либо неудачными. «Эти люди производят впечатление не просто дикарей, — говорит Н.К., — дикари обладают своеобразной сметкой, у них часто встречаются замечательные таланты, они ловки, смелы и сообразительны, эти же люди находятся в состоянии какой-то протрации — это дикари-вырожденцы». А в то же время лхасское правительство печатает на своих плохих медных монетках: «Благословенный Дворец, непобедимый во всех отношениях».

14 апреля. Стоим у перевала Сангмо-Бертык (19090 футов). Несмотря на окружающие нас снеговые вершины, на нашей стоянке не холодно. Жители ближних айлов (здесь люди живут на высоте 17000 футов) говорят, что на перевале сейчас очень большой снег, впрочем, никто из них там не был. Летом местное население ведет меновую торговлю с районом Сага-Цзонга, выменивая соль, которую они добывают из озер, на ячмень. Товар в оба конца перевозится на баранах, для чего на спину барана одеваются два небольших мешочка весом до шести фунтов ячменя или десяти фунтов соли каждый. Сегодня мы купили четыре таких мешка ячменя за 5 нарсангов.

15 апреля. Перешли Сангмо-Бертык. Было тепло; изредка падал небольшой снег; с утра небо было ясно, но к десяти часам, как обычно, над горами появились обильные испарения, и к одиннадцати уже все небо было затянуто серой пеленой, ветра сегодня не было. Не взирая на большую высоту перевала, и здесь жизнь: почва изрыта норками сусликов, а когда я ехал через самый перевал, ко мне на седло села небольшая серая ночная бабочка. Спуск с перевала был так же крут и каменист, как и подъем.

16 апреля. 10 часов утра. Наверное, придется потерять здесь день. Старшина этого района ничего не приготовил для дальнейшего нашего пути, население вообще отказывается признавать для себя обязательным далай-ламский паспорт. Н.К. предложил нашим прежним караванщикам

провести нас до Сага за плату в один доллар за каждого яка, на что тибетцы ответили, что в Сага они нас вести без разрешения своего старшины не могут, не могут даже доставить нас местному старшине, живущему в четырех часах пути в южном от нас направлении, так как, по их мнению, обычная стоянка караванов здесь, где они нас остановили, и здесь они будут ждать приезда местного старшины, за которым уже послано для передачи нас ему. В добавление к этому Кончок сообщил интересное сведение — в собственно Тибете население часто отказывается перевозить даже далай-ламские грузы, и потому нам в Сага-Цзонге лучше взять сквозных животных до границы. Местность эта называется Лапсар и лежит в долине (выше 16000 футов) между отдельными массивами хребта Трансгималаев. Убеждаемся, что нас послали не уртонной дорогой, на картах не показанной.

17 апреля. Пришли к старшине. Конечно, ничего не приготовлено; старшина отговаривается неполучением даика (повестки). На наше счастье здесь стоит караван торговцев, везущих соль в район Тингри-Цзонга; добиваемся у старшины разрешения воспользоваться их яками до следующего хошуна. Отсюда идут к Сага-Цзонгу две дороги — одна через два снежных перевала, в направлении юго-запада, другая, без перевалов, в обход снежных цепей Трансгималаев. Так как первая дорога сейчас труднопроходима из-за большого снега, решено идти второй дорогой. До Сага два перехода.

18 апреля. С каждым днем все хуже. 16-го потеряли день из-за нежелания населения своевременно предоставить нам яков; сегодня старшина отказался вести нас дальше и вместе с тем не оповестил заранее местного старшину о приготовлении нам яков, вследствие чего нам предстояло потерять здесь еще один день. Н.К., не желая более терять дней на бесполезные стоянки, отдал распоряжение об аресте старшины и приводе его в наш лагерь. Для этой цели был командирован я в сопровождении Голубина, Кончока и местного старшины. При нашем появлении в лагере тибетцев последние вскочили на ноги, окружив своего старшину, вероятно, с целью его защиты, но, увидев карабин Голубина и мой вынутый из кобуры револьвер, уступили и дали себя растолкать, с целью извлечения старшины, который после непродолжительного разговора с Кончком согласился пойти в наш лагерь. Здесь ему пришлось иметь разговор с Н.К. через Кончока, и так как он не соглашался вести нас дальше, было решено оставить его до завтра у нас под арестом со связанными руками и потом везти в Сага-Цзонг. Прежние погонщики, узнав о задержании их старшины, прислали делегатов просить о его освобождении, обещая дать нам яков

еще на один переход. После того как между обоими старшинами — прежним и новым — было заключено письменное условие о дальнейшем совместном транспортировании груза Миссии до Сага-Цзонга, прежний старшина был освобожден из-под ареста и отпущен. Таким образом, для получения возможности продвижения по маршруту, указанному Миссии правительством Далай-Ламы, и имея при себе соответствующие документы, нам приходится прибегать к вооруженному насилию и пользоваться правом реквизиций, точно на каком-то театре военных действий! Настолько население не уважает указов своего правительства.

19 апреля. Сага-Цзонг. Конечно, сведения населения о дороге абсолютно не отвечали действительности: говоря, что по дороге не будет перевалов, они говорили очевидно заведомую ложь — за эти два дня пути мы имели два перевала, по крайней мере, более 18000 футов каждый, с очень крутыми подъемами и спусками. На втором перевале, сегодня, у нас пал один верблюд и на спуске стала лошадь. В цзонге были очень удивлены, узнав, что нас послали этой дорогой, тогда как есть другая, более удобная дорога от Чокчу до Сага-Цзонга. Цзонгпен в отсутствие, яки для нас не приготовлены, несмотря на то что письмо правительства о нашем продвижении получено в цзонге месяц тому назад. Заместитель цзонгпена также в отсутствие.

20 апреля. Стоим в Сага. Заместитель цзонгпена говорит, что не может собрать яков ранее трех дней, так как яки угнаны далеко в горы на лучшие пастбища. Из продуктов в цзонге также ничего достать нельзя, ни бараньего мяса, ни порамы, ни сахара, ни ячменя. Никаких торговцев в цзонге нет, а ведь цзонг расположен на большой дороге, соединяющей Лхасу с Ладаком! Теперь мы видим, что правительство Лхасы отправило нас по голодной дороге, где ничего нельзя достать из продуктов, и, вместе с тем, через губернаторов Нагчу уверило нас, что по дороге все можно будет достать и что весь путь от Нагчу до Сиккима займет только 28 дней. Между тем, сегодня уже 47-й день нашего пути по дорогам, не указанным ни на каких картах, проходящим по местностям, населенным полудикими племенами, нежелающими считаться с распоряжениями своего правительства. Наши запасы продовольствия приходят к концу; лошадей уже третий день кормим цзампой, так как ячменя больше нет. Все это лишний раз показывает отношение правительства буддийской страны к мирному посольству буддистов Запада, пришедшему в эту страну с предложением взаимного сотрудничества в общем деле служения Учению Будды. Н.К. заготовил письмо в буддийский центр в Америке, из которого видно, как всех нас поразила своим отношением, своими обычаями и своей жизнью

эта страна, считавшаяся до сих пор оплотом буддизма. Письмо это приводится в дневнике в качестве приложения.*

21 апреля. Нирва цзонга прислал нам два мешка ячменя по 40 фунтов за плату по 11,5 нарсангов за мешок. В Хорде мы платили 13 нарсангов за мешок в 60 фунтов, а здесь, на границе хлебного района, принуждены платить почти в полтора раза дороже! Таким образом, принудительно задержав нас в Сага-Цзонге, тибетцы еще хотят составить себе хороший заработок путем продажи нам зерна по совершенно произвольным ценам, да еще прибавляют в зерно порядочное количество мелкого щебня.

Сага-Цзонг расположен в долине реки Чарта-Цангпо. Представляет собой небольшую группу глинобитных построек, обычных в Тибете и Китае. В цзонге стоит гарнизон из 27 человек пехоты — невероятные оборванцы в серых халатах. Командующий этим сбродом капрал ходит в английских военных ботинках, одетых на босую ногу, и в поярковой шляпе. Между цзонгом и нашим лагерем, на повороте дороги стоит развалившийся мендонг, из которого местные жители устроили нечто вроде отхожего места: шиферные плитки со священными изображениями и формулами завалены нечистотами и трупами дохлых собак — очень показательно для страны, именующей себя оплотом буддизма. Н.К. невольно вспоминает Ладак, где вы никогда не увидите подобного отношения к священным памятникам.

22 апреля. Гонец с даиком уехал. Решено переправиться через Брамапутру у монастыря Чатур, где имеются деревянные лодки, тогда как на прямой дороге переправа обслуживается всего двумя кожаными лодками. До переправы 6 дней пути, яки будут готовы завтра.

24 апреля. Первый переход вышел невелик — всего 3 часа. Крестьяне считают своих яков слабыми и не хотят делать больших переходов. Начальство цзонга ничего с крестьянами поделывать не может, так как последние открыто выказывают им неподчинение. По дороге видели опять менгир, но уже совсем новый, обильно политый жертвенным маслом. Менгир этот посвящен... лхасскому правительственному прорицателю, с установления правительства! Вот откуда это небрежение к мендонгам. Население предпочитает поклоняться фетишам, нежели исповедовать буддизм или ламаизм.

В ночь на сегодня у нас была украдена одна попона с лошади. Это первый случай воровства за всю дорогу. «Приближаемся к собственно Тибету», — замечает по этому поводу Н.К.

* Опубликовано: Ариаварта. 1997. № 1. С.153-165.

Сегодня утром, когда лагерь был снят и палатки убраны, как всегда явились тибетки и тибетцы подбирать оставшиеся бумажки и разный хлам. На этот раз ревностное участие в подбории мусора принял также сам начальник гарнизона Сага-Цзонга. Вечером через наш лагерь прошли пилигримы, возвращающиеся из Лхасы. Пилигримы идут домой, в область Священных Озер, к горе Кайлас. Странно, зачем понадобилось жителям действительно священной области идти в какую-то Лхасу? Или вековая привычка чтить Далай-Ламу еще держится в народе?

25 апреля. Брамапутра. Местность ближе к реке несколько изменила свой характер — появилась трава и низкорослый кустарник, южные склоны гор расцвечены пятнами густо-зеленой туи. По дороге встретились два каравана: один на яках, с чаем и ячменем, впереди каравана ехала группа всадников в ярких халатах, красных чалмах, с карабинами за плечами — как оказалось, монахи из Ташилунпо; другой — караван баранов с солью из Чантанга.

* * *

В Тибете чрезвычайно развито нищенство, особенно среди ламства. Ламы-попрошайки особенно назойливы и бесстыдны. Чтобы отделаться от их докучливых приставаний, приходится принимать героические меры. Подачка в этих случаях не помогает, так как, получив ее, лама-нищий вскоре же приходит вымогать еще и еще более ухудшает положение.

* * *

Иногда вам приходится слышать от тибетца такие слова: «Европейцы — хорошие люди, они всегда говорят правду. Не то наши тибетцы, которые лгут на каждом шагу».

* * *

Видели несколько новых монастырей секты бон-по. И тут же рядом ветхие строения монастыря красной секты. Или «черная вера» привлекает больше последователей в этой инволюционирующей стране, где само благочестивое правительство утверждает языческие мольбища?

* * *

По дороге попадаются развалины древних буддийских монастырей, ступ и мендонгов. Монастыри эти расположены всегда на высоких скалах;

сложенные из дикого камня с полуразвалившимися башнями, они производят величественное впечатление. А внизу, у хлебных полей, монастыри современного Тибета: выбеленные известкой глинобитки, грубо размалеванные красными и синими полосами. Как резко виден упадок чувства красоты в выборе места и в характере монастырских построек современного Тибета. И потом, эта близость хлебных полей так ясно указывает на коренное изменение идеалов тибетского монашества, заставившее их спуститься с суровых гор в мягкие и сытые долины.

* * *

Развалины, развалины и развалины. Развалины домов, крепостей; развалины монастырей, ступ и мендонгов. Изредка меж этих развалин попадаются обитаемые строения, но развалин гораздо больше. Все в прошлом.

* * *

Гималаи. Видим: Эверест, Чосантан. Снежные вершины сливаются с белизной облаков, целый день стоящих над всей снежной цепью. Только рано утром можно видеть резкие изломы вершин, но уже к 9 часам горы подергиваются туманной дымкой и затем исчезают в густых облаках. Гималаи. Сколько энергии сконцентрировано среди этих гор! Какие запасы знания и опыта собраны в лабораториях и библиотеках Великого Братства! Если б только могло человечество сейчас вместить все эти ценности, какой огромный скачок могла бы сделать наша Земля по пути эволюции!

* * *

Страсть к преувеличениям развита у тибетцев до комизма. Если тибетец скажет вам, что в соседней крепости стоит гарнизон в 500 человек, вы смело можете отбросить последний нуль, ибо и пятидесяти грязных оборванцев, именуемых в Тибете солдатами, вы там не найдете. Или вам придется присчитать к ним всех грудных и малолетних оборвышей.

* * *

Начальники цзонгов и пограничных крепостей, важных в стратегическом отношении, обыкновенно отсутствуют, находясь постоянно в Лхасе. Или, может быть, эти должности раздаются правительством Далай-Ламы тем или иным заслуживающим доверия лицам просто в виде доходных поместий, на кормление?

* * *

Даже первоклассные крепости Тибета не производят внушительного впечатления. Н.К. говорит, что в Ладаке часто дом старшины деревни расположен живописнее и производит больше впечатления неприступной крепости.

* * *

Население собственно Тибета, занимающееся земледелием, платит 20 нарсангов ежемесячного подушного налога! Вот откуда ужасающая нищета тибетских крестьян, страшная дороговизна всех товаров и даже предметов первой необходимости и полное отсутствие самых примитивных культурных условий. Вот откуда ненависть к властям. Население задавлено бременем государственных налогов!

* * *

В Тибете сейчас происходят большие передвижения войск. Из Шигагце ушел весь гарнизон, из далекого западного Тингри отправлено 250 человек. Войска отправляются в Кама (Восточный Тибет), где сейчас крупное повстанческое движение. По слухам, в первых стычках с повстанцами правительственные войска потеряли убитыми 500 человек. Также убит генерал-губернатор Кама и ряд других должностных лиц. В городе поговаривают о начавшемся наступлении на Тибет китайских войск, руководимых Таши-Ламой. Одно время правительственный даик с приказом о переброске войск в район Кама шел с нашим караваном. Приказ этот написан на красном шелке, намотанном на камышовую стрелу. И этот грозный посланец войны был заткнут за наш мирный яхтан.

* * *

На стоянке вас окружает толпа грязных ребятишек в возрасте от 7 до 12 лет, просят денег «промочить горло». Вы сначала не понимаете, но, действительно, дети просят «на водку»! В Тибете все пьют и курят. И на замечание Н.К., что на Западе буддисты воздерживаются от алкоголя и табака, высокопоставленные чиновные особы Тибета отвечают: «А восточные буддисты все пьют!»

* * *

Во многих монастырях желтой секты нет изображений Майтрейи — Будды будущего. Между тем, сам Благословенный завещал чтить каждого

будущего Будду более прошлого, подчеркивая тем значение эволюции. Но, конечно, современным тибетцам нет дела до будущего. Лишь бы в настоящем можно было проводить время в оцепелом ничегонеделании и беспробудном опьянении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая дневник нашего путешествия, хочу сказать несколько слов о том крупном сдвиге, происшедшем в сознании мыслящего человечества, который привел его к осознанию необходимости возвращения к красоте и истинному знанию, пришедшему в упадок в современном мире. Учение Готамы Будды, провозглашенное две с половиной тысячи лет тому назад и формулировавшее законы, руководящие жизнью и эволюцией, было опять вынесено на свет разума и, очищенное от вековой пыли и разнообразных ложных наслоений, было признано единственно удовлетворяющим требованиям современного мышления. Ряд выдающихся умов современности признал насущнейшую необходимость проведения положений этого Учения в самые широкие массы народа с целью воспитания основных слоев человечества в духе стремления к красоте и действительному знанию. С этой целью был создан ряд буддийских центров во всех европейских странах и, прежде всего, в Америке. Одним из наиболее крупных работников в деле очищения Учения Будды и проведения его положений в сознание широких масс является Николай Константинович Рерих, предпринявший в последнее пятилетие большое путешествие по Центральной Азии, с целью выяснения на месте положения буддизма.

Еще до мировой войны и русской революции Н.К.Рерих пользовался крупной известностью как исключительный по своеобразию своего таланта художник и как выдающийся общественный деятель.

Конец XIX и начало XX века ознаменованы коренным сдвигом в сознании человечества в сторону обретения новых путей в области жизни духа. Этот период совпал с расцветом художественного таланта Рериха, отличительным свойством творчества которого является его неразрывная связь с общим духовным строительством того времени. В области своих линий и красок он был упорно озабочен решением тех же важных задач, которые стояли на очереди и в литературе, и в музыке, и во всем современном искусстве. А так как само это искусство было лишь живым отражением и наиболее деятельной частью глубокого пылания, охватившего всю

современную душу в ее борьбе за новое сознание мира и за новую волю, то, утверждая свои образы, Рерих участвовал и в создании всего строя нашей внутренней жизни, в его утверждении по новому смыслу и духу.

В конце 1916 года Рерих оставляет Россию и отправляется в заграничные странствования. С этого времени общероссийская известность и культурная ценность Рериха вырастает в общеевропейскую и затем мировую величину. Рерих устраивает ряд выставок в Финляндии, Швеции, Дании, Англии и Германии и везде находит исключительное внимание публики и лестные оценки выдающихся художественных критиков. В начале 1920 года «Обеспечение музейных выставок», одна из крупнейших организаций Америки, предложила ему организовать в 28 городах Соединенных Штатов выставки картин. Этот исключительный успех Рериха показывает, насколько его творчество действительно отвечает запросам духовной жизни современного общества. Наряду с устройством выставок своих картин Рерих читает лекции об искусстве, оставаясь верным своему принципу введения искусства в повседневную жизнь как одной из насущнейших потребностей. Так в 1921 году он организует единственный пока в мире «Институт Соединенных Искусств», где до 60 лучших профессоров преподают все дисциплины, имеющие отношение к искусству. Вслед за тем по инициативе Рериха создается новый международный центр искусств «Корона Мунди», где сосредоточивается пропаганда искусств всех стран и всех народов. Эта организация устраивает выставки как нового, так и старого искусства, являясь деятельным фактором культурного сближения народов. В 1923 году Рерих предпринял длительное путешествие на Восток. Египет, Цейлон, Индия, Тибет, Гималаи, целый ряд малоизвестных азиатских стран и, наконец, через Туркестан, Алтай, Сибирь, Монголию — вот путь, который проделал художник за время немногим более четырех лет. В этот период им написано свыше 200 картин, выражающих внутреннее значение Азии.

Вместе с тем Рерих не оставляет и своей общественной борьбы за проведение в повседневную жизнь стремления к красоте и за установление культурного взаимопонимания человечества на языке искусства. Так перед отъездом из Америки на Восток он пишет «Обращение к женским клубам Нью-Йорка», где, описывая свои впечатления от Америки и указывая на колоссальные творческие успехи американского народа, он говорит: «Место женщины в Америке велико, но велика и ее ответственность за будущее. Одно обстоятельство меня удивило в Америке. Это положение частного художественного собирательства. Есть покупатели предметов искусства, но пламенных знатоков-собирателей встретить

труднее. Также можно встретить вредную легенду о том, что хороший вкус не позволяет иметь много художественных предметов в частной квартире. Эта неудачная легенда в значительной мере идет от декораторов помещений, которые предпочитают занять все плоскости своими часто трафаретными выдумками... Стало трюизмом говорить о международном значении искусства, но, как моление и призыв, мы должны твердить это с неумолимой настойчивостью — с необоримой убедительностью. И когда утверждаем: *труд, красота и действие*, мы знаем, что произносим формулу международного языка». И в своем письме в Общество друзей Музея Рериха, написанном в январе 1927 года в столице Монголии — Урге, Рерих пишет: «В 1924 году статья “Звезда Матери Мира” кончалась словами: ведь не “сидение на тучах”, и не “играние на арфах”, и не “гимны неподвижности”, но упорный и озаренный труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным, приведет к полной находчивости и непобедимости».

Конечно, и проезд через Москву Рериха нельзя счесть за случайное явление. Несомненно, это посещение имело целью разрешение какого-то вопроса важного значения.

В апреле 1927 года Рерих, заканчивая большой круг по Центральной Азии, отправляется в далекое путешествие через всю Монголию в Тибет. Цели этого путешествия имеют мировое значение. «Всемирный Союз Западных Буддистов» поручает Рериху установить взаимную связь буддистов Запада с буддистами Востока. Учение Благословенного, принятое на Западе в его чистом, первоначальном виде, должно быть впоследствии также очищено и на Востоке. С этой целью часть западных буддистов имела намерение избрать своим общим Главой тибетского Далай-Ламу, чтобы через него произвести реформу очищения учения в Тибете и других странах Махаяны, за исключением Японии, где, как говорит Н.К., с большим вниманием относящийся к Японии, буддизм не только не поникает, но приобретает новое значение. Тогда как другая часть буддистов Запада считала положение буддийского Учения на Востоке безнадежным в силу его вырождения в пустую обрядность и невежественный шаманизм. Сам Рерих, чтобы исчерпать справедливость, первоначально примыкал к группе объединения. Из предыдущих страниц дневника читатель видит, как встретил нас Тибет и что мы нашли в этой бывшей «Священной стране». Мало что осталось от Учения Благословенного. Древняя народная религия, шаманизм или «бон-по», существовавшая в Тибете еще до прихода в него учителей буддизма, в течение веков замкнутой полуживот-

ной жизни всецело поглотила все светлые стороны Учения Будды, оставив пустую обрядность и бессмысленно повторяемые тексты писания.

24 ноября 1927 года в Нью-Йорке состоялся Собор Западных Буддистов, на котором должен был быть избран Глава буддийского Центра в Америке. Об этом своевременно был поставлен в известность и тибетский Далай-Лама, но, по-видимому, последний предпочитает продолжать свою политику оторванности от всего живого, от всего мыслящего мира, продолжать оставаться руководителем темных масс тибетского монашества, исповедующего извращенный до своего противоположения буддизм. Таким образом, западный буддизм остается свободным в своих действиях и может совершенно игнорировать Тибет вместе со всем его невежеством и, имея своего Главу, которым не явится ли Н.К.Рерих, может образовать свой центр буддийского Учения, который станет впоследствии центром культурного сближения народов на грани новой ступени Эволюции, ведущей человечество к новым победам духа над инертной материей и к новому, еще большему освобождению человеческих возможностей. Жизнь Н.К.Рериха, так, как мне удалось проследить ее движение за этот год нашего совместного странствования по пустыням Центральной Азии, представляет собою прямую восходящую спираль, где каждый поворот открывает новую грань его души, неудержимо стремящейся к познанию Вечного и Прекрасного.

*Архив Музея-квартиры П.К.Козлова.
Автограф, ксерокопия. 186 л.*